детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

8/2011

Искатель, 2011 №8

Николай Новиков, Павел Михненко, Ирина Комиссарова

Аннотация
ИСКАТЕЛЬ 2011. № 8
Содержание:
ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!
Николай НОВИКОВ. ВРЕМЯ СТРАХА
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16

Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Павел МИХНЕНКО. ЭЛЬГА
Ирина
КОМИССАРОВА. ДОРОЖНОЕ. ПРОИСШЕСТВИЕ
INFO

Аннотация

«ИСКАТЕЛЬ» — советский и российский литературный альманах. Издаётся с 1961 года. Публикует фантастические, приключенческие, детективные, военно-патриотические произведения, научно-популярные очерки и статьи. В 1961–1996 годах — литературное приложение к журналу «Вокруг света», с 1996 года — независимое издание.

В 1961–1996 годах выходил шесть раз в год, в 1997–2002 годах — ежемесячно.

ИСКАТЕЛЬ 2011
№ 8

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

ежемесячный литературный журнал издается с 1961 года

8/2011

(391)

2011

*

© «Искательпресс», 2011

Содержание:

Николай НОВИКОВ
ВРЕМЯ СТРАХА
роман

Павел МИХНЕНКО
ЭЛЬГА
рассказ

Ирина КОМИССАРОВА
ДОРОЖНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ
рассказ

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

В ближайших выпусках читайте захватывающую повесть А. Галкина «Спаситель демократии» (детектив из серии «Вилла Икара»), а также детективную повесть бывшего прокурора А. Юдина «В аду только свои». Кроме того, вас ждут встречи с произведениями известных вам авторов: В. Соколова, С. Саканского, П. Амнуэля, В. Лебедева и многих других.

Николай НОВИКОВ
ВРЕМЯ СТРАХА

Николай НОВИКОВ

ВРЕМЯ СТРАХА

Глава 1

Если вы идете ночью по темному безлюдному дворику, а сзади слышится топот ног — лучше обернуться и посмотреть, кто это там торопится. А если слышите топот не одной, а многих пар ног, то и оборачиваться не следует, бегите без оглядки туда, где светло и ходят какие-то люди. Может, и спасетесь.

Легко давать советы, а выполнять их почему-то не всегда удается даже тем, кто дает. Вот и я, заслышав топот многих ног за своей спиной, не побежал, а остановился, обернулся. И увидел троих «добрых молодцев» — мускулистых, широких в плечах и весьма решительных.

— Ты че, козел, тут шастаешь? — хрипло спросил передовой.

Я не стал отвечать на этот вопрос, подхватил сумку и со всех ног метнулся к улице, где горели фонари и где в моей «Ауди» ждал меня напарник Олег Сырников, или просто Сырник. Я бы мог, конечно, задержаться и ответить на все их вопросы, но в руке была сумка, а в ней — «ММОС-7», дорогой и сложный прибор, который к тому же нельзя купить в магазине. В сражении он запросто мо-

жет пострадать, а этого никак нельзя допустить, поэтому я и побежал. На ходу попытаюсь объяснить суть проблемы. Жена Бублика загуляла, а Бублик (это его настоящая фамилия) — депутат Госдумы, член комиссии по семье и чему-то там еще, должен соответствовать... Чтобы развестись — нужен железный повод. И Бублик обратился к нам, а мы согласились помочь ему за скромное вознаграждение. Почти помогли, конечный результат — в сумке, на диктофоне. Но в этот момент доблестному любовнику надоело наше пристальное внимание к его персоне.

Я выскочил на улицу Дунаевского, но поскользнулся, а поскольку преследователи были уже близко, свернул вправо, так удобнее было. Хотя к машине и к Сырнику нужно было повернуть влево. До нее оставалось всего-то метров двадцать. Бежать дальше было бессмысленно. Я в шаге сделал упор на правую ногу и ударил левой того, кто был ближе.

Его грудная клетка летела в одну сторону, а моя нога — в противоположную, и, когда они соприкоснулись, молодец утробно вякнул и раскрыл рот, жадно глотая ночной воздух. Отряд не заметил временной потери бойца, и двое других пошли на меня, решительно махая кулаками.

Я уклонялся как мог, ответить мешала сумка в руке, и главная забота — ее бы не задели! Но один удар скользнул по скуле, с которой не так давно сошли синяки. Наверное, опять синяк будет. Черт возьми, а где же Сырник?!

Он уже выскочил из машины и теперь огромными прыжками мчался ко мне за спинами «добрых молодцев». А мужики-то не знали.

Правда, крайний услышал бег Сырника, обернулся и даже успел принять боевую стойку. Сырник не любил в драке махать ногами, хотя и умел. У него были длинные руки и кулаки пострашнее чугунных утюгов. Один из них с ходу врезался в ухо крайнего. Какой там «блок»?! Голова отлетела в сторону, а безжизненное тело рухнуло на асфальт. Я успел поставить сумку на безопасном расстоянии, ушел от прямого в голову, ударил боковым, потом снизу, в подбородок, потом, отпрыгнув назад, — ногой в тот же подбородок. Опять попал. «Молодец» почувствовал себя нехорошо, и я (в отличие от Сырника, люблю махать ногами, кулаки у меня не такие большие, как у напарника) ударом пяткой в нос помог сопернику прилечь рядом с корешом на асфальт. Оставался тот, чья грудная клетка соприкоснулась с моей ногой. Он почти отдышался и теперь

думал, в какую сторону бежать. Но не успел сообразить, потому что Сырник без раздумий грохнул его кулаком по голове.

— Спасибо, — сказал я Сырнику.

— Кушай, не обляпайся, — ответил он. — Прибор не повредили?

— Вроде нет.

Кстати, насчет головы я ошибся. Это бейсболка сорвалась и улетела в сторону, а голова осталась. Но ухо на ней было похоже на большой... Во множественном числе говорят — оладьи, а как в единственном, понятия не имею, нужно будет у Новикова спросить, он писатель, должен знать. Но ухо на чудом уцелевшей голове было именно таким.

— А чего не пристрелил одного? Другие бы поняли, с кем имеют дело! — Сырник расстегнул куртку, демонстрируя пострадавшим соперникам подплечную кобуру.

— Жалко, молодые, глупые, не понимают, на кого руку осмелились поднять, — сказал я.

Похоже, это произвело на «добрых молодцев» должное впечатление. Они хоть и лежали на асфальте, пытаясь понять, чего это он вздыбился и ударил их по мордам, но разговор наш уже могли слышать. Мы без проблем подняли их на ноги и

отвели в темный двор, чтобы не смущать честных граждан излишней жестокостью. А там объяснили, что сейчас прибудет опергруппа, заберет их в КПЗ, а потом будет суд за разбойное нападение с целью грабежа, совершенное группой лиц по предварительному сговору. Все доказательства имеются. Бежать не рекомендуется, у них теперь скорости не те, а если попытаются, догоним и еще больше укоротим скорость их передвижения.

— Какие у тебя доказательства? — спросил крайний, прикрывая ладонью оладьевое ухо. Нужно было Сырнику и по второму стукнуть, тогда бы не было проблем со слухом.

— Гоша, сто баксов на нос, но чтоб этот козел забыл дорогу к моему дому! — сказал я голосом Пежо. И показал на сумку. — Объектив видишь? Там еще и видеохроника имеется.

Приуныли они, да это и понятно. Бежать от такого Кинг-Конга, как Сырник, не стоило и пытаться, но и в тюрьму идти не хотелось. И что тут делать?

Я помог им найти выход из критической ситуации. Выяснил, кто есть Гоша, оказалось — крайний с чересчур большим и розовым ухом, и велел ему привести сюда Пежо для серьезного разговора. Не приведет — двое корешей отправят-

ся в КПЗ прямо сейчас, он — чуть позже, вместе с Пежо. С тем и отпустил я парня.

Тут надо сказать, что Пежо был средней руки бандитом и по совместительству бизнесменом, Петром Георгиевичем. Клички своей не стеснялся, поскольку происходила она от его имени-отчества — ПЕтя-ЖОра, и даже любовницы называли его так — Пежо. Не самая плохая, но и не самая лучшая марка французского автомобиля, средняя, как, собственно, и доморощенный бандит Пежо. Он-то и был любовником Оксаны Бублик, а я при помощи «ММОС-7», то есть модулятора лазерного луча микровибрациями оконного стекла, записал их любовное воркование именно сегодня. Правда, меня заметили и пожелали наказать примерно, чтобы впредь неповадно было. Я и это записал. Насчет видеохроники, правда, соврал, но ведь поверили!

Пежо появился, распираемый праведным гневом и одетый в броню превосходства. У него, помимо таких вот добрых молодцев, еще и знакомые адвокаты имелись. Со всех сторон застрахован, с таким опасно связываться — в этом он и хотел убедить нас. Смешной мужик! А зачем тогда приходил, если не имеет чести знать нас?

— В чем, собственно, дело, господа? Я никого

из этих лиц не знаю! И с вами не имел, так сказать, чести... Что вам нужно от меня? — резко спросил он.

— Вот козел, а! — сказал Сырник и положил свою ладонь на плечо Пежо. Оно стало заметно ниже другого плеча. — Не знаешь их, да? А ведь мы не сообщили Гоше твой адрес, когда послали за тобой. Как же он тебя нашел?

— Я... я вышел во двор и случайно встретил этого молодого человека! — заявил Пежо.

Сырник хотел было положить ладонь и на второе его плечо, но я жестом остановил напарника. Подумал, что Пежо станет совсем коротким и нужно будет наклоняться, чтобы говорить с ним.

— Дело в Оксане Бублик, Пежо. Извини, но я делаю свою работу. Собственно, проблема сейчас не в ней, а в тебе.

Броня превосходства Пежо уменьшилась в размерах, но не исчезла.

— Занимаешься грязными делами, следишь за личной жизнью без разрешения? — грозно спросил он.

— Что делать, если грязные дела все еще есть в нашей жизни? — спросил я. — И паскудники, желающие попользоваться чужими женами, имеются. Должен же кто-то наказывать их?

Я неторопливо, но подробно объяснил Пежо, что Вадим Бублик — член фракции «Единство» и, значит, хорошо знаком понятно с каким министром, а поскольку факты организации нападения на меня имеются и в какой ситуации — тоже ясно, то нетрудно представить судьбу Пежо, если ею займутся сам Бублик и его знакомые. Я даже посочувствовал бизнесмену. Куда ж ему со своими хлопцами и знакомыми адвокатами против такой фракции переть? Дохлый номер!

Туг броня Пежо совсем исчезла, и превратился он в невысокого, лысоватого мужичка, весьма испуганного.

— Мужики, ну, было дело. Ну на хрена же нам из этого огород городить, ну? Я готов компенсировать, я заплачу больше, чем Бублик! Из-за какой-то тупой телки...

Он не видел, что в это время к нам подошла Оксана Бублик. Трудно понять, почему высокая, рыжая красавица решила изменить импозантному мужу-депутату с невзрачным Пежо. Да, собственно, я и не собирался это понимать.

— Это я — тупая телка?! — закричала она. — Ах ты, скотина несчастная!

Быть бы новому побоищу, но Сырник развел их в стороны.

— Дура! — завопил Пежо. — Да на хрен ты мне нужна?!

— Струсил, да? А говорил — я их накажу, никто не посмеет мешать твоей любви... Козел!

Я сунул руку в сумку, перемотал пленку диктофона назад, включил. Из сумки послышалось любовное воркование, тяжелые вздохи, стоны.

— Нет, — сказал я, — маловато перемотал. Телефонный разговор с Гошей, насчет того, чтобы наказать нас чуток дальше...

— Не надо, — попросил Пежо. — Слышь, кореш, не знаю, как тебя... не надо, я заплачу, я решу все проблемы!

— Проблем у тебя много, — сказал я.

Оксана замерла с раскрытым ртом, а потом неожиданно встала на колени.

— Пожалуйста, не говорите Вадиму, я сделаю все... я заплачу, сколько скажете! Он заплатит, не то Вадим его посадит! — взмолилась она.

Сырник тяжело вздохнул, поднял женщину на ноги.

— Сколько? — мрачно спросил Пежо.

— Ну, Бублик обещал нам две тысячи, — сказал я.

— Каждому, — соврал Сырник — видимо, вспомнил фильм «Операция «Ы1».

— Плюс сегодняшнее нападение...

— Короче, пять тысяч. Лады, я готов. Но только в обмен на ваши пленки. Чтобы потом не было проблем.

— Вы не скажете Вадиму? Нет? — со слезами в голосе повторяла Оксана. — Я тоже заплачу, у меня есть...

— Не надо, — сказал я. — Пежо заплатит. А ты иди домой и веди себя так, как и подобает жене Бублика, члена комиссии по семье. А то какой же он член?

У нас был принцип — работать только на заказчика, что бы ни предлагали его противники. Но тут речь шла о сохранении семьи, да и женщину не хотелось пускать по миру, ну, ошиблась, с кем не бывает. И мы изменили своим принципам. За семь тысяч баксов, такую цену назвал Сырник, а я не стал возражать ему. Пежо тоже не возражал.

— Нормальный расклад, — сказал Сырник, когда мы ехали домой. — Хотел трахаться с бабой за кабак и сладкие речи, а вышло — семь тысяч баксов.

— Больше, — сказал я. — Браткам-то заплатить нужно.

— Не заплатит. Они ж свое дело не сделали. Но лично я доволен, что так получилось. Хотя...

знаешь, Андрюха, надо было сказать — десять. Он бы, падла, дал.

Я тоже был доволен, хотя и предстояла неприятная процедура соврать Бублику, что супруга не изменяет ему. Но я собирался предоставить эту миссию Сырнику.

Мы приехали к моему дому в Крылатском не с пустыми руками, такой удачный исход дела нужно было обмыть. Я поставил «Ауди» на платную стоянку, Сырник бросил свою «копейку» у подъезда, и пошли мы... Нет, не в мою квартиру, там после гибели Борьки было тоскливо и пустовато. Мы пошли к малышу. Ветка березы, сломленная мной, давно засохла, но мы с Сырником и без нее знали, куда идти. Даже в темноте.

Теплый весенний ветер шелестел листьями берез, трава стала высокой, вот на ней мы и расположились. Я наполнил одноразовые стаканчики водкой.

— Он был бы рад, что мы вернулись, — сказал Сырник. — Сели бы за стол на кухне, а он бы устроился у тебя на коленях, а потом положил бы лапки на край стола, чтобы посмотреть, чем мы закусываем... Он никогда не. залезал на стол.

— Он был воспитанный парень, — согласился я.

Мы выпили в память о Борьке.

— Знаешь, мне не хватает его, — сказал Сырник. — Бывало, поругаешься с Людкой и бежишь... Не к тебе, а к нему, ты ж не станешь меня выслушивать, сочувствовать...

— С чего бы это? Распустил жену...

— То-то и оно! Распустил! На то она и жена, чтобы хозяйничать. А Бориска, он был... не то что мы. Понимаешь, люди сочувствуют, потому что хотят какой-то выгоды добиться, или быть очень правильными, или врут... А он — ничего не хотел, просто понимал меня, просто сочувствовал мне. Выслушает, а потом встанет на коленке на задние лапки и машет передними, мол, не переживай, все образуется... И неважно, угощу я его, нет... Он был настоящим, понимаешь? Не то что мы. Я вот подумаю — вроде обычный серый крыс, а нет! Он был таким... светлым, теплым пятном, понимаешь?

— Понимаю, — сказал я. — В нашем деле часто сталкиваешься со всякой дрянью, как сегодня. Злость в душе остается, и даже водкой не вымыть ее. Остается, копится. Ас Борькой... Угостишь его, пообщаешься с малышом — и растворяется злость, исчезает. Он был не просто другом...

Одноразовые стаканчики запросто выдержива-

ли и второй, и третий раз. И мы воспользовались их прочностью.

— Он был каким-то невероятным существом. Почему ты, Корнилов, не заведешь себе другого крыса? Я бы с удовольствием, да Людка не хочет.

— Потому и я не хочу.

— Не понял.

— Ты же сам сказал — невероятным он был, мой Борька. Боюсь, что второго такого не будет. Я его люблю, прихожу сюда, цветы кладу... Плохо без него.

— Это верно, — вздохнул Сырник.

Мы выпили еще, сказали Борьке, что любим его, помним, и пошли к дому, где оставили «копейку» Сырника. Он поехал к себе, я поднялся на лифте в свою квартиру. Борькину клетку все же отнес на лоджию, но поневоле смотрел на то место, где она стояла. Все казалось — клетка на месте, и малыш вот-вот заберется по прутьям наверх, станет махать мне своей розовой лапкой...

А его не было.

Глава 2

Домашние дела у Сырника складывались просто замечательно. В школе учебный год закончился, девчонки ушли на каникулы, жена больничный взяла — у нее аллергия на тополиный пух, а тут и работу мы закончили быстро и без проблем, и гонорар неожиданно крупный подоспел. В общем, через день Сырник позвонил мне и сказал, что собирается на недельку к теще на дачу махнуть всей семьей.

Я не стал возражать, отпустил напарника на неделю, но с условием — перед отъездом он встретится с Бубликом, вернет пятьсот долларов аванса и скажет, что ничего плохого в поведении жены Оксаны мы не обнаружили. Обычно упрямый Сырник тут же согласился — видимо, уже был занят мыслями о предстоящем отдыхе на даче и не хотел отвлекаться на споры, кому ехать к Бублику. Но предположил, что пятьсот долларов Оксана могла бы и сама заплатить, она ведь предлагала нам деньги.

Нетрудно было догадаться, что рядом с Сырником стояла жена Люда, которой он успел рассказать о вчерашнем происшествии с наме-

ком — вот, мол, что бывает с неверными женами! Люда поняла это по-своему — раз попалась, так пусть и платит, нечего пятьсот баксов возвращать. Пришлось напомнить, что мы свое получили сполна, женщину шантажировать нехорошо, и вообще, жадность фраера погубит. Если у него нет лишних пятисот долларов, пусть заедет в офис, возьмет из сейфа. И позвонит после того, как поговорит с Бубликом.

— Я бы заехал в офис, и к тебе заскочил бы, — сказал Сырник. — Но смотреть только на твою рожу — зря время тратить, а Борьки нету.

Я пожелал ему удачно отдохнуть.

Ну а мне можно было наконец-то заняться личной жизнью. И тоже махнуть на родительскую дачу, вдвоем, разумеется. А с кем? Наташа вряд ли согласится, с Викой давно не виделись, у нее, поди, кто-то другой появился, модели без внимания долго не могут оставаться по определению. Жанна... нет. Лена? Нет, она меня сильно разочаровала. Были еще редакционная Маша, Рита из турагентства и... Ну конечно же! Дама в белом «Мерседесе», хозяйка салона «Готика», что на Кутузовском. Она ведь собиралась улучшать жестокий и несправедливый мир, я ей могу предоставить такую возможность. Да ведь и обе-

щал зайти как-нибудь, отблагодарить за то, что подвезла меня, закамуфлированного под грязного бомжа, бесплатно. Свои обещания я часто выполняю. Во всяком случае, стараюсь.

Она была постарше Ленки, наверное, моя ровесница, и красива не броским ароматом юного цветения, а сладкой гармонией спелого плода в самом соку. Что-то на образы меня потянуло, видимо, сказываются последствия встречи с писателем Новиковым, два дня назад гостил у него, выпили, поговорили о современной литературе... В тот вечер он с особой страстью рассуждал о ней, и причиной тому был, как ни странно, утренний визит сантехника к писателю.

Сантехник был, по словам Новикова, солидный, здравомыслящий мужик и, что самое главное, трезвый. Меняя смеситель в ванной, он рассуждал о современной жизни и казался писателю истинным представителем здоровой части российского общества. А когда сантехник сказал, что не может слушать радио, потому как там хрипят и бормочут сплошь наркоманы и шизофреники, Новиков проникся к нему еще большим уважением, ибо и сам время от времени думал так же. Здоровый представитель российского общества почувствовал вдохновение и сказал,

что на экране телевизора тоже кривляются одни лишь придурки, смотреть невозможно, а самые законченные наркоманы и шизофреники — писатели. Он же не знал, к кому пришел кран чинить. Новиков сильно огорчился и потом весь вечер доказывал мне, что сантехник имел в виду не его, а других писателей. Чтобы поддержать приятеля и самому убедиться в несправедливости суждений сантехника, я пробовал мыслить образами, доказывая, что вот же — мыслю, а — не наркоман, не шизофреник! До сих пор не прошло...

Но это я отвлекся. А женщина — да, теперь она казалась мне очень сексапильной. Правда, у нее мог быть муж, или постоянный любовник, или то и другое. В таком случае — извинюсь и тихо исчезну. Но почему-то думалось, что она одинока, иначе с чего бы эти мысли насчет улучшения жестокого и несправедливого мира? Он, конечно, и вправду жестокий, но если есть с кем — так на это и внимания не обращаешь.

Я загрузил в компьютер базу данных частных учреждений Москвы, без проблем нашел в ней салон «Готика» на Кутузовском. В который уж раз поймал себя на мысли, что Борька непременно понажимал бы клавиши лапками и вывел бы на экран самое аховое заведение из списка, у него

это здорово получалось... То сауну с полуголыми дамами выведет на экран, то подозрительно красивых массажисток. Я ему говорил на это — тебя, серенький, туда все все равно не пустят.

Салон «Готика» предлагал дамам все, что предлагает хорошая парикмахерская, плюс массаж и прочие оздоровительные для кожи лица и всего прочего процедуры. Мужчинам там ничего не предлагали, но это меня ничуть не расстроило, я же не стричься у них собирался. Хозяйку салона звали Анастасия Дмитриевна Волчкова, ну значит, Настя. Хорошее имя, давно у меня не было женщины, которую звали бы Настей. Телефон заведения прилагался, и я позвонил.

— Салон «Готика», — пропел в трубку мягкий женский голос.

— Привет, салон, — сказал я. — Анастасия Дмитриевна сегодня на месте или как?

— Простите, а кто ее спрашивает?

— Знакомый. Так она присутствует в салоне?

— Позвать?

— Не надо, и лучше не говорить о моем звонке, я через час приеду, пусть это будет сюрпризом. Договорились?

— Ну, не знаю... — засомневалась девушка.

Я тоже засомневался. А вдруг моя знакомая не

главная хозяйка, а, скажем, исполнительный директор? Приедешь, а хозяйка — шестидесятилетняя тетка! Здрассте, Анастасия Дмитриевна, может, поужинаем...

— У нее есть белый «Мерседес»?

— Да-а... А что?

Я вздохнул с облегчением — Настя Волчкова, она. Поблагодарил телефонную девушку и положил трубку. Значит — Настя. А если не получится, поеду в турагентство, уж Рита не откажется пообедать (наверное, все же поужинать) в ресторане «Санта-Роса». Было у меня желание посетить именно этот ресторан, понравилось мясо и вообще аргентинская кухня.

Вот вопрос — что надеть на первое свидание с незнакомой в общем-то женщиной? Которая не просто красавица, а еще и салоном владеет, на белом «Мерседесе» ездит и собирается мир улучшать? Можно куртку и джинсы и выглядеть спортивным мужчиной в полном расцвете сил — правда, без пропеллера за спиной. А вдруг ей не нравятся такие? Можно костюм с галстуком, а у меня еще и шляпа имелась; правда, шляпу я надевал всего раз, да и то, когда в ванной сидел. Но все же получится солидный, респектабельный господин... Если бы мы познакомились в

нормальной обстановке, скажем, на дискотеке, куда я не хожу, или на какой-то презентации, куда меня не приглашают, выбрал бы костюм. Но после того как она видела меня в образе бедного старика в помятом, грязном плаще, дорогой костюм и галстук — слишком разительная перемена, может напугать женщину, отбить всякую охоту знакомиться со мной. Да и пистолет под курткой менее заметен; а я уже не появлялся на улице без оружия. Если есть разрешение — глупо не пользоваться им.

Без пятнадцати три пополудни я остановил свою белую «Ауди» прямо напротив стеклянной двери салона и вошел внутрь, держа в руке букет из пяти красных роз.

Первый зал — обычная парикмахерская, где женщины стриглись, делали укладку, сохли под фенами. Но был и другой зал, в котором проводились более продвинутые процедуры вроде массажа, «масок» и... что там еще бывает?

— Здравствуйте... — растерянно сказала девушка в красном халатике. — Вы хотите подстричься?

Она говорила со мной по телефону. Спасибо, что не спросила «вам назначено?». Терпеть не могу этого идиотского вопроса.

— Здравствуйте, как вас зовут? — спросил я.

— Таня.

— Танюша, мы говорили по телефону, я, как и обещал, пришел к Анастасии Дмитриевне. Она у себя?

— Да, конечно, — смущенно улыбнулась Таня, симпатичная девушка, но я приехал к другой. — Вон туда пройдите, по коридору вторая дверь справа.

Я поблагодарил Таню и пошел в темноватый по сравнению с залом коридорчик. Постучал в белую дверь и вошел. Настя сидела за столом, просматривала какие-то бумаги, наверное финансовые. Знакомая картина, в какую фирму ни придешь — начальство сидит за столом и финансовые документы листает. Неужто изо дня вдень по восемь часов этим занимается? Настя отодвинула бумаги в сторону, подняла взгляд. Она была такой же грустной, как и в день нашего знакомства, до сих пор думала, как улучшить жестокий и несправедливый мир. Видимо, достал он ее, и серьезно. Но грусть была к лицу Насте и в меня вселяла уверенность. Розовощекую, довольную всем хохотушку трудно чем-то удивить, а грустную женщину — проще.

— Здравствуйте, Настя, — сказал я, протягивая

ей розы. — Позвольте представиться — Андрей Корнилов.

Она взяла цветы, положила на стол.

— Простите, не припомню... Ваша супруга...

— У меня нет супруги.

— Да? Тогда я не понимаю...

— Я сказал, что зайду поблагодарить вас, вот и зашел.

— Где-то я слышала ваш голос... Вы работаете на радио?

— Нет, я частный предприниматель. Однажды вы подвезли меня с Полянки на Рублевку, причем бесплатно.

— Господи! — выдохнула она. — Так это вы? Это — вы?! Послушайте, я же поняла, что вы не старик, но не могла понять другое — что все это значит? Садитесь и расскажите, мне жутко интересно! Почему вы так замаскировались?

Я сел на алюминиево-дерматиновый стульчик у стола, вежливо улыбнулся. Мне нравилось в этом салоне, и мне нравилась Настя. Честно говоря, если бы она прогнала меня, не знаю, поехал бы я в турагентство или нет.

— Это не столь интересно. Вы сделали то, во что я уже не верил, — подвезли на «Мерседесе» почти что бомжа.

— Вы скрывались от кого-то?

— Скорее напротив. Охотился.

— Ну и как охота?

Она с нескрываемым интересом смотрела на меня.

— Была удачной. И даже в какой-то степени приятной, благодаря вам. В знак признательности я хотел бы пригласить вас пообедать в ресторане с прекрасной аргентинской кухней. Если вы замужем, готов испросить разрешения у вашего супруга, ну а коли он будет против — готов извиниться.

— Больно вы хитрый, господин охотник, очень уж лукаво изъясняетесь.

— Почему?

— С вашими способностями нетрудно узнать, что мужа у меня нет, господин охотник. Да и откуда ему быть у деятельной женщины в нашей стране? Одних певиц сколько несчастных, потому что мужья на их шеях сидели. Нормально живут только те, кого спонсируют мужья. Да и то не всегда.

— Певицы меня не интересуют, спонсировать их я не намерен и приглашать в ресторан тоже. Так что вы скажете, Настя?

Она не успела ответить. В кабинет без стука

вошел кряжистый мужичок в кожаной куртке и бюргерской шляпе на круглой голове. Это я успел заметить, хоть и сидел спиной к вошедшему. Короткого взгляда было достаточно, чтобы заметить еще и слишком большое ухо, торчащее из-под шляпы. Он, конечно же, заметил меня, но не узнал и вообще не собирался тратить время на общение с пустым местом. Такой вот чересчур занятой молодой человек в шляпе. Видимо, одного большого уха ему показалось мало, пришел за вторым. А мне что, жалко?

— Ну что, красотка? — развязно сказал он. — Выгони этого козла, побазарить надо.

Настя с испугом посмотрела на меня, неуверенно пожала плечами. Я промолчал, интересно было послушать, что он еще скажет.

— Я же заплатила, — сказала Настя.

— Маловато будет, Пежо недоволен тобой. — Индеец Большое Ухо бесцеремонно хлопнул меня по плечу. — Ну че сидишь, фраер? Канай отсюдова!

Я стерпел, хотя не люблю, когда ко мне так невежливо обращаются. Да и Пежо мне изрядно надоел. Однако ж податливо согнул плечи, изображая испуг. Нравилась мне эта игра, исход которой был вполне ясен. Пежо как нельзя вовре-

мя послал своего боевика для сбора дани! Настя уже была не просто испугана — поглядывала на меня с раздражением, что несложно было понять. На женщину бандит «наезжает», а мужчина сидит и молчит! Что он вообще тут делает?!

— Ну так какой базар будет с твоей стороны? — спросил Большое Ухо.

— Никакого! — крикнула Настя. — Больше платить я просто не могу, так и передай!

— Если ты имеешь в виду инфляцию, спроси меня, — сказал я. Медленно поднялся со стула, посмотрел в глаза Большому Уху. Столько чувств просквозило в его глазах за мгновение, сколько, наверное, за сутки не бывало. Ярость сменилась изумлением, он узнал меня. Растерялся, а потом испугался. Наверное, понял, что его уши могут стать еще больше, а куда уж больше!

— Это ты?! Ты... — Он поднял руки, закрываясь, шагнул назад.

Но я все это давно просчитал. А то, что он шагнул назад, было просто замечательно, я мог ударить ногой так, как хотел. И ударил. Добавил рукой, и Большое Ухо послушно лег на желтый линолеум пола у моих ног. Не очень интересно получилось, вроде как в американских детективах, но что поделаешь. Не сражаться же долго и

упорно мне, Андрею Корнилову, с каким-то говнюком? Я все-таки мастер спорта... Зато — вполне эффективно в смысле общения с красивой женщиной. Теперь она смотрела на меня с восторгом. Приятно видеть такой взгляд.

— Пежо надоел мне еще вчера, — сказал я. — И ты тоже. Мы же договорились, не будем больше друг другу нервы портить. Или я ошибся?

— Я не знал, что это ты... кончай, слушай... я просто...

— Понятно. Пежо прислал тебя, ты пришел, так?

Большое Ухо согласно закивал, стараясь отползти к двери.

— Пришел, так разговаривал бы вежливо, — сказал я. — Перед тобой красивая женщина, незнакомый мужчина, поздоровался бы, извинился за то, что мешаешь разговору. Тебя в школе учили, как с незнакомыми людьми разговаривать?

— Не учили... Не было такого... предмета...

Я расстегнул куртку, взялся за рукоятку пистолета.

— Ну, тогда не обижайся. Попытка ограбления, имею право применить оружие.

— Прости, мужик, я все понял...

— Андрей! — крикнула Настя. — Пожалуйста, не стреляй!

— Как прикажешь, дорогая, — сказал я. И достал носком туфли щеку дебила. Не сильно, но синяк останется. У меня тоже остался после вчерашнего.

Хорошо, что она назвала меня по имени. Есть надежда, что не откажется от приглашения в ресторан.

— Не надо, Андрей, уже и так люди перебалмучены, — сказала Настя.

Она была права, за дверью слышались торопливые шаги, громкие возгласы. Хорошее вышло представление; в принципе, можно было даже заплатить Пежо за все это, но он и сам сообразил послать дебила именно в тот момент, когда я был в салоне. Кстати, салон-то был совсем недалеко от вчерашних событий.

Я сказал Большому Уху все, что должен был сказать по поводу этого салона, напомнил, что уши нужно беречь, они могут еще пригодиться. Он понял и, привстав на карачки, выпрыгнул за дверь. Никто его не преследовал. Настя с изумлением смотрела на меня, хлопая длинными ресницами.

— Кто ты, Андрей?.. — спросила она.

— Да я же сказал — частный предпринима-

тель.

— А пистолет?

— А как без него, когда вокруг такие личности? Ты же сама сказала — мир жестокий и несправедливый.

— Ты можешь и без него... Кажется, я начинаю понимать...

— Настя, я рад, что мы перешли на «ты». Ну так что, едем в аргентинский ресторан?

— Ты думаешь, я могу отказаться после всего этого?

— Можешь.

— Думаешь, я хочу отказаться?

— Вот этого не знаю.

— Я согласна. Но ты мне расскажешь откуда знаешь Пежо. Договорились?

— Да прямо сейчас могу. Мы встретились вчера, и Пежо сказал, что будем друзьями до гроба. Он так и сказал, а я не стал возражать. Но он не знал, что мы с тобой знакомы, вот и допустил оплошность. Теперь знает и, надеюсь, при встрече с тобой всегда будет снимать шляпу.

— Ты думаешь, я поверю?

Мы решили ехать в ресторан на моей «Ауди». Кстати, Настя еще раз удивилась, увидев мою машину. Я скромно развел руками, втайне надеясь,

что не последний раз удивляю эту женщину.

— Моим девушкам понравился твой голос, — сказала она, когда мы выехали на Кутузовский. — А они большие спецы по телефонным голосам. Так и сказали мне — звонил мужчина с очень приятным голосом. А я все думала — кто бы это мог быть?

— Других мужчин с приятными голосами в наличии не имеется? — как бы невзначай поинтересовался я.

— Чтобы мои девушки это заметили — нет.

Хороший ответ, она внушала мне надежду, которая недолго грела мою душу. Уже на подъезде к Большой Якиманке я сообразил, что ресторан Дамкина-Кривова может быть закрыт по причине того, что их хозяева сидят в Бутырке. Правда, прошло немало времени с момента их посадки, но кто знает, сколько длятся у нас финансовые проверки подозрительных учреждений. Сколько надо, столько и длятся.

Однако дверь ресторана легко открывалась и закрывалась, и, кажется, не только для сердитых инспекторов налоговой инспекции. Я, как галантный кавалер, выскочил из машины, подал руку Насте, другой захлопнул дверцу и включил сигнализацию. Под руку, похожие на солидную

супружескую пару, мы вошли в небольшой вестибюль, где разгадывал кроссворды швейцар в широкополой шляпе и потертых джинсах ковбоя. Не тот, что некогда встречал меня, другой, более пожилой и почти лысый. Но — по-ковбойски высокомерный, только взглянул на нас, и все. А прежний, помнится, тотчас же предложил провести меня к столику.

— Пожалуйста, сидите, не извольте беспокоиться, — сказал я ему таким тоном, что мужик мигом вспомнил о своих обязанностях и вскочил на ноги.

Но мы уже прошагали в прохладный зал «Санта-Росы». Там царил полумрак, народу было немного, оно и понятно, еще не вечер. Сели за столик, благополучно дождались официанта, который приветливо поздоровался, положил перед нами меню. Я протянул его Насте, и она принялась изучать список экзотических ароматов и вкусов далекой Аргентины. А вот официант почему-то принялся изучать меня, потом извинился и умчался прочь. Причем я заметил на его лице тень растерянности.

— Что это он? — недовольно сказала Настя. — Я как раз выбрала... мясо на углях, а он убежал.

— Именно его я хотел порекомендовать тебе. А

официант растерялся и решил посоветоваться с начальством, можно ли предлагать такой красивой даме мясо.

— Оно разве жесткое?

— Мясо — не взбитые сливки с шоколадом, тем более жаренное на углях. Но если ароматное, сочное и с хрустящей корочкой — суди сама.

— Уже рассудила, — улыбнулась она.

А я начал догадываться, что в этом ресторане могут возникнуть всякие неприятности и, значит, следует быть готовым к ним. Хорошенькая перспектива для первого свидания! Но дело в том, что именно я был причиной того, что хозяева оказались в Бутырке. Если после этого у ресторана возникли серьезные проблемы, а люди знали, кто в этом повинен, могли как-то испортить ему визит. Что им стоит сотворить какую-то гадость, и не одну? Зря я привез Настю в «Санта-Росу».

— Ты чего приуныл? — спросила Настя. — Думаешь, он вообще не подойдет к нашему столику?

Заметила мое состояние.

— Понимаешь, Настя, здесь очень вкусно готовят, но кое-что изменилось со времени моего последнего визита. Честно признаюсь, я не большой знаток ресторанов, потому и решил пригласить тебя... А вдруг у них мясо теперь не

такое вкусное?

— Если хочешь, поедем в другой ресторан. Я знаю, где нас обслужат хорошо.

— Давай немного подождем.

Ждали мы недолго, минут пять, а потом к столику подошел мужик лет сорока, в хорошем костюме с «бабочкой», поцеловал Насте ручку, приветливо улыбнулся мне.

— Добрый день, Андрей. Меня зовут Михаил Иванович, можно просто Миша, я директор «Санта-Росы». Очень рад, что вы, Андрей, снова посетили наш ресторан. Позвольте мне угостить вас за счет заведения. Все, что пожелаете вы и ваша прекрасная спутница.

Хуже всего, когда тебе улыбаются там, где должны нагрубить. Прежде чем ответить, нужно понять причину, а это не всегда просто сделать.

— Спасибо, но у меня есть деньги, — сказал я. — Не хочу злоупотреблять, и вообще пришел потому, что мне здесь понравилось. Надеюсь, и Насте понравится.

— Спасибо за доверие. Я не сомневаюсь, что у вас есть деньги. Но я настаиваю на своем предложении. Вы позволите?

Настя засмеялась, глядя на меня. Она тоже ничего не понимала, но ей нравилось отношение

ресторанного начальства. А мне нет. Я встал, взял начальника за локоть, отвел в сторону.

— Миша, пожалуйста, объясните, что все это значит. Вы знаете, кто я, но, может быть, не знаете, что не люблю сюрпризов.

— Никаких сюрпризов, Андрей. Все очень просто, — вполголоса сказал директор. — Благодаря вам посадили двух придурков. Но они, еще до этого, предусмотрительно продали ресторан своим родственникам. Те оказались умными людьми, дали денег на раскрутку и не мешают. Дела пошли намного лучше, девчонок не выдергивают для заграницы, бандитских встреч не нужно устраивать. Дамкин сказал, что вы наш злейший враг, но лично для меня — вы друг, вы помогли мне сделать ресторан таким, какой я хочу. Я уже и не мечтал об этом. Ну так позвольте отблагодарить за это? Если опасаетесь, что могу отравить, так это несложно сделать и когда клиент платит. А когда угощаешь — клиент может не опасаться абсолютно ничего. Таков закон.

Я такого закона не знал, но теперь буду знать.

— Хорошо, — сказал я. — Если так...

— Именно так. Для меня вы всегда — желанный гость.

Мы вернулись к столу, Настя *с* любопытством

смотрела на меня. Похоже, хотела сказать, что со мной не соскучишься. Я и сам бы про себя такое сказал.

— Миша хочет нас угостить, — сказал я. — Думаю, нам понравится мясо, жаренное на углях. И что-то выпить. Заказывай, Настя.

— Я люблю текилу с грейпфрутовым соком, — сказала Настя. — Апельсины и салат из крабов.

Миша согласно кивнул, повернулся ко мне. Текила с грейпфрутовым соком — это вам не появление заведомо слабого противника, с которым несложно разделаться на глазах прекрасной дамы! Текила — это уже изыск, стиль, и надо думать, как бы не ударить в грязь лицом, то есть — соответствовать. Думал я думал, но так и не придумал, чего бы мне такого-эдакого заказать.

— Сто граммов водки и... грибки, огурчики, если можно, — решил я остаться самим собой.

Миша сам принес бутылку текилы, стеклянный графин с соком, бутылку водки. Сам откупорил бутылки, разлил напитки, подождал, пока появится крабовый салат, и сказал:

— Андрей, бутылки ваши, надо взять их с собой, такое правило. Ну а остальное — надеюсь, понравится. И помните, вы всегда желанный гость у нас.

— Спасибо, Миша, — сказал я. — Тогда у меня такое предложение — давайте с нами.

— Извините, не могу. Разве что рюмку водки.

Тут и грибки с огурчиками подоспели, уж не знаю, чем там закусывают в Аргентине, но наши «аргентинцы» понимали, в какой стране работают. Мы выпили, закусили, а потом директор пожелал приятного аппетита и солидно удалился.

— Первый раз встречаюсь с таким суперменом, — сказала Настя, протягивая бокал.

— Честно говоря, я тоже, — сказал я.

И налил ей текилы с грейпфрутовым соком.

Глава 3

Настя, оказывается, жила неподалеку от меня, на Рублевском шоссе. Из ресторана она позвонила своим «девочкам», велела пригнать «Мерседес» к дому на платную стоянку. Поскольку особых возражений не последовало, я понял, что операция по доставке машины к дому проводится не впервые. Но это соображение не испортило мне почти праздничное настроение, поскольку мясо было даже вкуснее, чем в прошлый раз, а главное, понравилось Насте. И вообще обслуживание было такое, о каком я и мечтать не смел. Официант стоял неподалеку, в полной готовности исполнить любую прихоть Насти. А когда мы поднялись из-за стола, Миша сам упаковал в фирменный пакет бутылки с напитками, добавил пару свертков, и мы расстались друзьями.

Вот уж не знаешь, где найдешь, а где... Еще когда служил в ФСБ, у меня были дела с ресторанными воротилами, слышал заверения, мол, приходи, дорогим гостем будешь, да что-то не хотелось туда приходить. А в ресторане, где меня просто могли послать куда подальше, — пошел бы, а куда денешься? — приняли как старого друга.

Неисповедимы пути Твои ресторанные, Господи! Но спасибо, что так все получилось. Хорошо, да, правда, страшновато, ибо если сегодня все так удачно получается — жди проблем завтра.

Но вот о них думать не хотелось. Коль скоро Настя велела пригнать свою машину к дому, возвращались мы на моей «Ауди» и — ко мне домой. Специально об этом не говорили, но и без слов все было понятно. Если трезво рассудить — так что ж тут удивительного? Настя понимала, что нравится мне вовсе не потому, что богатая дама, а я понимал, что нравлюсь ей как мужик, на которого можно опереться в деле улучшения жестокого и несправедливого мира. Это всех устраивало, хотя я надеялся, что нравлюсь ей и просто как мужчина. Но кто же может сказать об этом наверняка, тем более общаясь с дамой, которая пьет текилу с грейпфрутовым соком? Это уж потом, когда проживешь бок о бок лет двадцать, можно понять... Да и то ошибешься.

— Мне нравится у тебя, очень уютно, — сказала Настя, осмотрев мою однокомнатную квартиру.

Понятно, ей хотелось как можно больше узнать обо мне, и по моему жилищу — тоже.

— Да брось ты, — сказал я. — Жилище вполне скромное, с некоторых пор — пустынное.

— Женщина ушла?

— Нет. Мой друг Борька погиб, его ранили во время бандитского налета, а потом он умер...

— Ты жил с другом? — удивилась Настя.

— Да, — сказал я. — Он был самым преданным моим другом, очень любил меня. Мы похоронили его тут неподалеку, в березовой рощице, я часто навещаю его могилу.

Она уставилась на меня с настороженностью, не понимая, это шутка или нечто другое.

— И что ж это за друг?

— Он был обычным серым крысом. Но умницей и красавцем. Я тоже его очень любил, только теперь понимаю — как.

— Крыса... — с облегчением вздохнула Настя. — Ты уже четвертый человек, который говорит мне что-то похожее. Я не верила, но тебе верю. Да и в журнале видела фотографию известного артиста с крысой на плече... Что, правда они такие умные и преданные хозяевам?

— Правда, — сказал я. — Проблема в том, кто должен спрашивать об этом, мы или они?

На кухне я включил чайник, чтобы приготовить даме кофе, ну и, конечно, достал бутылки, разлил по бокалам напитки (пакет грейпфрутового сока я купил по дороге, графин с этим

напитком нам не упаковали). В свертках оказалось мясо, жаренное на углях, оно даже не успело остыть, и хоть были мы не голодны, отказаться от такого деликатеса не смогли. Это мясо с хрустящей корочкой, сочное и мягкое, было даже вкуснее шашлыков. Под него Настя пила текилу сперва с грейпфрутовым соком, а потом только запивала им.

— Так, значит, ты живешь один? — спросила Настя после очередного поцелуя. — А женщины?

— Бывают, им, как и тебе, нравится моя квартира.

— А потом что с ними случается?

— Ничего плохого, я не Синяя Борода. А что с твоими мужчинами случается? Только не говори, что их нет.

— Я была замужем за Сережей Волчковым. Может, слышал, банкир, которого убили в две тысячи седьмом? У меня сын, девять лет. Кстати, тоже Андрей, учится в школе... в пансионе. Все остальное несерьезно. То есть хочется, чтобы было серьезно, а не получается. Уж не знаю, почему...

— Пансион — это вроде интерната?

— К сожалению, совсем нет времени заниматься ребенком. Мой салон, бандиты, проблемы с

ментами, налоговиками, а еще у меня большой пакет акций Сережиного банка... — со вздохом сказала Настя.

У меня ничего такого не было, в смысле акций и салона, потому и вздыхать я не стал..

— Понятно, — сказал я. И, чтобы оставаться в теме, признался: — У меня тоже все как-то не очень серьезно в плане личной жизни. Любил одну девушку по имени Наташа, а она взяла и убежала к богатому папику. Я женился на другой, но ненадолго. Потом Наташа овдовела, стала крутой бизнес-леди, вспомнила обо мне, должность предлагала... в фирме и в спальне, но я отказался.

Мгновением позже я понял, что Настя такая же вдова и бизнес-леди, как и Наташа, и не следовало ей рассказывать эту историю. Но что поделаешь... глупею стремительно, и не от выпивки.

— То есть крутые бабы, как ты выражаешься, бизнес-леди, тебе не подходят? — *с* усмешкой поинтересовалась Настя.

— Себя имеешь в виду?

— Отчасти.

— Тут дело вот как обстоит... Если они меня находят и предлагают свои условия, которые мне не очень нравятся, — это одно, а если я их сам нахожу — совсем другое. Чувствуешь разницу?

— Ну еще бы! Знаешь, Андрей, мы чем-то похожи с тобой... В смысле этих поисков. Я это просто почувствовала...

Может, и так, но я уже неспособен был делать глубокие обобщения, все-таки женщина рядом была красивая, не отводила губы и крепко обнимала меня при поцелуе. Какие уж тут обобщения? Впрочем, одно я все-таки успел сделать — засиделись мы на кухне, пора в комнату перебираться, постель застилать. Но именно в это мгновение раздался звонок в дверь. Ну как тут не чертыхнуться! Только собрался делом заняться — кто-то приперся! И прямо-таки требует, чтобы его впустили! Кто бы это мог быть, интересно?

— Ты кого-то ждешь? — настороженно спросила Настя, отстраняясь.

— Нет, — сказал я.

Не очень уверенно. Да, не ждал, но и без приглашения могла явиться одна из бывших подруг, таких можно было насчитать пять-шесть, и тогда... Сложение в этой ситуации вряд ли возможно, а вычитание — запросто. Одна дама минус одна получится ни одной. Уж лучше бы следователь Митрофанов приперся с какими-то проблемами! Мы сотрудничали с ним в деле Дамкина-Кривова и все проблемы давно решили, но,

может, другие появились?

Оставив Настю на кухне, я решительно двинулся в прихожую с твердым намерением никого не впускать в квартиру. Посмотрел в дверной «глазок», увидел на лестничной площадке высокую пожилую женщину в белом брючном костюме. Вряд ли это была соседка, пришедшая за солью; во-первых, за солью давно уже не ходят к соседям, по крайней мере, в нашем доме, а во-вторых, я никогда не видел ее прежде — значит, не соседка. А тогда кто и зачем? Узнать это можно было только одним способом — открыть дверь и спросить, что я и сделал.

— Андрей Корнилов? — спросила женщина, внимательно разглядывая меня. И довольно-таки бесцеремонно заявила: — Таким я тебя и представляла.

В другое время я, может, и порадовался бы, что меня представляет себе такая солидная дама, но в этот вечер что-то не хотелось. У раскрытой двери женщина показалась еще старше — лицо темное, морщинистое, седые волосы стянуты в пучок на затылке, выцветшие глаза смотрят холодно и требовательно. Не Баба-Яга, но что-то вроде нее.

— Добрый вечер, — не слишком вежливо сказал я. — Слушаю вас.

— Мне подсказали обратиться к тебе, но в офисе никто не подошел к телефону, вот я и приехала домой. Ну что, пригласишь войти? Разговор серьезный.

— Кто там, Андрей? — спросила Настя, выглядывая из кухни.

— Баба? — быстро спросила незваная гостья. — Ты ее хорошо знаешь?

Похоже, она привыкла вести себя весьма бесцеремонно с незнакомыми людьми.

— Это моя девушка, я ее хорошо знаю, — жестко сказал я. — Приходите завтра в офис, если у вас имеется ко мне предложение. А сейчас извините, я занят.

— При посторонних разговор не получится, — ничуть не смутившись, сказала пожилая дама. — Договоримся так, Корнилов. Завтра в семь вечера я приезжаю сюда, но чтоб в квартире никого, кроме тебя, не было. Ты все понял?

— Отчасти. А вы, похоже, не очень. Повторяю: встретимся завтра у меня в офисе, если до того времени не передумаете.

— Не передумаю, я уже решила. А насчет офиса — это исключено. Дома у тебя, здесь, завтра в семь. Никому не говори о том, что была и буду, дело у меня серьезное, не для посторонних ушей.

До завтра.

Она величественно кивнула, подтверждая сказанное, и пошла к лифту. Когда двери лифта захлопнулись за странной дамой, я выскочил на лестничную площадку, осмотрелся — ничего подозрительного не заметил. Запер дверь и вернулся на кухню.

— Да кто там был? — недоумевала Настя. — Очередная любовница?

— Я похож на мужика, у которого есть престарелые любовницы? А ей, пожалуй, за шестьдесят будет.

Я подошел к окну, посмотрел вниз. Там у подъезда стояла черная иномарка, похоже, «Мерседес», и покруче, нежели у Насти. Женщина в брючном костюме вышла из подъезда, уверенно села в машину, на пассажирское сиденье — значит, приехала с водителем, — и укатила. Настя стояла рядом и все это видела.

— Похоже, крутая тетка, — сказала она.

— Похоже, что так, — согласился я, обнимая Настю. — Странно, что пришла домой.

— Что ей нужно было от тебя?

— Не знаю. Вроде бы серьезный разговор предстоит, но без посторонних. Сказала, завтра придет в семь.

— Хочет, чтобы ты расследовал какое-то темное дело?

— Возможно.

— Откажись, Андрей. В таких машинах ездят люди, к которым лучше не прикасаться.

Я так не думал, хотя Настя, вероятно, лучше меня знала, кто в каких машинах ездит.

— Знаю, но это моя работа. Надо же мне как-то на жизнь зарабатывать?

— Откажись, — настаивала Настя. — У меня есть деньги.

— Намекаешь, что в случае финансовых проблем могу перехватить у тебя до гонорара?

— Почему бы и нет? Я тебе должна за сегодняшнее избавление от наглого придурка, так что...

— Перестань, Настя! Разговора о деньгах нам только не хватало! — сказал я. — Про равноправие полов и про то, что теперь твоя очередь платить в ресторане, надеюсь, не будем спорить?

Настя могла бы поспорить, но я прижался губами к ее пухлым и сладким губам, прекращая ненужные разговоры. Это подействовало лучше слов. Ну а потом я подхватил ее на руки и понес в комнату. Хватит разговоров. Нужно было на деле выяснять, могу ли я занять у нее в случае необходимости.

Через час я понял, что, наверное, могу. Настя уже спала.

Что делает сыщик в свободное от работы и красивых женщин время? Конечно, он «качается» на тренажере, шлифует приемы карате, потом принимает контрастный душ, аккуратно причесывается и садится за стол, где вначале просматривает новые веяния в криминалистике, чуть позже штудирует основы дактилоскопии и баллистики, знакомится с последними достижениями психопатологии и глубокомысленными суждениями Бернарда Пузатова на сей счет, а вечером сидит на диване с томиком Уголовного кодекса РФ в руках, освежает в памяти статьи, по которым будут проходить его враги.

Может, и есть такие сыщики, не знаю, по крайней мере, я не встречал. Тренажер и карате — да, имели место в моей жизни, а на все остальное времени не хватало. Уголовный кодекс РФ у меня имелся, на нижней полке «стенки» стоял. Кстати, Борька никогда не пытался грызть его, а я — брать в руки. Как же все-таки у нас интересы совпадали, просто поразительно! Иногда, правда, я задумывался, а есть ли среди нашего инфернального братства, именуемого еще «элитой» и «светом», те, кто ни разу не нарушал статьи

сурового манускрипта? И не мог себе представить таковых. Потому и не читал его. А Борька не пытался погрызть, ибо думал точно так же. Эх, малыш, малыш...

В этот день, проводив Настю на службу, я решал обычные бытовые вопросы, потом дежурил в офисе нашего агентства, кто-то же должен осуществлять видимость работы, поскольку Сырник укатил на дачу. Отказал нескольким новым «Бубликам» и их супругам, потому как противно было заниматься слежкой, деньги пока что имелись, ну и хрен с ними, с неверными супругами... А ближе к вечеру приступил к воплощению в жизнь давней своей мечты — научиться готовить. Оно, конечно, хорошо, что в «Санта-Росе» меня приняли как родного, но это ведь чистая случайность. А хочется показать прекрасной даме, что ты не только кулаками можешь махать, а еще и приготовить что-то вкусное.

Для начала я выбрал самое загадочное и самое простое в приготовлении блюдо — «парижский» луковый суп. Поскольку не для себя старался, а (в перспективе) для дам, то название «парижский» — лучше не придумаешь. Ну а то, что луковый, — так наши новоявленные модники еще и не такую гадость едят в Париже и нахваливают, мол —

пробовали!

Руководствуясь поучениями авторитетного кулинара из интернета, я распустил в кастрюльке треть брикета сливочного масла, добавил две мелко порубленные луковицы, поджарил, засыпал все это мукой так, чтобы она покрывала лук примерно на полмиллиметра, еще поджарил, а потом добавил литр бульона, сваренного из кубика. Такое блюдо даже я мог приготовить. Вскипятил, добавил мелко рубленные укроп и кинзу и выключил конфорку. Получился обалденный суп, честно говоря, и сам такого не ожидал. Чем-то напоминал грибной суп-пюре из пакета, но вкуснее и, что самое главное, почти натуральный. Насти рядом не было, поэтому я съел его сам и порадовался за Корнилова-кулинара. Ай да Корнилов, ай да сукин сын, одним словом.

Без пяти семь я встал на кухне у окна, дабы видеть все, что творится внизу у подъезда. Кто его знает, что это за старушка и с чем приедет? Да и с кем.

Раза два я звонил Насте на службу, у нее все было нормально, никакие бандиты не приходили, а Пежо просто позвонил и извинился за вчерашний инцидент, сказал, что это ошибка в его расчетах. И сегодня, дабы не смущать своим

присутствием старушек и кто там еще объявится, Настя ждала меня после восьми у себя дома. Адрес и код на двери подъезда продиктовала. Уже хотелось поехать, нет, пойти к ней и предложить приготовить «парижский» луковый суп, если бы не странная старушка.

Ах, Настя! Фантастическая женщина, огонь, не ведающий преград, и... Какие там еще образы придумывает Новиков для описания любовных сцен? Не помню, я так и не осилил его последний роман, подаренный мне, уж больно заумная книжка. Да это и не важно, что бы он там ни придумал, вряд ли найдутся среди них такие, которыми бы можно было описать нашу ночь. Не случайно Настя сказала вечером, что мы чем-то похожи. Потом я понял, чем именно — оба в последнее время не уделяли должного внимания личной жизни, все дела да дела. Слава богу, что теперь срочных дел не было, ибо к утру я думал только об одном — поспать бы до полудня! А Настя поехала на службу, правда, с часовым опозданием, но она ведь начальник, задержалась, не опоздала. Утром мы повторили то, что было ночью, и получилось, кажется, еще лучше. Потом вместе приняли ванну, и я проводил ее до двери, а после снова завалился в постель. Спал часа

четыре, но как убитый, и выспался. Проснулся в прекрасном настроении, сходил к Борьке, рассказал ему о Насте, положил букет ромашек, а потом... Я уже говорил, что делал. Дела бытовые, дела служебные.

Внизу остановилась вчерашняя машина, из нее вышла вчерашняя старушка, на сей раз в черном брючном костюме, но в том, что она вчерашняя, я не сомневался. Следом за ней не выскочили крутые парнишки, и рядом не наблюдалось подозрительных машин. Когда раздался звонок в дверь, я со спокойной душой открыл. Хотя пистолет на всякий случай сунул за пояс под свитер.

— Теперь никого нет? — бесцеремонно спросила старушка, стремительно врываясь в прихожую.

— Никого, я один.

— Хорошо. — Она закрыла дверь, заперла ее на засов. — Ну, веди на кухню, сыщик, там поговорим. У тебя однокомнатная квартира, где ж говорить, как не на кухне.

Там так там.

— Лук! — сказала она, сморщив нос. — Какой отвратительный запах! Ты что, луком питаешься?

— Почему же отвратительный? Я готовил «парижский» луковый суп, можно сказать — де-

ликатес.

— Бывали в Парижах, пробовали. Но запаха там такого нет. В Италии — да, и чесноком воняет тоже, а в Париже все-таки воспитанные люди живут.

— Но луковый суп они едят?

— Ты кулинар или сыщик?

— Смотря кто вам нужен.

— Меня зовут Лилия Георгиевна. — Она села на кухонный диванчик. Достала из пластикового пакета бутылку водки, поставила на стол. — Неси рюмки, надеюсь, наши сыщики пьют нашу водку? Или ты кальвадос предпочитаешь, а может, и того хуже — абсент?

Как живут сыщики в Париже, я не знал, и что они там пьют — тоже.

— Сыщики — да, пьют водку, а вот...

— Старушки, хочешь сказать? Еще как пьют, так что давай тащи рюмки. Чувствую, мы с тобой найдем общий язык, мне правильно подсказали.

Очень хотелось выяснить, кто же ей подсказал обратиться именно в наше агентство, но все не получалось. Я принес из комнаты хрустальные рюмки, вот уж не думал, что они мне понадобятся. Быстро сделал несколько бутербродов с сырокопченой колбасой и сыром, потом напол-

нил рюмки, мы чокнулись, выпили. Чем больше я с ней общался, тем больше она мне нравилась. Забавная старушка.

— Кто бы мог подумать — пришла к мужчине, надо сказать, вполне симпатичному, с бутылкой водки! — сказала Лилия Георгиевна. — Я пришла, сама!

— Но вы же по делу пришли, — напомнил я.

— По делу! — презрительно усмехнулась она. — По делу. А было время, когда Черномырдин почитал за честь поднести мне бокал шампанского. Да, было...

— Я слушаю вас, Лилия Георгиевна.

— Вот что, Андрей, мне о тебе много хорошего сказали. Дело простое. Мой муж, старый козел, изменяет мне с молодыми телками. Ну, раз, два, оно, может, и ничего бы, но он обнаглел, таскает баб на дачу постоянно. Притон там устроил. Ну ладно. Ты должен установить аппаратуру и записать все его похождения. Сможешь?

— А как я туда попаду?

— Очень просто — вместе со мной. Я скажу охране, что на даче кран сломался, привезла сантехника, а ты все сделаешь, вместе потом уедем. Водитель — мой племянник, он мужу не проболтается. Ты, главное, свои дела делай, все

остальное я сама решу. Ну и как?

Она по новой наполнила рюмки, подняла свою и выпила. Очень деловая старушка, и очень странная.

— Лилия Георгиевна, а кто ваш муж? И зачем вам это надо?

— Бизнесмен, остальное не важно. Хочешь сказать — люди старые, могли бы по-хорошему все решить? Не получается пр-хорошему! Потому и пришла к тебе.

Ничего конкретного я о ней не узнал, но условия работы были вполне подходящие — я устанавливаю аппаратуру, записываю один вечер, получаю за это две тысячи баксов — и я ее не знаю, она меня. Что там дальше будет — никого не касается. Аппаратура у меня была, что ж не воспользоваться ею? Никаких договоров, все из рук в руки — какой же сыщик будет противиться такому договору? И я не стал.

Настя встретила меня в просторной прихожей, украшенной аляповатыми светильниками современных модельеров — цилиндрические и конусообразные плафоны из нержавейки, стальные конструкции вокруг них. Там были еще диванчик и пара кресел, которые я бы и на лоджии не поставил, но, видимо, очень дорогие.

А вся прихожая эта была чуть поменьше моей единственной комнаты в сравнительно новом доме престижного района Крылатское. Но я не очень-то смотрел по сторонам, поскольку видел перед собой встревоженные голубые глаза Насти.

— Ну что, Андрей? — спросила она.

Шелковый короткий халат чертовски шел ей. И мягкие очертания длинных белых ног, выры-вающихся из-под него, не могли бы оставить равнодушным даже чересчур трезвого сантехника. А я все-таки был не сантехником, да и не слишком трезвым уже. Протянул ей три красные розы, обнял, поцеловал.

— Да все нормально, пустяковое дело. Старушка приревновала своего мужа к молодым соперницам. Видимо, опасается, что сбежит.

— Это не опасно? Ты уверен?

— Уверен. Слушай, а у тебя вполне современная квартира, хоть и... четырехкомнатная? Или больше?

— Да, четыре комнаты... Извини, что маловата... — с улыбкой сказала Настя. — Хочешь посмотреть спальню?

— Очень хочу. Может быть, там соответствующая мебель, не такая современная.

Настя улыбнулась.

— Я так и поняла, что тебе не понравится моя мебель.

— А это важно?

— Нет. Кстати, после гибели мужа ни один мужчина не был в моей спальне.

За такие слова да за такое доверие следовало подхватить женщину на руки и унести... Что я и сделал. Демонстрировать свои кулинарные способности в этот вечер мне не пришлось, но я надеялся, что еще будет возможность угостить Настю «парижским» луковым супом.

Глава 4

Черный «Мерседес» лихо мчался по загородному шоссе в сторону дачного поселка в районе деревни Дерюгино. Некогда я уже бывал там, гостил на даче бандита Полякова. Интересно, кому теперь принадлежит эта дача? Наверное, родственникам, если не конфисковали. Тогда мы с Сырником пробирались в дачный поселок огородами, через лес, а теперь проеду как нормальный сантехник, через главные ворота. Черт, не слишком ли часто встречается мне эта профессия в последнее время?

Молчаливый водитель Вася внимательно следил за дорогой. После того как я сел в машину на Рублевском шоссе, он только кивнул в ответ на приветствие, и все. О том, что он — Вася, я узнал со слов Лилии Георгиевны. Она устроилась рядом со мной на заднем сиденье. Сегодня была в черном костюме — длинная юбка, длинный жакет, и все так же изрядно напомажена.

— Не нужно думать обо мне плохо, — сказала она. — Это вынужденная мера. Я, конечно, понимаю, что следить за собственным мужем мерзко, но ничего другого не остается.

— Я не думаю о вас плохо, — сказал я.

— Нет, думаешь. Выжившая из ума старуха решила прищучить своего непутевого мужа, так, да?

— Лилия Георгиевна, я думаю о клиентах столько же, сколько продавец на оптовом рынке об очередном покупателе. Извините за откровенность.

— Извиняю. Но я хочу сказать, что речь идет не только о моей чести, но и о моем будущем. Это вопрос жизни и смерти. Но если уж я решилась, то пойду до конца.

— Это ваше дело, Лилия Георгиевна.

— И все-таки я хочу тебе сказать, почему решилась на это. Моего поганого мужа сделала я. Все, что он имеет, — моя заслуга. Вернее, моего отца. Он был завсектором ЦК и устроил Григория в министерство. Потом стал замминистра и двигал поганца, деревенщину неотесанную по службе.

Кое-что я начинал понимать. Дочь цэковского бонзы вышла замуж за симпатичного иногороднего студента или молодого специалиста, высокопоставленный папа двигал зятька по службе, и тот терпел, а теперь, став большим начальником, решил наверстать упущенное. Только вот не слишком ли долго он ждал?

— Простите, а сколько лет вы вместе? — спросил я.

Старушка поняла мои сомнения.

— Тридцать пять. Думаешь, я такая уж страшная была, что он терпел меня все это время? Знал бы, какие люди меня обхаживали... Да ладно. Это в последние лет пять опустилась, пить стала... Да и было из-за чего. Кстати, не хочешь хлебнуть? — она протянула мне плоскую металлическую фляжку. — Хороший греческий коньяк. Настоящая «Метакса», не та бурда, что даже в приличных магазинах у нас продается.

Я отказался, сказал, что во время работы не пью. Водитель Вася никак не реагировал на нас. Старушка хлебнула из фляжки и продолжила свой монолог:

— В девяносто втором папа уже был на пенсии, но он организовал фирму и сделал главой моего мужа, понимал, что тот не усидит в министерстве после всех этих революций. Но было условие, записанное в уставе: акции принадлежат нашей семье, а в случае развода делятся пополам. Дикость, но тогда это можно было устроить. Я прикупила немного акций, если у меня будет половина — я его, скота, поганой метлой из компании! И пусть идет, откуда пришел. Но у него

адвокаты, деньги, не так-то просто получить развод. А если у меня будут веские доказательства — куда он денется?

Не скажу, чтобы мне понравились ее намерения. Старушка, да еще и попивающая... она хоть понимает, с кем связывается? Серьезная фирма — а она была серьезной, судя по автомобилю попивающей жены хозяина, да еще и организованная при помощи цэковской номенклатуры, связанная, скорее всего, с сырьевой отраслью, — это не фунт изюма! Не хотелось бы мне оказаться замешанным в эти игры!

— Вы уверены, что у вас получится? — спросил я.

— Вполне. Аты, наверное, опасаешься? Никто не узнает, что это ты. Вася не скажет, можешь не сомневаться.

Я внимательно посмотрел в затылок Васи, который слышал наш разговор, — хоть кивнет в знак согласия? Но Вася был поглощен дорогой, ни один мускул на его могучей шее не дрогнул. В случае осложнений — заговорит, как миленький... Да, черт возьми, не надо было мне браться за это дело. А теперь что ж... Не выпрыгивать же из машины на ходу? Тем более и Дерюгино показалось на горизонте, все равно заметят.

Сама деревня как была деревней, так и осталась. А вот дачный поселок изменился со времени моего последнего визита (кстати, и первого) — прибавилось кирпичных замков и теремов. Эх, хорошо в стране российской жить... некоторым гражданам. А если б деньги, потраченные на эти замки, да на оплату учителям — цены б этой стране не было!

— Ты боишься? — спросила старушка.

Все-таки она была весьма неглупой дамой.

— Я не верю, что Вася будет молчать, если дело примет серьезный оборот. А вы настроены, по-моему, серьезно.

— Вася никому ничего не скажет, он немой и не знает твоей фамилии. Это на всякий случай. А вообще, можешь не сомневаться, Вася меня не предаст.

Хорошо, если так, Эх, черт побери! Сидел бы сейчас дома, ждал, когда Настя вернется со службы, а она вернулась бы пораньше. Я бы ее «парижским» луковым супом угостил, вчера выяснил, что к луку она относится нормально, а потом... Так нет же, нашел на свою жопу приключение! Теперь остается надеяться, что старушка миром решит свои проблемы с супругом. Как? Да напугает его записью постельных сцен, он пообещает,

что больше так не будет, и все у них устаканится. Но, честно говоря, что-то не верилось в это.

Машина остановилась у КПП, старушка сказала, что это она, с сантехником для ремонта крана, и шлагбаум тотчас же поднялся. Я не мог угадать дом, где некогда бывал, пришел туда ночью и с тыла. Выезжал, правда, через КПП, хоть и на чужой машине, но по сторонам не смотрел. Да и черт с ним, с тем домом, другой, у которого мы остановились, просто расстроил меня. Трехэтажный, да еще с подземным гаражом, то есть четырехуровневый — в таких домах очень непростые люди живут. А уж коли они уцелели до сей поры, значит, стали особо опасными для тех, кто пытается влезть в их личную жизнь, особенно в дела. А старушка, насколько я понял, хотела затеять передел собственности… Г Она соображала, что делала?

В подземном гараже водитель Вася обернулся к хозяйке, молчаливо спрашивая, что ему делать дальше. Похоже, он не очень доверял мне.

— Оставайся здесь и жди нас, — отчетливо сказала Лилия Георгиевна.

Вася согласно кивнул, мы вышли из машины и на местном домашнем лифте поднялись на второй этаж. Хороший был лифт, двигался вверх

мягко, зеркало в нем имелось, и стенки не исписаны похабными словами.

— Я потому пригласила тебя именно сегодня, — сказала старушка, — что сегодня, двадцать девятого мая, у фирмы юбилей — десять лет. Будут отмечать в головном офисе, но меня, конечно, не пригласили. Я знаю, почему. Григорий хочет притащить сюда после сабантуя девицу. И я знаю, кого. Он давно хотел ее, не откажет себе в таком подарке на юбилей.

— Допустим, он захочет переспать с другой женщиной, — сказал я. — А где гарантии, что привезет ее именно сюда?

— Я это чувствую. Обстоятельства складываются удачно для него — муж девицы в командировке, пьянка... Он давно подбирался к ней, и сегодня не упустит своего. А я — своего. Вот спальня. Ты можешь сделать так, чтобы две камеры работали весь вечер, ну-у... примерно с девяти до двух часов ночи?

— Нет проблем, поставлю на режим видеовключения, если кто войдет после нас в спальню, камеры включатся. Но, Лилия Георгиевна, а если никто не войдет до завтрашнего утра?

— Ты получишь свои деньги и будем думать дальше. Договорились? Ну давай, работай.

Спальня Лилии Георгиевны мне понравилась больше, чем спальня Насти. Здесь не было новомодной мебели современных дизайнеров — все добротное, красивое, дорогое, словом, то, что может растопить сердце любой женщины, попавшей сюда, независимо от модных пристрастий. Большая кровать красного дерева, такие же тумбочки и гардеробы, трельяж в бронзовой узорной раме, настольная лампа под красным абажуром с бахромой, мощный музыкальный центр «Сони», домашний кинотеатр, то есть огромный телевизор со звуковыми наворотами, видеомагнитофон и ДВД-плеер. Вчера я был вполне доволен жизнью в спальне Насти, аляповатые стальные светильники и пластиковая мебель ничуть не смущали, но теперь подумал, что в такой спальне, как эта, нам было бы гораздо уютней.

— Не буду мешать, мне главное — результат, — сказала Лилия Георгиевна. — Пойду вниз, на кухню. Тебе кофе сделать?

— Да, если вам не трудно, — сказал я.

Установить видеокамеры было несложно, я уже понял, куда их вмонтирую, но нужно было как следует поработать. Для начала я разобрал музыкальный центр, он стоял напротив кровати, и вместо одного из светодиодов вставил

мини-камеру. Снаружи невозможно заметить, а если включится аппарат — ничего страшного, коли один огонек не загорится. Вторую камеру пришлось вмонтировать в потолок прямо над кроватью. Потолок был навесной, и рядом со светильником появилось еще одно отверстие. Вряд ли хозяин будет считать, сколько их было до сего дня, а рядом со светильником — совсем незаметно. На свет смотреть — кто же любит, да еще и в момент любовной сцены? Смотрят в основном вниз, на предмет вожделения. И верхний свет, как правило, не включают.

Таким образом, информация снималась с двух точек — сверху и со стороны ног лежащих на постели — и передавалась на цифровой тюнер, который я спрятал в нижнем ящике тумбочки, предварительно проверив, не там ли хозяин спальни держит презервативы. Там не держал, и значит, вряд ли полезет в этот ящик.

Работа заняла часа два, нетерпеливая и уже изрядно поддатая Лилия Георгиевна несколько раз поднималась в спальню, смотрела и уходила. *Я* установил режим видеовключения, памяти в тюнере хватало на восемь часов, аккумуляторов тоже, значит, можно было надеяться, что со своей задачей я справился. Правда, очень хотелось,

чтобы работал напрасно. Ну, там — не приведет именно в этот вечер, именно в эту комнату незнакомый Григорий девчонку. Моя аппаратура не включится, а потом я откажусь от дальнейшего сотрудничества с Лилией Георгиевной. Пусть без меня решает свои семейно-деловые проблемы.

Я оповестил старушку, что работа закончена, попросил принести тряпку и тщательно устранил следы своей деятельности. Протер и предметы, на которых могли остаться отпечатки моих пальцев.

— Думаешь, сработает? — почему-то шепотом спросила старушка, когда мы спускались по лестнице красного дерева с резными перильцами вниз.

— Можете не сомневаться. Завтра в любое удобное для вас время я вернусь сюда и представлю вам полный отчет о том, что было в спальне. Горизонтальный и вертикальный вид.

— Спасибо, Андрей, ты настоящий мужик. Я как посмотрела на тебя, так сразу и поняла — такой не подведет. Встретились бы мы лет тридцать назад — быть бы тебе олигархом.

Я и тогда вряд ли согласился бы на эту роль. Но теперь слово «олигарх» неприятно резануло ухо. Значит, тот, против кого я воюю, — олигарх? А с

ними шутки плохи...

— Ну а теперь коньячку хлебнешь? — спросила Лилия Георгиевна. — Настоящий, греческий.

Теперь можно было и хлебнуть, и я с удовольствием приложился к стальной фляжке, которая, похоже, заново наполнилась за время моей работы. Коньяк и вправду был хорош, и я хлебнул, не стесняясь.

На кухне мы выпили кофе, приправив его все тем же коньяком, а потом на лифте спустились в подземный гараж. Водитель Вася сидел в «Мерседесе», ожидая нашего появления. Лилия Георгиевна сказала, растягивая слова:

— Вася, Андрея домой, а потом и меня тоже домой. Мы тут были с сантехником, ремонтировали кран. Поехали.

Вася кивнул, подтверждая, что понял сказанное, и «Мерседес» выскочил из подземного гаража. На КПП никто не интересовался, что за человек выезжает из поселка вместе с Лилией Георгиевной, сантехник или сыщик, установивший видеокамеры в спальне ее терема, и мы без проблем доехали до моего дома в Крылатском.

К вечеру настроение мое окончательно испортилось, и даже приход Насти не поднял его. Скорее напротив, и тому были две причины —

почему-то казалось, что из-за Насти я потерял осторожность и согласился на эту скользкую и опасную работу (хотя она, умная женщина, предупреждала меня!). И потом, ее тоже подвергал опасности. Теперь. Ну и чему тут радоваться?

Я сказал Насте, что очень занят, плохо себя чувствую, но мог бы и не говорить, она все поняла правильно, с тяжелым вздохом поцеловала меня и ушла. Может быть, навсегда. Для таких женщин, умных, богатых, красивых, бурная ночь ничего не значит. Было — было, как с парнем по вызову. Пришел, сделал свое дело, ушел — и нет его в ее жизни. Нужно будет расслабиться, найдет другого, их в Москве до черта. Правда, хотелось надеяться, что я для нее все-таки лучше, чем парень по вызову, и Настя думает, что таких в нашей столице совсем не до черта, вернее, всего один. Хотелось, я и надеялся, но только настроение почему-то не улучшалось.

Да и как это может быть, если приходилось думать и о другом — в это время Григорий Ярмонов, глава компании «Ярнефть», привез на дачу свою бухгалтершу, или секретаршу, или знакомую из элитной сауны, и вовсю изменяет свой жене-старушке, позабыв о том, что всем обязан именно ей, жене. И на кой черт ему понадобилось возить

женщин на дачу? Койка там, понятное дело, красивая, но и об осторожности нужно же думать! Идиот! Совсем жену-старушку за человека не считает, а она умная женщина, и терять ей нечего.

А мне — есть чего.

О том, что «Гриша» — Григорий Ярмонов, я узнал из своей компьютерной базы данных по номеру дачного участка в Дерюгино. Узнал и ахнул — компания мощная, на ходу, как говорится. А быть «на ходу» в настоящее время можно, только если все «подмазано» на самом верху. Не дай бог, Григорий Ильич узнает обо мне и обидится — и мой друг, майор ФСБ Гена Басинский, не спасет.

Оно, конечно, гнусное это дело — следить за неверными мужьями и женами, но что поделаешь — такая работа. Да и разная она бывает. Одно дело — когда спасаешь семью депутата Бублика от посягательств мелкого коммерсанта и, по совместительству, бандита Пежо, тут даже удовлетворение какое-никакое испытываешь, и совсем другое, когда помогаешь деятельной, но далекой от реальности старушке отнять у мужа контрольный пакет акций нефтяной компании. Да кто же отдаст его просто так? Желающих отнять было немало, но если Ярмонов до сих пор не отдал его, значит, не отдаст и впредь. Тем более

жене.

Он может купить ее, уговорить, задобрить, но меня вряд ли простит. А мне это нужно?

Сырник позвонил вечером с дачи тещи, доложил, что доволен отдыхом, ловит карасей в пруду и вообще — наслаждается природой и жизнью. Я ничего не сказал ему о своих проблемах, зачем человеку отдых портить.

В десять утра черный «Мерседес» остановился у тротуара на Рублевском шоссе, я снова сел в машину.

— Он не ночевал дома! — торжествующе сказала Лилия Георгиевна, прихлебывая из металлической фляжки. Сегодня она выглядела старше лет на десять, и грим не спасал. Видимо, тоже волновалась, плохо спала, много пила. — Он попался, скотина! Ты все правильно там установил? Видно будет?

— Надеюсь, — сказал я.

— Я звонила, никого нет, значит, уехал в офис. Но если кто-то будет на даче — ты сантехник.

Теперь это уже не имело значения. Меня вчера видел охранник у шлагбаума, сегодня тоже увидит, так что при желании (а оно, конечно же, возникнет) Григорий Ильич без проблем найдет своего злейшего врага. Денег у него много, связи

большие, значит, и вариантов расправы — хоть отбавляй.

— Лилия Георгиевна, вы понимаете, насколько это опасная затея? — спросил я. — Ваш супруг ни перед чем не остановится, если речь зайдет о контрольном пакете акций.

— Ты боишься?

— Кроме того, у него есть множество союзников, заинтересованных в сохранении нынешнего статус-кво. В самых разных инстанциях, филиалах, партнерских компаниях. Все они будут против вас, вернее, нас.

— Он сделает то, что я скажу, можешь не сомневаться. Главное, чтобы получилось.

Для меня главным было — прямо противоположное.

Далее события развивались так же, как и вчера. Шлагбаум, дача, подземный гараж, лифт. В доме никого не было, и объяснять, что я сантехник, не пришлось. Старушка вознамерилась следить за моей работой, но я попросил ее подождать на кухне, сварить кофе к окончанию дела. Послушалась.

Видеокамеры были на месте, тюнер тоже, но кровать заправлена не так, как вчера. На ней явно спали этой ночью. Я подумал, что нефтяной

магнат мог бы заняться любовью с привезенной дамой в другой комнате, в кабинете, там же есть, наверное, диван, или в гостиной, но тут же отбросил эту мысль. Диваны он мог найти где угодно, в своем офисе, например. А сюда привозил барышень, чтобы со всеми удобствами и в роскошной обстановке наслаждаться ими. Привычка, знаете ли...

А мог и не привезти. «Не будь дураком, Ярмонов!» — с явным запозданием уговаривал я его.

Лилия Георгиевна пришла, когда я устранил все следы системы видеонаблюдения и вставил микрочип в портативную видеокамеру.

— Давай, крути, я все должна видеть, — сказала она, устраиваясь рядом со мной на краю кровати. — Может, выпьешь? Тебе же понравился вчера этот коньяк.

Я не стал отказываться, одним глотком опорожнил фляжку, там было меньше половины, и включил просмотр. Это был вид сверху — смутные очертания знакомого интерьера, здоровенный мужик с девушкой на руках. Свет он не включил, только бра в коридоре освещало полоску в спальне через открытую дверь. Поэтому видимость была неважнецкой.

— Гек, — с кривой ухмылкой сказала Лилия

Георгиевна. — Телохранитель Григория.

Гек положил девушку на кровать и пошел к двери. Действительность превзошла самые худшие мои ожидания — девушка-то была невменяемой! Она без движения лежала на широкой кровати, светло-русые волосы разметались на белой подушке, глаза закрыты, дыхание редкое, прерывистое. А вообще — красивая девушка, в белом, наверное праздничном, дорогом костюме, колготках телесного цвета, в черных туфлях на высоком каблуке. Уходя, Гек не закрыл дверь, но у меня возникла надежда, что потом дверь закроется и все дальнейшее будет происходить в полной темноте, значит — никакого компромата не получится. Очень этого хотелось!

Камера должна была две минуты работать вхолостую, а потом отключиться. Но не отключилась. В комнату вошел человек. Смутная тень подошла к огромной кровати, остановилась. Он стоял в темной части спальни и с вожделением смотрел на распростертую девушку, но был ли это Ярмонов — никто сказать наверняка не мог. Зато надежда на действия в темноте мгновенно испарилась. Раздеть красивую беспомощную девушку и не смотреть на нее — какой же старый насильник способен на такое? Ему глазами пощу-

пать ее даже важнее, чем руками. Человек, как несложно было догадаться по смутным движениям, раздевал ее, потом разделся сам, швыряя вещи прямо на пол, улегся рядом.

— Красавица ты моя... — послышался страстный шепот.

— Вот сука! — неожиданно грубо сказала Лилия Георгиевна. — Он же меня так называл! Знала, что это мерзкое зрелище, но не думала, что такое!

Раздался щелчок пальцами, и в углу вспыхнула неяркая лампа. Однако света ее было достаточно, чтобы разглядеть голую девушку, лежащую на спине, и лысину с торчащими вокруг нее клочьями седых волос — хозяина. Повернув голову, он смотрел на девушку, но в камеру лицо не попадало. Я поставил другую кассету, где была запись из камеры в музыкальном центре — та же лысина, только сбоку. Я не мог понять, случайность это или нет — он специально не прятал лицо, но оно никак не попадало в кадр. Сам был укрыт шелковым покрывалом, а девушку оставил голой. Но это как раз понятно, ему же хотелось разглядывать ее. Волосатая рука с татуировкой на предплечье в виде пятиконечной звезды с лучами выпросталась из-под покрывала, потянулась к ногам девушки, ладонь заскользила по ногам к

лобку со щеточкой волос.

— Сволочь поганая! — с отвращением сказала Лилия Георгиевна. — Мразь!

— Вы уверены, что это ваш супруг? — спросил я.

— Наколку видишь? Он ее в армии сделал. В последнее время хотел свести, да решиться не мог, это ж больно. А если с наркозом — так на сердце влияет. Уж я-то эту наколку хорошо знаю.

И голос она сразу опознала, с тоской подумал я.

Ладонь хозяина нервно массировала лобок спящей девушки. Я чувствовал себя неловко, наблюдая за этим вместе с женщиной, которая мне в матери годилась. Можно было прекратить просмотр, сказать — перепишу вам надиск, и смотрите без меня, сколько вздумается, но хотелось знать, насколько явно проявит себя насильник. Покажет свое мурло в кадре или нет? Пока что он как будто чувствовал видеокамеры.

— Говнюк! — сказала старушка. — Догадывается, что небезопасно, что я кой-чего могу еще! А костюм-то его на пуфике лежит, а галстук от Кардена — мой подарок!

Костюм стального цвета «с отливом» и красный галстук лежали вперемешку с вещами девушки на полу.

— А девушку вы знаете?

— Конечно. Чувствовала, что это будет именно она, я ж тебе говорила, Гриша устроит себе праздник. Последний в жизни, — злорадно прошипела Лилия Георгиевна.

— Кто она?

— Это тебя не касается. Нажралась, сучка!

— Она не просто пьяна. Похоже, в шампанское подмешали нембутал, а может, клофелин или еще что-то. Сейчас это не проблема. Значит, это ваш супруг?

— А кто ж еще?

Мужчина, видимо, возбудился, залез на девушку. Нашим взорам предстали тощая задница и тонкие ноги.

— Видишь розовый шрам чуть пониже жопы на левой ноге? Три года назад в Швейцарии катался на горных лыжах, упал, да так неудачно, что сам жопой на палку свою и напоролся. Я тогда с ним была. Штаны сзади до пяток промокли кровью, хоть и толстые... Сволочь!

— А девушка? — Мне все-таки хотелось узнать, кто она, голая красавица.

— Что касается девки... Ее фамилия Артемова, больше тебе знать не следует. Нужно было о муже думать, а не крутить жопой перед боссом,

тогда бы и не подмешали ни черта! — В голосе старушки зазвучал металл.

Она знала девушку, знала и не хотела говорить мне ее имя. Тощая задница на экране двигалась все энергичнее, девушка беспомощно шевелила руками, словно пыталась оттолкнуть ненавистное тело — и не могла.

— Какая тварь, а! — проскрежетала Лилия Георгиевна.

К кому относилось это выражение, я не понял. Могущественный олигарх насиловал девушку! И хоть лица его я не видел, сомнений не было. Жена-то знает своего супруга!

Девушка пыталась протестовать, но слабо, только протяжный стон срывался с ее опухших губ «Не-ет... не надо... пожалуйс...та-а...» Она не видела лица насильника, комнату, где находится, она просто не хотела его.

Мерзкое зрелище, никому не желаю видеть такого. А для меня — и более чем опасное!

Тощая задница олигарха дернулась и замерла, он тяжело дышал, какое-то время лежал не двигаясь, потом отстранился, рука с наколкой принялась судорожно тискать груди девушки. А на переднем плане по-прежнему маячила тощая голая задница. Дать бы пинка, сбросить козла на

пол и забить ногами до полусмерти! Я мельком взглянул на Лилию Георгиевну, ей-то каково наблюдать подобное? Она смотрела с холодным блеском в глазах. Похоже, мысль о пинке не приходила ей в голову, ибо старушка знала наказание более страшное.

— Не-е-е-ет, — стонала девушка. — Не-е-е-ет...

Ярмонов медленно сполз с нее, укрылся покрывалом. Щелчок пальцами, и свет в спальне погас.

— Гек! — вновь послышался хрипловатый голос.

— Тварь, тварь, тварь! — закричала Лилия Георгиевна. Теперь она окончательно убедилась в том, что это ее муж. Никаких сомнений на этот счет и у меня не было.

А вот по поводу собственной безопасности — были.

В комнату вошел телохранитель, его массивную фигуру я вполне мог угадать и в темноте, подхватил голую девушку на руки, вынес из спальни. Ярмонов торопливо оделся и тоже вышел. Я понимал, что будет дальше — оденут девушку, и Ярмонов велит доставить ее домой и — не трогать. Кто же она такая?

Гек вернулся за вещами девушки, собрал их

и выщел. А почему не одеть ее прямо там? Это же проще!

— Извините, Лилия Георгиевна, вы не намекали супругу, что сможете доказать его неверность? — спросил я, но старушка вскочила с кровати, властно махнула рукой.

— Он боялся, морду свою прятал, как чувствовал. Но теперь не отвертится, гадина! Сволочь, не пожалел жену... ладно. Теперь даже самый тупой судья ни хрена не сможет сказать и слова в его оправдание. Все, кончился нефтяной магнат Ярмонов! Крышка ему!

Не очень-то приятно мне было слышать ее слова. Нефтяные магнаты — они так просто не кончаются, уж это я хорошо знал.

— Все, — сказала Лилия Георгиевна. — Прощай, Корнилов. Оригинал с носителем оставляешь мне. Плачу еще полтыщи за них, купишь себе другой. Спасибо и до свидания. Вася отвезет тебя домой.

Я мог бы взять оригинал и уйти, дабы не впутываться в эту страшную историю, но не сделал этого. Наверное, потому, что уже впутался. Да и старушка была взвинчена до предела, могла устроить какое угодно представление, например, завопить, что ее насилуют. А Вася, я заметил,

сегодня не сидел в подземном гараже, а маячил за дверью спальни. Ну и что тут сделаешь? Пришлось выполнять свои обязательства.

Старушка расплатилась сразу, но этот гонорар никаких приятных ощущений мне не принес.

Глава 5

В офисе было тепло и тихо. Я сидел за столом и играл в компьютерный преферанс. Дурацкая игра, честно вам признаюсь, ничего общего с нормальным преферансом не имеющая. Ну, человеком все запрограммировано, и, если чуть помыслить логически, несложно понять задолго до ее окончания, выиграешь ты в данной партии или проиграешь. Будь хоть семи пядей (преферансных) во лбу, если запрограммирован проигрыш — ты его получишь. Ну и какой интерес тратить время на такую игру? Однако ж компьютерные стрелялки мне еще больше не нравились. И коль скоро сидел я в офисе, то иного способа убить время, чем преферанс, не видел.

Сырник по-прежнему отдыхал с семьей на даче тещи и даже не подозревал, в какую ситуацию я вляпался. Это были мои проблемы, и не убивал я время, сидя в офисе за компьютером и делая вид, что работаю. На самом же деле ждал, чем закончится невероятная по своей наглости затея Лилии Георгиевны. Так просто отобрать у олигарха акции нефтяной компании еще никому не удавалось. И то, что храбрая старушка — жена

хозяина, вряд ли добавляло ей вистов (я же в преферанс играл).

Глупая затея, и дурак тот, кто согласится участвовать в ней. Честно признаюсь, что этим дураком был я. Вряд ли стоило надеяться, что если точно идентифицировать Ярмонова по видеосъемке скрытой камерой нельзя, то он легко «отмажется», с женой решит все проблемы миром и забудет об этом недоразумении. Старушку свою, может, и простит, а вот наглеца, который осмелился без спросу войти в его спальню, да еще и камеры там установить, захочет наказать по полной программе. А выяснить, кто это был, — разве проблема для олигарха? Но теперь что же посыпать голову пеплом? Надо думать, как жить дальше, надеяться на лучшее.

Я надеялся не только на лучшее, но и на звонок старушки, она знала телефон офиса, могла бы позвонить, сказать, что получается, а что нет. Защищать ее от разъяренного супруга я бы не стал, но хоть бы советом пособил, да и мог предвидеть дальнейшее развитие событий, исходя из своего опыта. Но она не звонила.

Два посетителя, отвлекшие меня от преферанса, были вполне ординарными страстотерпцами: жены доставали их своими частыми и непонят-

ными отлучками — к подругам, к родителям. Посетители предлагали ординарный расклад — сто долларов аванса и еще девятьсот, если представлю им свидетельства измены или верности жены. В другое время я бы занялся этими делами, теперь казалось — не такими уж и паршивыми, напротив, тихими, спокойными. Чего-то там и заработал бы нам с Сырником на кильку с хлебом. Но не сейчас. Сказал мужикам, что у нас тут очередь, заказов невпроворот, пусть ждут, я занесу их данные в компьютер и позвоню, как только освобожусь. От компьютера они отказались, дабы не рисковать, но пообещали, что зайдут через пару дней. На том и порешили.

Третий посетитель пришел в половине четвертого, когда я уже собирался смотаться домой пообедать, и выглядел весьма солидно — черный плащ нараспашку, хороший костюм, золотая заколка на галстуке. Уверенный в себе джентльмен лет сорока с густыми черными бровями и маленькими черными глазками, которые в упор смотрели на меня. Новиков бы сказал — буравили дырки, что-то похожее было, но меня так просто не пробуравишь. Он сел к столу, представился Валентином Петровичем.

— Андрей Владимирович, я знаю вас как специ-

алиста весьма компетентного в своей области...

— Откуда, простите?

— Неважно. Скажите, вы могли бы установить... э-э-э... видеозакладки в офисе фирмы? Понимаете, наши конкуренты замышляют что-то... ну вот, собственно, мы и хотим знать, что они замышляют.

— Что за фирма?

— А вы могли бы?

— Нет. Разве что... вы объясните сферу своей деятельности, назовете конкурента, могу подумать. Если это не опасно для меня — поговорим конкретнее. Ну а коли речь идет о серьезных делах — извините. У меня тут несколько измученных мужей на очереди. Полагают, что жены не совсем верны им, надо выяснить так это или нет. Собственно, этим я и занимаюсь.

— Мне говорили о вас кое-что другое.

— А именно?

— Ну-у... Вы известный сыщик, говорят, один из лучших в Москве...

— Кто говорит? — снова спросил я.

— Да мало ли... Вот и с Темновым вы справились. А Темнов был не последним человеком в Москве.

— Это с какой стороны посмотреть. Да и не я с

ним справился, есть органы, которые специализируются на... темновых. Ну так что вы хотите, Валентин Петрович?

Заинтересовал меня этот мужик. Оно, конечно, выкладывать о своей деятельности всю правду мало кто станет, вернее — никто, даже если фирма вполне легальная. Но с другой стороны, он хотел знать, могу ли я сделать то, что сделал на даче Ярмонова, или нет.

Очень своевременный вопрос!

— Я хочу выяснить ваши возможности. И после этого заключить контракт на некие действия. Или — не заключить. За ценой, как говорится, не постоим.

— Ваши координаты, намерения, и тогда я подумаю о своих возможностях. Кстати, такую работу могут делать даже телевизионные сыщики.

Он больше минуты молчал, глядя на свои лакированные ботинки, потом поднял голову, тихо сказал:

— Я вас понял. Должен посоветоваться с руководством, и, возможно, мы с вами еще встретимся. Всего доброго, Андрей Владимирович.

Не понравились мне его последние слова. Да и весь он мне не понравился. Если кто-то считает, что это был вполне ординарный визит, он ошиба-

ется. Таких осторожных посетителей у меня еще не было. Теперь вот есть. Ну и что это означает?

Поживем — увидим.

Потом позвонила Настя, сказала, что волнуется, и поинтересовалась, долго ли я собираюсь держать ее в черном теле. Насчет тела я заверил, что оно у Насти белое и распрекрасное, насчет своих намерений сказал после некоторых раздумий, что смогу приехать к ней часов в семь вечера. Или вместе поедем куда-нибудь.

— К сожалению, я сегодня задержусь, — сказала Настя. — И потом... знаешь, я давно уже не чувствовала себя так хорошо дома. Так что приезжай к девяти, и надолго. Я приготовлю ужин, и устроим пир.

— На весь мир и непременно в спальне, — уточнил я. — Спальня у тебя очень красивая.

— Только спальня? — спросила Настя.

— Она только оправа драгоценного бриллианта. Хочешь, скажу, какого? — Я, похоже, все еще помнил разговор с писателем Новиковым и пытался говорить литературными штампами.

— Да я сама знаю. Телевизора.

— Совершенно верно, — согласился я. — У него такие красивые белые ноги, что смотреть на экран без дрожи невозможно. Душевной дрожи.

А потом аппетит пробуждается такой, что — ух!

Насте понравился мой образ, и она сказала, что телевизор ждет меня не позднее девяти. И ноги тоже, вместе с ужином.

Что я буду делать до девяти, я не знал. Хотелось куда-то поехать, с кем-то встретиться, но, перебрав в памяти десяток адресов, я отправился домой. Никто меня там не ждал, но можно было перекусить, а потом пойти к Борьке. Положить ему свежие ромашки, выпить и рассказать о своих делах.

Как мне его не хватало, этого серого малыша!

— Ну и что случилось за эти дни? — спросила Настя.

А было уже первое июня. Что-то, наверное, случилось, но я не знал, что именно. Какого Артемова жена была в спальне Яр-монова, выяснить не удалось, до черта Артемовых жило в Москве, а в фирме Ярмонова таких фамилий не значилось. Девушка со стороны? Но, как ни странно, старушка ее знала еще до того, как муж «запал» на эту даму. Откуда, интересно? Он же не делился с нею своими любовными планами.

Ох, уж эта старушка!

Это прежние мысли, которые донимали меня последние дни, но когда Настя спросила о том,

что случилось, я думал совсем о другом. Думал, как это здорово — любить женщину, чувствовать ее ласковые пальцы на своих плечах, спине, щеках. Видеть и чувствовать, как ей приятно, и самому быть на седьмом небе блаженства. Я к тому, что не мог понять действий Ярмонова. Что он хотел? Получить удовольствие? Мог бы с таким же успехом заняться онанизмом. Оно и проще, и безопаснее. Ну а если хочешь видеть влюбленные глаза женщины без особых стараний — плати, и любая шлюха из элитного клуба сделает все, что господин пожелает, и будет громко стонать и закатывать глаза, изображая небывалое удовольствие. А этот господин пожелал изнасиловать девушку в своей спальне. Видимо, дело было не столько в девушке и способе получения удовольствия, сколько в ее муже Артемове, а кто он такой — черт его знает.

Настя накрыла стол, но есть не хотелось, и, выпив по бокалу французского вина, мы благополучно оказались в спальне. И нам очень долго было хорошо.

— Что ты молчишь? — спросила Настя.

Я приподнял одеяло, посмотрел на ее красивое тело. Не тонконогая девушка с плоским животом и тщательно подбритым лобком лежала рядом со

мной, а женщина в полной своей красе: пухлый животик, обильная зимняя растительность на лобке, белые ноги...

— Ты лучше импрессионистов, — сказал я.

— То есть мужиков? — лукаво усмехнулась Настя. — Женщин среди них я не помню.

— Нет, я имею в виду картины, которые мне нравятся. Могу сказать — ты лучше Чайковского и Грига, могу, хотя писатель Новиков этого не простит мне, если узнает, сказать — ты лучше Толстого и Набокова.

— Ты дружишь с писателями?

— Есть один знакомый, толстый, важный и жуткая зануда.

— Понятно. Так кто же я? Пожалуйста, продолжай, так приятно слушать.

— Ты — совершенство. И больше не спрашивай меня, ничего умного не скажу.

— Ох, Андрей... — Настя приподнялась надо мной, сжала ладонями мои щеки. — Мне с тобой очень хорошо. Но тревожно почему-то на душе. Честно сказать — я боюсь, Андрей.

— Чего?

— Да сама не знаю. Эти бандиты, Пежо...

— Пежо тебя не тронет. Он работает на Брэнда, а тот кое-чем обязан мне. Так что можешь не

опасаться Пежо.

— Ты их всех знаешь? — удивилась Настя.

— Не всех, но кое-кого из серьезных людей знаю. Такая у меня работа.

— Это меня тоже беспокоит. Старушка твоя... А в Москве каждый день заказные убийства случаются, прямо ужас какой-то.

— Со старушкой мы расстались навсегда. Надеюсь, больше не встретимся.

— Да? Андрей, а как ее фамилия?

— Зачем тебе?

— Ну скажи, прошу тебя!

Она принялась так страстно целовать меня, что я вынужден был подчиниться желанию женщины.

— Ради тебя, Настя, и военную тайну выдам, — простонал я, чувствуя ее ласковые пальцы. — Только никому не говори об этом, ладно? Ее фамилия... о-о... Ярмонова.

Настя откинулась на подушку и замолчала. Пальцы ее куда-то исчезли, тревожная пустота окутала меня.

— Настя?

Она лежала неподвижно, задумчиво глядя в потолок. Я тоже посмотрел — ничего там интересного или опасного не было. Светильник, правда,

висит, но он такой модерновый, если свалится, вряд ли синяк поставит.

— Да что с тобой? — спросил я, тряхнув ее за плечо. — Настюша, ты почему плачешь?

— Потому что... хотела успокоиться, думала — вздохну с облегчением, а получилось...

Она тоскливо усмехалась, а я, приподнявшись на локте, смотрел на нее, машинально поглаживая голое плечо, и ничего не понимал. Лилия Георгиевна — ее родственница? Или сам Ярмонов — родственник? Или что?

— Настя, объясни, в чем дело!

— Твою Ярмонову убили прошлой ночью в своей квартире. Ты что, новости не смотришь?

Я покачал головой, как раз сегодня и не смотрел, что-то слушал в машине, но про убийство Ярмоновой не уловил.

— Я сегодня смотрела телевизор, увидела про это и... как будто в сердце что-то кольнуло. Так и знала, что это добром не кончится. Теперь тебя тоже убьют, можешь не сомневаться! И меня, наверное, тоже!

Услышав такое, поневоле задумаешься, даже если рядом такая красивая и ласковая женщина. Вот так оно, значит, повернулось? Не захотел Ярмонов отдавать свои акции... Что-то похожее

я и предполагал. Надеялся, правда, что придут старики к полюбовному решению, да, видно, зря.

— Ты чем занимался сегодня днем? Не мог новости по телевизору посмотреть? — выкрикнула Настя. — А вечером?

— Я? Новости? В офисе сидел, посетителей принимал, а вечером... Борьку навестил. Черт возьми, надо же, в какое дерьмо вляпался... Извини, Настя.

— Я же тебя предупреждала, Андрей, от таких старушек лучше держаться подальше!

Да, предупреждала... Интересно, выдала меня старушка перед тем, как умереть, или нет? Сколько сделала копий с оригинала, все ли обнаружили убийцы, или что-то она спрятала и не сказала, где? Тогда будут искать того, кто записал., и найдут. Может быть, уже нашли? Не случайно приходил этот Валентин Петрович, не случайно сказал, что мы еще встретимся...

Да, Настя была права. Но тем не менее ее реакция грела мне сердце. Женщина переживает из-за того, что меня могут убрать. Не для того ли мужику стоит жить и бороться?

— Настюша, все нормально. Никто не знает, что я там был, ничего страшного. Во всяком случае, тебе ничего не грозит. Просто какое-то время мы

не будем встречаться...

Она резко повернулась ко мне.

— Андрей?!

— Мне с тобой хорошо, Настя, правда. Уж не знаю, что это, боюсь говорить громкие слова, но... ты красавица, ты умница, а то, что богатая, так я даже забываю... Никогда состоятельность женщины не привлекала меня, но в первый раз совсем не мешает. Я не хочу подвергать тебя опасности, даже гипотетической, поэтому... Подождем, посмотрим. Надеюсь, о твоем знакомстве со мной они не знают. Но если кто-то будет тебе угрожать, даже просто проявит интерес — я разберусь с ним немедленно.

— Андрей...

Горячие, влажные лепестки ее губ нервно бились между моими губами, я держал их, я трогал их губами, жадно втягивал в себя и отпускал, я прикасался языком к ее языку, чувствовал упругость ее языка, потом нежно чмокал эти сладкие губы, вместе, поодиночке — верхнюю, нижнюю, снова обе вместе, снова обхватывал их своими губами, словно боялся, что они могут ускользнуть. А они и вправду ускользали вниз, и ее всхлипывания сменили хриплые стоны, а потом к ним примешался и мой стон, похожий на ее всхлипы-

вания. Я не знаю, как это получалось, само собой как-то, и, напрягаясь, я целовал ее волосы, гладил напряженную спину, подрагивающие ягодицы и готов был повизгивать, как щенок, которому протягивают заветное лакомство.

Суровые американские сыщики с женщинами поступают сурово — раз-два и готово. А мы, русские, все делаем душевно, и потому еще долго крутились мы с Настей на широкой постели, то моя голова в ее ногах запутывалась, то ее — в моих, то ее губы трепетали в моих, то розовые соски подрагивали от прикосновений моего языка... Пока, наконец, Настя хрипло не выдохнула: «Три раза, все, больше не могу, Андрюша...» А у меня наступил первый раз, и на сегодня последний. Не потому, что больше не хотелось, а потому что... труба зовет в поход.

Если б это была просто труба! Но она же была почти что иерихонская, или какая там самая страшная бывает?

— Ты уходишь?

— Да. Пожалуйста, не беспокойся, я тебе сам позвоню. Ну а если возникнут проблемы — звони немедленно на мобильный. Но это в крайнем случае. Хорошо?

— Андрей... Ты когда-нибудь думал о любви?

— Думал. Много раз.

— А теперь?

— Давай потом, когда все устаканится, ладно?

— А я просто боюсь тебе сказать...

— Я тоже. Потом скажем... Если она есть — никуда ведь не денется, верно?

— Еще как денется! Андрей...

Я и сам знал, что она может куда-то деться, но говорить об этом не хотелось.

Настя проводила меня до двери, поцеловала на прощанье. Я чувствовал себя идиотом, уходя от нее. Елки-палки! Пришел, чтобы остаться до утра, чтобы потом придумать что-то эдакое, например, тоже махнуть на дачу, своей нет, но отцова доступна, слава богу. А он у меня — строительный магнат, почти олигарх, дача хорошая в Лобне, природа там красивая... И — на тебе! Именно сегодня возникли проблемы, которых я ждал последние три дня! Ну и как тут не злиться?

Глава 6

В первом часу я ушел от Насти, утомленный, опустошенный и... раздраженный. Причина утомления понятна, причина раздражения тоже. Были ведь мысли не только о родительской даче. Подумывал и о том, чтобы махнуть вдвоем куда-нибудь подальше, ну, на какую-то Мальту хотя бы, понежиться под солнышком на пляже назло Сырнику с его тещей. А потом, чем черт не шутит, может, и жениться? Она меня любит, в период безденежья не станет терроризировать, спокойствие и уверенность в своих силах обеспечены, так почему бы и нет? Тем более что мне она очень нравится. Лучший вариант женитьбы вряд ли представится.

А тут старушку убили... Знаете, с чем это можно сравнить? Вроде как идешь по пещере, где дремлют жуткие монстры, и вдруг — громкий крик или стук. И монстры начинают оживать. Какой первым на тебя бросится, с какой стороны атаку отбивать — черт его знает. Бежать назад, вперед или в сторону? А в пещере темно, и монстры повсюду...

Не очень страшный образ, привыкли, что в

американских фильмах герой всегда побеждает монстров, в крайнем случае — сумеет убежать. Но это не фильм, а страшная реальность. Известный нефтепромышленник Ярмонов, черт бы его побрал, убил свою жену, дабы не отдавать акции. Доказать это никто не сможет, да и не будет, деньги «заряжены» солидные. Но виновного в лишних тратах и бессонных ночах гнусного насильника найдут и накажут. Кто виновен, как вы думаете? А наказание какое будет? То-то и оно...

Как же мне осточертело все это!

Я пришел к Насте пешком, изредка подумывая о том, чего хотел странный Валентин Петрович; уходил тоже пешком, уже не сомневаясь, что Ярмонов вычислил виновника всех его бед. Нужно было собраться, внимательно отслеживать ситуацию, но раздражение мешало.

Я шагал по пустым улицам Крылатского, думая о том, как приду домой и сяду за компьютер. Нужно будет еще раз проанализировать все данные по фирме «Ярнефть», и главное, нужно найти девушку, которая была в его спальне на даче. Жена Артемова, кто она? А кто он? Наверное, непростой человек, но как его жена оказалась во власти Ярмонова?

У моего подъезда горели фонари, но народу

возле дома не было. Только двое крепких парней зачем-то сидели на лавочке неподалеку от подъезда. Может быть, ждали приятеля или приятельниц, может, просто отдыхали, но, увидев меня, решительно встали, преграждая путь к подъезду. А я и не сомневался, что так будет. Успел пожалеть, что, идя к Насте, не взял с собой пистолет. Когда собирался, помнил, что мы живем в демократической стране и, по крайней мере, отправляясь на свидание, пистолет можно оставить дома. Не то помнил.

Крепкие парни. В руке ближнего сверкнул нож с выкидывающимся лезвием. Нет пистолета, придется работать руками и ногами. Успеть бы сосредоточиться... Второй заходил сбоку, в руке у него тоже был нож.

— Вам чего, мужики? — спросил я, отступая к оградке газона.

Мужики молчали, видимо, им нечего было сказать или время для разговоров не пришло, по их мнению. Оба смотрели совершенно равнодушно, эдакие терминаторы с низкими лбами и приплюснутыми носами. Один махнул ножом, не ударил, просто махнул, дабы показать, что я в их власти, бежать бессмысленно. Зря он это сделал, потому что я резким ударом ноги отбил

нож в сторону, вместе с кистью его руки. Мужик потерял равновесие, машинально шагнул ко мне, наклонив голову, осталось только резко дернуть локтем навстречу его глазу. Я попал и тут же сосредоточил внимание на втором мужике. За спиной послышался треск кустов сирени, вероятно, выскочил третий. А вот это уже слишком, с тремя, возможно, и не справлюсь. Первый уже приходил в себя, а второй не собирался меня пугать, он держал нож перед собой, готовый в любой момент ударить. Пришлось самому атаковать, не было времени ждать неосторожного движения. Он думал, что уходит от двух ударов, а на самом деле пришел к третьему. Я попал ногой в подбородок, отшвырнул мужика на оградку газона, через которую он и кувыркнулся. А первый?

Оклемался и нож не выронил. Взмахнул им и... осел на асфальт, сраженный мощным ударом по голове. Попытался встать, но два страшных удара ногой по туловищу прекратили его попытки. Над ним стоял... немой водитель Вася!

Второй не стал испытывать судьбу, сперва на четвереньках, а потом на полусогнутых ломанулся к зарослям сирени и вскоре исчез. Я оставил его в покое, одного достаточно, того, что лежит у ног, сраженный водителем покойной Лилии

Георгиевны. Да еще и родственником. Он что, решил помочь мне?

— Спасибо, Вася, — сказал я. — Ты знал, что они придут?

Вася замычал и еще раз ковырнул носком ботинка лежащего на асфальте.

— Нам нужно поговорить, — сказал я. — Берем этого козла и идем ко мне. Лады? Ты понимаешь меня?

Вася кивнул, подхватил лежащего под мышки, рывком поставил на ноги и резким пинком направил в сторону подъезда.

Под лестницей Вася свалил боевика на коричневую плитку пола, добавил пару раз по морде, от чего нос мужика почти сровнялся со щеками. В подъезде было пусто и тихо, можно и поговорить с нападавшим.

— Спокойно, Вася! — сказал я и тряхнул мужика за грудки. — Кто тебя послал, козел? Отвечай быстро и четко! Кто тебя послал?! Я больше не буду спрашивать!

Говорил я негромко, чтобы не тревожить почтенных граждан, живущих на первом этаже, но жестко и напористо. С каждым вопросом мужик отшатывался к стене, хотя уже плотно прижимался к ней плечами. Теперь у него был совсем

другой взгляд, наверное, такой же был у крыловского волка, забравшегося на псарню. Жалкий, испуганный уродец...

— Боня... он сказал, что мы должны только предупредить тебя, мы не хотели... только предупредить... — простонал мужик.

Вася врезал ему пару пощечин, и я вынужден был остановить водителя, ибо понял, что еще чуть, и на пол будет капать не кровь из разбитого носа, а жидкие мозги.

— Кто такой Боня?! Кто, я спрашиваю?!

Хоть был мой голос негромок, а понятен. Как ни больно было мужику, еще больнее не хотелось.

— Он... я не знаю, сказал, что есть дело, заплатит...

Вскоре я выяснил, что Боня — рыжий, носит клетчатую кепку и любит бывать в ресторане «Прага», что приказано было попугать меня, ну, может, «пописать» слегка и сказать, чтобы я вернул диск с записью по-хорошему. Двадцать четыре часа дается мне на это. Больше мужик ничего не мог сказать, и мы вышвырнули его из подъезда.

— Спасибо за помощь, теперь и поговорить можно, — сказал я Васе, когда мы поднялись ко мне в квартиру. — Тебе чай, кофе или чего

покрепче?

Вася согнул пальцы правой руки в кулак, выставив большой и мизинец, что означало «покрепче».

Как с ним общаться, я уже понял. Включил компьютер, редакторскую программу «Ворд», усадил Васю за клавиатуру. Не на листке же бумаги писать ему ответы на мои вопросы? А чтобы проще было отвечать, поставил рядом тарелку с бутербродами и фужер с водкой. Себе тоже налил. Мы чокнулись фужерами, выпили по глотку, потом я медленно спросил:

— Как убили Лилию Георгиевну?

Вася знаком был с компьютером, по крайней мере с клавиатурой, живо застучал пальцами по ней.

— Днем Ярмонов ушел злой — наверное, у них был серьезный разговор. А тетя была довольна, сказала, что вечером он вернется, тогда все и решится. Попросила меня быть с ней. Но вечером Ярмонов не приехал ночевать, на дачу поехал, позвонил Гек и приказал встретить сотрудника в «Домодедово». Из командировки вернулся, а у них с машинами напряженка. Я поехал в «Домодедово», а тетю убили.

— Он может тебе приказывать? Ярмонов? Или

Гек от его имени?

— Конечно, он же деньги платит. Контрольный пакет обоим принадлежит, но деньги-то у Ярмонова, он выделяет каждый месяц три тысячи долларов на питание, домработницу и меня. Раньше тоже просили, я не против помочь, если тетя не возражает. Она разрешила, и я поехал. Но такого пассажира на том рейсе из Тюмени не было. Я позвонил Геку, он сказал — ошибка вышла. Мне это не понравилось. Приехал, оставил машину у другого дома, подошел и узнал, что тетю убили, задушили. Менты думают, что это я — грабеж. Ищут.

— Как удалось это выяснить?

— Друзья. Мужики слышали разговор ментов. Ждали меня, хотели предупредить. Сказали, что в квартире все разбросано, как грабеж. Мои отпечатки пальцев. Я уехал. Уже был час ночи.

— Они видели, кто приходил к Лилии Георгиевне?

— Нет. Чужим она бы не открыла. Свои, люди Ярмонова. Менты приехали быстро, их кто-то вызвал. Думают, это я убил тетю. Не докажу, что был в аэропорту, Ярмонов скажет, не посылал меня туда, Гек тоже так скажет. Ярмонов убил ее.

— Я тоже так думаю. А откуда ты узнал, что мне

станут угрожать?

— Не знал, просто ждал тебя, чтобы сказать — я не убивал. Они меня не узнали, это нелюди Ярмонова. Увидел, что напали, и пришел на помощь. Еще хотел сказать, Ярмонов не оставит тебя в покое. Он страшный человек.

— Согласен. Какой диск я должен вернуть? У меня нет ни одного кадра этой мерзкой истории.

— Я не знаю, о чем они говорили, не знаю, показала тетя Яр-монову, что записали, или нет. Наверное, показала, потому что убили. Может, и сказала, что есть копии. Наверное, хотели забрать все, но все не нашли, потому и послали к тебе бандитов.

— Речь, насколько я понял, шла об одном диске. Допустим, Лилия Георгиевна сделала две копии, допустим, сказала об этом мужу, показала запись. Ее убили, нашли оригинал и одну копию, а второй нет. У кого она может быть?

— Не знаю, тетя не сказала. Может, кому-то из подруг отдала, может, спрятала.

В любом случае ситуация складывалась явно не в мою пользу. Что бы там ни задумала старушка, диск будут требовать у меня. Я бы отдал, на кой черт он мне нужен, да вот беда, нет его у меня. И ведь никто не поверит в это. Из тех, кто знает

об истинном содержании видеоматериала. И Ярмонов не успокоится, пока не уничтожит все копии, оригинал он, вероятно, уже уничтожил. Не успокоится. Плохо дело.

— Вася, кто эта девушка, которая была на даче? Лилия Георгиевна знала ее.

— Марьяна Артемова, жена хозяина рекламной фирмы «РЕКАРТ», Романа Артемова. Он был генеральным менеджером «Ярнефти», много сделал для Ярмонова. Все сделал, без него Ярмонов бы разорился. Хотел быть сам хозяином, два года назад ушел, открыл свое дело. Ярмонов злился, дела пошли хуже. Артемов женился и устроил жену секретаршей к Ярмонову. По старой дружбе, он думал, к старику — безопасно. А Ярмонов решил отомстить Артемову. Это насилие — месть.

Уже кое-что полезное.

— Вася, но ведь Марьяна Артемова не значится в списке сотрудниц «Ярнефти»?

— У нее девичья фамилия — Пишванова.

Верно, секретаршей Ярмонова значилась Марьяна Пишванова, а я-то искал даму по фамилии Артемова! Видимо, совсем плохи дела стали у Григория Ильича, если он решил таким гнусным образом отомстить доверчивому своему менеджеру!

— Гек — это кто?

— Личный телохранитель, холуй. Тупой, предан боссу беспредельно. Он ничего не скажет, никогда. Тебе грозит опасность, Андрей. Ярмонов — страшный человек.

Это я уже слышал, вернее, читал, да и сам понял.

— Черт возьми, Вася, ты, умный мужик, не мог предупредить Лилию Георгиевну, что это может плохо кончиться?

— Предупреждал. Она не хотела больше так жить. Понимала, что может умереть, но хотела умереть так, чтобы доставить ему много проблем. Деньги мне дала, попросила уехать, если что. Я подготовился, есть где спрятаться. Хочу, чтобы ты разоблачил Ярмонова, заплачу.

— Скажу тебе честно, Вася, если меня оставят в покое, ни за какие деньги не возьмусь за это дело. Но ведь не оставят...

Я налил еще водки, мы снова выпили. Хороший парень этот Вася... Но лучше б я не знал его.

— Понимаю, Андрей. Я пошел, постараюсь быть где-то рядом. Может, помогу. Попробуем одолеть Ярмонова? Я обязан это сделать ради памяти тети. Она вытащила меня сюда, сделала своим водителем, я люблю ее.

Это последнее, что он написал. Решительно встал с кресла и пошел к выходу. Я проводил его до двери.

— Будешь рядом, как Саид из «Белого солнца пустыни»? — спросил я на прощанье. — Здесь, потому что стреляли?

Вася улыбнулся, хлопнул меня по плечу и ушел. Я запер дверь на все замки и засов и вернулся к компьютеру. Поставил диск с базой данных на известных бизнесменов последнего времени. Теперь меня интересовала структура безопасности «Ярнефти», связи Ярмонова с политиками и чиновниками, а еще — рекламная фирма «РЕКАРТ» и ее хозяин господин Артемов. Я знал, какой из Артемовых мне нужен, но еще не мог понять, что делать дальше. Было три пути. Первый — «Ярнефть» и Марьяна, должна же она как-то отреагировать на то, что произошло? Хотя бы вспомнить, почему оказалась в беспамятстве? Второй — фирма «РЕКАРТ», должен же Ярмонов как-то обеспокоиться возможной утечкой компромата к мужу пострадавшей. Третий путь — ресторан «Прага» и некий Боня, который ходит в клетчатой кепке. Но он, судя по всему, «шестерка», нанятая службой безопасности «Ярнефти». А кто у нас там служит, в этой частной

безопасности? Нужно будет выяснить, посидеть за компьютером. Плохо, что одному придется сидеть, нет рядом маленького шалуна, который так любил нажимать лапками на клавиши...

Я еще не знал, по какому пути завтра пойду. Но в том, что нужно будет принять крайние меры предосторожности, уже не сомневался. На Сырника рассчитывать не следует, сам вляпался, сам и выпутываться должен.

Кстати, хорошо еще, что бандюков прислали мои враги, а могли бы и следователя натравить, я ведь встречался с Лилией Георгиевной, меня мог запомнить охранник в дачном поселке.

И взяли бы меня у подъезда за белы ручки (под оны) и отвезли бы в КПЗ... Оплошали? Скорее всего, дело тут в другом. На даче меня видели с Лилией Георгиевной, а убили ее в квартире, где я никогда не был. Об установке видеокамер они будут молчать, а что еще я мог делать с ныне покойной старушкой на даче, если приехал не сантехнику ремонтировать? Нужно выдумывать причины, обосновывать их... Да и одна копия исчезла из их поля зрения. Посадят меня, а тут — на тебе, сюрприз появится... Нет, все они правильно сделали, все просчитали. Двадцать четыре часа...

Значит, днем, когда приходил подозрительный

Валентин Петрович, старушка была уже мертва. И служба безопасности «Ярнефти» очертила круг подозреваемых. Старушку приговорили, со мной бы рассчитались позже, когда я забуду об этом деле и представится удобный случай. Но вот беда, одна копия выпала из виду, и Лилия Георгиевна так и не сказала, кому ее отдала. Вася исчез, не спросишь, да и он не знает. Значит, нужно «раскалывать» меня немедленно.

Боязно Ярмонову и его компании, черт его знает, откуда выплывет диск со страшным компроматом. А я тоже не знаю, у кого он. Но ведь не поверят...

Глава 7

В пять утра уже совсем светло, поэтому я не стал включать свет в квартире. Установил видеокамеру на карнизе, чтобы знать, кто околачивается у моего подъезда, потом сварил яйцо вкрутую, сделал кофе, позавтракал и пошел работать.

Такая у меня работа — вначале что-то делаешь и что-то получаешь за это, а потом тратишь эти деньги на то, чтобы выжить. По-другому не получается, потому что если иногда ничего не тратишь на обеспечение своей безопасности, то в другом случае — больше, чем получил. Похоже, теперь именно другой случай и выпал мне. Я сунул в карман куртки деньги, полученные от Пежо, сложил в сумку все необходимое, повесил ее на плечо, оглядел квартиру и направился к двери.

Может, за моей квартирой и следили всю ночь, но двадцать четыре часа еще не истекли, и я мог передвигаться спокойно (до определенной степени, разумеется). С минуту постоял в прихожей, глядя на свою квартиру (не такую уютную без Борьки, но — свою), кто знает, когда вернусь сюда. Потом запер дверь и пошел к лифту. Выйдя из

подъезда, я направился к рощице, где похоронил Борьку, положил ему свежие ромашки, рассказал о том, какие проблемы возникли, пообещал, что скоро вернусь, и только потом взял свою «Ауди» с платной стоянки и поехал в офис. Там моя сумка значительно потяжелела, ведь именно в офисе я хранил многие вещи, нужные для автономного существования.

Раннее ясное утро радовало глаз. Солнце одинаково веселило окна скромных серых пятиэтажек с правой стороны Рублевки и окна солидных квартир, магазинов и банков с левой стороны, если смотреть в сторону центра. Вот истинный демократ — солнце! Народ уже выходил потихоньку на улицы красивого весеннего города, но машин было мало, и я точно знал, что «хвоста» за мной нет.

Главный офис «Ярнефти» располагался на проспекте Академика Сахарова — широкая, современная улица, прорубленная в околосретенских переулках. Офис выглядел вполне ординарно — солидное трехэтажное здание с тонированными окнами и европейской отделкой фасада, железный забор, отделяющий прилегающую территорию, будка с охранником... Не то, что у «Газпрома», конечно, но и не офис малой фирмы

на седьмом этаже какого-то НИИ. У этих — все свое, да оно и понятно — нефтью торгуют люди. Я проехал мимо — за железным забором было пустынно, рано еще, чуть позже асфальтовая площадка перед офисом заполнится иномарками, из них будут выходить люди, преисполненные собственного достоинства (еще бы, они ж нефть продают, к «трубе» допущены, а это сродни цековской кормушке в советские времена!), спешить в офис, потом обратно, к машинам, дабы выполнять важнейшие поручения, потом...

Это и есть наша российская экономика. Демократия и все такое. Сырник бы сказал «труба дело», а мне плевать.

Я проехал мимо офиса, развернулся, дворами выехал к тыльной стороне здания — там его ограждал от внешнего мира высокий железный забор, а на стенах офиса виднелись телекамеры. Это чтобы злодеи не забрались с тыла. Я себя злодеем не считал и пробираться тайком в офис не стремился. Просто выискивал место, где можно удобно расположиться, чтобы не привлекать внимания бдительных служащих и видеть, как они входят в двери. Такое место было с торцевой стороны здания.

После этого я поехал к метро «Чистые пруды»,

купил бутылку кока-колы и пару «хот-догов», чтобы не так грустно было ждать. Оно, конечно, не то, я ж не американский сыщик, чтобы питаться их пищей. Проявил бы с удовольствием квасной патриотизм, да кваса и бутербродов с родной «Докторской» нигде не продавали, и пирожков с картошкой да капустой, как на Киевском, не было, вот и пришлось довольствоваться всякой иноземной гадостью.

Потом я остановил машину в намеченном месте, положил хот-доги и кока-колу на переднее пассажирское сиденье и закемарил, надеясь, что будильник моих электронных часов разбудит в нужное время. Все-таки рано я приехал, отчего же не поспать пару часов?

Будильник заиграл «К Элизе» Бетховена ровно в половине десятого. Я откупорил бутылку кока-колы, взял холодный хот-дог и стал смотреть, кто там приезжает продавать нефть и зарабатывать на этом солидные деньги. Приезжали разные люди, среди машин, как ни странно, и наши «Жигули» проскальзывали, видимо, их владельцев к самой «трубе» пока что не пускали, дозволяли местность вокруг нее обихаживать. Кстати, действительно гадость эти холодные хот-доги! Наверное, кто-то из приверженцев демократии

скажет, что их нужно есть непременно горячими, да еще и разогревать следует в особой американской СВ-печке, вот тогда это будет покруче стерляжьей ухи, пельменей и борща с квашеной капустой, пирожков с картошкой и всего вкусного. Может, и так. Только я один хот-дог выбросил, от второго съел булку и запил кока-колой. Холодные сосиски, да к тому же и плохие, может, кому-то и нравятся, но только не мне. Бинокль с электронной фокусировкой помогал мне отслеживать прибывающих сотрудников.

Марьяну Артемову я сразу узнал. Она вышла из красной «Шкоды-Фелиции» — высокая, стройная, в черных джинсах, плотно обтягивающих широкие бедра и длинные ноги. Вы можете представить себе эти джинсы? Широкие бедра, длинные ноги, а между ними — треугольник света. Или тьмы, кому что больше нравится. Такая вот была эта девушка. Красавица. Собственно, ради нее я и торчал у офиса «Ярнефти». Марьяна шла к стеклянной двери, так соблазнительно покачивая бедрами, что я поневоле вспомнил ее тело, распростертое на большой постели, щеточку волос на лобке... Ярмонова над ней я не вспоминал, дабы не злиться понапрасну. Ну так что, Марьяна? Ты хоть что-нибудь помнишь?

Наверное, нет. Ничего. Сослуживцы сказали, что тебе стало плохо на банкете и кто-то отвез домой, но даже подозревать этого человека тебе страшно... Нам бы поговорить, Марьяна, да как? Нужно подумать. Кстати, то, что она была усыплена и только после этого доставлена на дачу босса, — большой плюс девчонке. Значит, просто так не мог уговорить ее Григорий Ильич. Наверное, пытался, но не сумел.

К сожалению, здесь наш разговор не мог состояться, но я уже точно знал, что мы обязательно встретимся и поговорим. Мне это нужно для того, чтобы выжить, ей — чтобы наказать мерзавца. Значит, у нас общая цель, и как тут не договориться?

Минут через пять приехал Ярмонов. Впереди — «Рено» с мигалкой, за ней — шестисотый «Мерседес» с хозяином, за ним — джип с охраной. Солидный кортеж. Вот с ним я, значит, и должен воевать в одиночку. Пока что в одиночку.

А что поделаешь?

Гек распахнул дверцу, магнат выскочил из «Мерседеса» и заносчивым колобком покатился к дверям офиса. Костюм на нем был другой, темно-синий, и галстук другой, но тоже, наверное, от какого-то Карниза, это ж у них вроде спецовки,

без которой нельзя появляться на рабочем месте. За колобком громадным серым волком, готовым съесть любого, кто не понравится колобку, шагал Гек.

Такая вот сказочка.

Все, что я хотел, — увидел, ничего интересного больше здесь не было. «ММОС» я с собой не взял, да и сложно было использовать его, не зная, где кабинет хозяина, где служба безопасности. Пока будешь настраивать — засекут, а мне это ни к чему.

Я сидел еще полчаса, пытаясь понять, что там чувствует сейчас Григорий Ильич, точно не понял, но знал, что в этом костюме он испытывает совсем другие чувства, нежели в костюме стального цвета, а вернее, без оного. Большие люди более нетерпеливы, нежели все остальные, следовательно... Будут давить на меня, дабы поскорее найти потерянную копию. Кока-кола кончилась, я выбросил бутылку в окно и поехал к другому офису — рекламной компании «РЕКАРТ». Нужно было на супруга Марьяны посмотреть.

Итак, можно было подвести первые итоги. Я выяснил, что Марьяна Артемова существует в природе, Вася не обманул меня, она продолжает работать в качестве секретарши Ярмонова и,

вероятно, догадывается, кто мог ее изнасиловать. Однако в милицию не обратилась, видимых причин для этого нет, и невидимых тоже, лишь собственные ощущения, с ними вряд ли чего достигнешь в борьбе с мощной компанией. Мужу рассказывать об этом нельзя, он отсутствовал, а она пила на банкете, получается — сама виновата... Ну а муж? Господин Артемов что-то знает, подозревает или ни сном ни духом? А может, и знать не желает, дабы не рисковать своим бизнесом? Бывает и такое.

Вот с этими мыслями я и поехал в офис рекламной компании. У меня имелись визитные карточки на имя генерального директора фирмы «Корсар», надеялся, что они помогут встретиться с Артемовым. Кто не знает, название фирмы происходит от наших фамилий, КОРнилов-СЫРников, но поскольку КОРСЫР не звучит, одну букву мы изменили, Сырник разрешил. О Марьяне, разумеется, не скажу супругу ни слова. Будем говорить о посторонних вещах, что-нибудь придумаю. И мимоходом проясню ситуацию с его семейными делами.

И Марьяна, и ее муж гипотетически были моими союзниками в борьбе против Ярмонова, но — врагами друг другу, если поймут, из-за чего, соб-

ственно, разгорелся сыр-бор. И тут важно знать, к чему нужно быть готовым, общаясь с супругом, насколько он готов принять горькую правду. Реакцию Марьяны я мог предугадать, а как поведет себя муж-бизнесмен — черт его знает.

Офис «РЕКАРТа» располагался неподалеку от «Ярнефти», в доме на Мясницкой улице. Но сперва я зашел в кафе на той же Мясницкой, чтобы перекусить. Хот-доги меня не интересовали, но чашка двойного кофе с бутербродами оказалась весьма кстати. Я не очень спешил и к двенадцати добрался до двери офиса «РЕКАРТа».

Попасть туда было совсем несложно. Я предъявил визитную карточку и сказал охраннику, что «Корсар» желает отрекламировать свою деятельность через агентство господина Артемова. Охранник любезно пропустил меня, сотрудницы из первого кабинета, попавшегося на пути, не менее любезно рассказали, что Артемов несколько дней назад вернулся из Крыма, где руководил съемками клипа особо важной певицы. Я поблагодарил вежливых сотрудниц и занял место на стуле у кабинета Артемова. Аудиенции ждали еще несколько человек, видимо, хотели поскорее отрекламировать свою деятельность. Впрочем, не только.

Одним из них был пожилой мужчина с синим платком на шее под рубашкой. Где-то я его видел, и, пока думал об этом, он обратился ко мне с длинной речью.

— Ничего невозможно поделать с этими рекламщиками. Они постоянно крутят мелодию из моей песни «Деревенская любовь», но не хотят платить за это. Думают, что если песня была популярна тридцать лет назад, то платить не нужно. А у нас теперь рыночные отношения. Используете — заплатите. Но они не хотят. Крутят и крутят мелодию, а платить даже не собираются. Это разве правильно? А вы как считаете?

— Должны заплатить, — сказал я.

— Вот именно. Я — Иван Мартынович Криволобов, меня знает вся, так сказать, страна. А они не платят. Если моя мелодия устарела, то пусть ее не используют в своих, так сказать, надобностях. А если нет, в чем я абсолютно уверен, то будьте добры — платите!

Ну что тут было сказать? Песню Ивана Мартыновича я вспомнил, в восьмидесятых мы, пацаны, слушали ее с удовольствием, и теперь я лично обеими руками проголосовал бы за то, чтобы композитору заплатили. Но меня тут никто не спрашивал.

— Господин Криволобов! — провозгласила секретарша, открыв дверь, и старый композитор ринулся вперед.

— Удачи вам! — сказал я.

— Ну они наглецы, эти старперы, — сказал мужик в зеленом пиджаке. — Писали песни про народ и партию, а теперь хотят за это бабки получить!

— Криволобов — автор классной песни, — сказал я. — А насчет партии и народа — не припомню за ним такого. Если вы знаете — скажите.

— Да что там знать! Все они, совковые прихлебалы, теперь и на хрен не нужны.

Достал он меня своей прямотой. И своим пиджаком, кстати, тоже.

— Даже если песня про КПСС, используешь ее мелодию в коммерческих целях — заплати автору. Таков закон, — чересчур вежливо сказал я, внимательно глядя на ретивого бизнесмена. — А если ты в зеленом пиджаке и тебе не нравятся такие песни — не используй их мелодии в коммерческих целях. Все очень просто. Или вы по-другому думаете?

Мужик выразительно посмотрел на меня и опустил глаза. Видимо, хотел сказать, что в другом месте он бы наказал нахала, но сейчас вынужден

просто игнорировать его. А меня уже понесло, хотелось хоть в чем-то получить удовлетворение. Оно ведь как бывает? Не нравится тебе человек, и все тут. Ну ладно, с таким лучше не общаться. Но если он сам достает тебя своими суждениями, а потом делает вид, будто говорить с тобой ему, как выражаются мои оппоненты, западло, а у тебя нервы на пределе, трудно быть невозмутимым.

— Вы, кажется, не согласны со мной? — спросил я, наклоняясь к нему и не сводя глаз с его пухлой розовощекой физиономии. — Может, выйдем и продолжим наш спор вне этой уважаемой фирмы?

Мужик мрачно ухмыльнулся, не поднимая головы. Не хотел он иметь со мной дела, у него времени на это не было — ну, невероятно важный и занятой человек! Ладно, мне тоже плевать на него. Через десять минут секретарша открыла дверь и объявила, что ждут господина Деривасова, мужик в зеленом пиджаке поскакал вперед, к открытой двери, из которой вышел старик Криволобов.

— Спасибо вам, — сказал он, наклонившись ко мне и протягивая сразу две ладони, я их пожал. — Вы удачи мне пожелали, и все так и случилось. Они заплатят мне, и будут платить дальше, за

другие песни... Вы себе не представляете, какая это победа! Они же раньше и говорить со мной не хотели!

— Рад за вас, Иван Мартынович, — сказал я. И действительно, приятно было смотреть на старика. — Это не победа, а торжество справедливости. У вас замечательные песни, и вы должны жить замечательно.

— Если б так... Но все равно — спасибо, так сказать, за поддержку. Спасибо вам.

Он ушел, а я остался. Хорошо, что к старику сегодня отнеслись по-человечески. Однако вряд ли это из-за моего пожелания. Тогда почему? Раньше Артемов и слышать о нем не хотел, а теперь вдруг снизошел и понял. Такое бывает, когда большие люди оказываются в сложной ситуации. В какой именно? Деньги? У него их много, на сто лет вперед хватит. Политика? Он рекламщик, далек от нее. Враги? Может быть, но очень уж вовремя... Скорее всего — семейные проблемы. Вернулся из Крыма, а жена — не та... Во всяком случае, мне хотелось так думать, и для этого имелись основания.

Сердитый господин Деривасов неплотно прикрыл дверь в «предбанник» секретарши. Я слышал, как она шуршала страницами, наверное,

листала журнал, а потом на ее столе замурлыкал телефон. Девушка сняла трубку, выяснила, кто звонит. Сухо треснула клавиша селектора, и послышался знакомый уже голос:

— Роман Васильевич, вас по первому — жена.

— Какая, на хрен, жена?! — послышался сухой, жесткий голос из динамика громкой связи на столе секретарши.

И похоже, поверг девушку в шок.

— Ну какая... ваша жена, Марьяна...

— Скажи, что меня нет! — раздраженно крикнул Артемов.

— Что, так и сказать? — растерянно пробормотала секретарша. — Но я же...

Сухой щелчок селектора прервал ее монолог. Значит, Артемова нет для жены, интересно почему. Человек несколько дней назад вернулся из Крыма со съемок, вероятно, соскучился по своей красавице — и не хочет видеть ее и слышать? Вот ту Марьяну, которая приехала на работу в красной «Шкоде»?! Вряд ли разговор с Деривасовым, кем бы он ни был, стал причиной столь резкого ответа.

Артемов был зол на жену, и вполне вероятно, это связано с тем, что случилось на даче Ярмонова. Умный мужик сразу поймет, что за время его

отсутствия жена изменилась, а если она не хочет говорить на эту тему, то... Я бы тоже разозлился. Следовательно, малейшее отклонение от темы, заявленной мною, вызовет подозрения у Артемова. А говорить только по теме — какой толк? Я же не собирался и вправду рекламировать свою фирму.

— Ах, черт, — сказал я, хлопнув себя по лбу. — Бизнес-план забыл в офисе!

Встал и направился к выходу. В коридоре больше не было посетителей, и хорошо. А то стали бы спрашивать про мой бизнес-план, что бы я мог сказать?

Глава 8

Я все-таки вернулся домой, хотя предполагал, что вернусь не скоро, если смогу, конечно. Но потом решил — мне ведь должны позвонить, напомнить о времени, которое истекает, или что-то еще «приятное» сказать, значит, есть время посидеть в кресле, поразмышлять. На то, что недостающая копия видеозаписи уже нашлась и люди Ярмонова извинятся за причиненное беспокойство, я не надеялся.

Пока готовил обед, включил телевизор, не смотрел, но слушал новости в 14–00. Ничего об убийстве Лилии Ярмоновой не сказали, разумеется; не было речи о версиях, приметах людей, с ней встречавшихся, и фоторобота, похожего на меня, не показали. Ну и за то спасибо.

Я сварил бульон из кубиков, мог бы, конечно, приготовить «парижский» луковый суп, теперь умею, да не хотелось возиться. Бульон из кубиков, пара бутербродов с карбонадом и кофе — вот и обед сыщика Корнилова, и можно подумать о том, как жить дальше. Чтобы думать, нужно иметь информацию, а она где? В компьютере.

Зная настроение Артемова, мне нужно было

поговорить с Марьяной. Теперь — очень нужно, именно с ней. А где Марьяна живет? В компьютерной базе данных был указан адрес Артемова — Малая Филевская улица. Старая «царская деревня», это близко от меня. Видимо, там и живет Марьяна, если не обиделась и не перебралась к родителям в Марьино.

Для начала подожду ее на Малой Филевской, если не приедет после окончания трудового дня в «Ярнефти», отправлюсь в Марьино. Тяжело ей, наверное, работать там. Каждый день видеть босса, видеть Гека, с тоской думать, кто же из них (полагаю, она знает то, что знаю даже я — сотворить подобное с секретаршей босса никто из сотрудников фирмы не отважится). А каково боссу гадать, где может выплыть исчезнувшая копия видеозаписи с камер в дачной спальне? Я не завидовал ни ей, ни ему. И себе тоже. И думал о том, что, когда это все кончится, пойду в зоомагазин на Кутузовском и куплю крысу, теперь — девочку, и буду дружить с ней. В том, что она меня будет любить, я не сомневался. Вон, друг мой, Гена Басинский, купил Крыстину, и вся семья не нарадуется малышкой. И значит, все они, эти серые малыши, — верные друзья. Надеюсь, Настя поймет меня. Да ведь сказала же, что ее

знакомые говорили о том, какие умные эти серые ребятки.

Телефон зазвонил резко, я долго смотрел на трубку, потом взял ее, не сомневаясь, что на другом конце провода мои «оппоненты». Так оно и случилось.

— Корнилов, где копия? — спросил резкий мужской голос.

— У меня ее нет, Может, встретимся, поговорим?

— У тебя было двадцать четыре часа. Осталось всего ничего. Копия, и мы оставим тебя в покое, коз-зел!

— А ты осел, если не понимаешь русского языка.

Как ни странно, «крутой» собеседник не обиделся на «осла». Видимо, в его программе не был заложен ответ на подобные оскорбления.

— Ну так ищи. У тебя еще есть несколько часов.

— Да пошел ты!..

Продолжить разговор не удалось, мой собеседник повесил трубку, или нажал на кнопку, какая разница? Значит, не хотят они разговаривать, значит, их время подпирает. Оно понятно, большие люди — жутко нетерпеливые люди.

Я вытащил разъем из розетки, отключил радиотелефон. Не хотите со мной разговаривать — я с вами тоже не хочу. И не думаю, что вам удастся так быстро выяснить номер моего мобильника. Он изменился две недели назад и вряд ли будет указан в секретной информации, распространяемой на пиратских дисках. И узнать у операторов не получится, номер зарегистрирован на одну мою знакомую, бывшую.

Бульон и бутерброды — это, конечно, хорошо. Мысли о крысенке, умной и любящей хозяина серой малышке, — еще лучше. Но пора уезжать из этого мира, в другой, который грозится уничтожить меня. Ну вот и посмотрим, кто кого. Если они меня — так что ж? Значит, слаб оказался Андрей Корнилов, не выдюжил...

Хотя... знаете ли вы тех, кто в одиночку выдюжил против нефтяной компании? Я лично — нет.

Ну ладно, поедем, поговорим с Марьяной. Что-то интересное она должна мне сказать.

В половине шестого вечера я вышел из квартиры, сел в свою «Ауди» и поехал на Малую Филевскую. Встречаться с Марьяной Артемовой. Но если вы думаете, что я вышел из дома, беспечно насвистывая, — ошибаетесь. И машину свою,

возвращаясь домой, я оставил не на стоянке, а под окнами другого дома, где жил писатель Новиков, который согласился присмотреть за ней. И шел к ней теперь долго и осторожно. И ехал к Малой Филевской окольными путями, страхуясь от «хвоста».

Дурацкая советская присказка определяла стиль моего существования — «хочешь жить — умей вертеться».

Ох, уж эта Малая Филевская! Просторно там и чисто, иномарок у подъездов много, народ солидный, основательный, чувствуется советская номенклатурная закалка. Ходят, стоят, разговаривают, спокойно там, по крайней мере в светлое время. А где сыщику спрятаться? Да почти что негде.

Я оставил машину не у дома Артемова, а у соседнего и, после долгих поисков, нашел точку, откуда мне был виден двор дома Артемова, а меня самого — не очень-то заметно. Время уже близилось к семи, пора бы Марьяне вернуться домой. Я полагал, что успею подойти, когда она остановит машину, и сумею убедить девушку поговорить со мной. Я не просто сидел под деревом и наблюдал за подъездом, а разгуливал по староэлитному микрорайону, от выбранной точки наблюдения

до другой, откуда видна была Малая Филевская и машины, которые сворачивали к дому господина Артемова.

Заметив красную «Шкоду-Фелицию», я быстро вернулся к точке наблюдения. И тотчас же машина въехала во двор. Я решительно двинулся к ней, но рядом со «Шкодой» остановился джип «Тойота», из него вышел высокий темноволосый мужчина с длинными усами, примерно мой ровесник, подошел к «Шкоде», открыл переднюю дверцу. А это, похоже, сам товарищ Артемов! Ну и что все это значит? Он хочет извиниться перед женой за то, что не подошел к телефону днем?

Марьяна вышла из машины, Артемов взял ее под руку и повел в подъезд. Черт возьми! Вот и поговорили... Я прошел метрах в десяти от них, успел заметить, что Марьяна напряжена, а муж спокоен, и двинулся дальше. Взглянул на свою «Ауди» — стоит, не украли. Впрочем, здесь машины, наверное, вообще не воруют, хотя утверждать это не смею.

Ничего не оставалось, как вернуться к своей точке и наблюдать за двором, а вдруг что-то интересное произойдет? Во дворе остановился синий «жигуль», из него никто не вышел. Уже интересно, и если Марьяна с мужем спокойно

поужинают и лягут спать, есть смысл посмотреть, куда поедет эта грязная машина, если поедет. А если нет... Буду действовать в зависимости от поведения людей, приехавших в «жигуле». Можно будет и подойти, спросить, кого они ждут. Конечно, это опасно, да я и сам буду опасен, если решусь подойти к ним.

Люди в «жигуле» сидели тихо, ничем не проявляли себя, а вот в квартире Артемова — она располагалась на четвертом этаже — похоже, разгоралась нешуточная ссора. За плохо прикрытыми шторами метались тени, слышались крики, а потом зазвенело разбитое оконное стекло, и на зеленый газон упал самовар из блестящей нержавейки. Трудно понять, кто в кого там запустил самоваром; с одной стороны, мужику вроде сподручнее, он все-таки сильнее, а с другой — неприлично как-то, самоваром... Но женщина в состоянии аффекта способна и не такой самовар запустить в мужика, по своему опыту знаю.

Я не пошел к подъезду, наблюдал со своей точки под зеленой березой за тем, что будет дальше. Вполне возможный вариант развития событий — Марьяна решит уехать к родителям после ссоры с мужем. Меня он вполне устраивал.

Так и случилось. Минут через десять Марья-

на выскочила из подъезда с тяжелой сумкой в руке, бросила ее на заднее сиденье своей «Шкоды-Фелиции» и села за руль. Я успел заметить, что следом за ней двинулся грязный «жигуль» и помчался к своей «Ауди», на ходу понимая, что кроме меня есть и другие люди, которые очень хотят поговорить с Марьяной без свидетелей. А может, не просто поговорить. Они тоже обрадовались неожиданному повороту событий. А я теперь — нет.

Марьяна ехала по Рублевке в сторону Кутузовского; не было сомнений, что она направлялась к своим родителям в Марьино. Синий «жигуль» упорно сидел у нее «на хвосте», и мне уже не очень-то хотелось разговаривать с его тремя пассажирами (не считая водителя). Значит, нужно избавиться от конкурентов на внимание красавицы Марьяны. Я прибавил газу, догнал «жигуль», пристроился следом. У них мой маневр не вызвал тревоги, «Шкода-Фелиция» нервно дергалась, пытаясь оторваться от преследователей, Марьяна обратила внимание на «жигуль», но оторваться не получалось.

«Ладно, помогу тебе», — подумал я.

Опустил стекло правой передней дверцы, поставил глушитель на пистолет, догнал «жигуль»

и, поравнявшись с ним неподалеку от выезда на Кутузовский, выстрелил в заднее колесо. Машина завиляла, свернула на обочину и остановилась. А я ринулся в погоню за Марьяной. Догнал ее уже на Кутузовском. Поравнявшись со «Шкодой», показал девушке, что хочу поговорить с ней. Марьяна испуганно взглянула на меня и прибавила скорость. Черт возьми, как же ей объяснить, что ехать домой опасно? Бандиты заменят колесо и найдут ее у родителей! Вряд ли у тех, в спальном районе Марьино, суперзамки на стальной двери. Но даже если и так, они не остановят посланцев Ярмонова!

Когда миновали Кутузовский, я выбрал темный участок и «подрезал» «Шкоду», заставил ее остановиться. Выскочил из «Ауди», метнулся к девушке.

— Марьяна, вам угрожает опасность! Пожалуйста, выслушайте меня. Прошу вас!

Она подняла стекла, огромные голубые глаза смотрели на меня с ужасом. Невдалеке завыла сирена, похоже, мой маневр привлек внимание ГИБДД.

— Марьяна, я ваш друг, это я избавил вас от преследователей на «Жигулях», они хотели убить вас, и убьют, если вы поедете к родителям в Ма-

рьино! Прошу вас, верьте мне!

Стекло опустилось сантиметров на пять.

— Почему я должна вам верить?

— Потому что... я знаю, что с вами случилось на даче Ярмо-нова! Лилия Георгиевна попросила установить там скрытые камеры. Теперь за мной тоже охотятся!

Рядом с нами остановилась машина ГИБДД. Невысокий лейтенант не спеша подошел к нам, остановился рядом со мной.

— Почему нарушаете? — казенным тоном спросил он, не соизволив даже представиться. Видимо, понял, что мужчина и женщина на иномарках решают свои проблемы, не заботясь о правилах движения, и, значит, заплатят за это.

Все зависело от Марьяны, а она испуганно хлопала ресницами, переваривая мои слова.

— Да все нормально, начальник, — развязно сказал я, подмигивая девушке. — Мы с женой малость поцапались, но теперь все в порядке. — Я достал из кармана пятисотенную купюру, протянул блюстителю порядка.

Он взял деньги, наклонился к окошку «Шкоды».

— Это правда?

— Да, да, — будто ожила Марьяна. — Все нор-

мально, хорошо, спасибо вам. — Она опустила стекло, достала из сумочки и протянула лейтенанту стодолларовую купюру. — Извините, что нарушали... мы сами разберемся с мужем.

Лейтенант взял и эту купюру, Предупредил нас о том, что нарушать порядок движения необдуманными маневрами не следует, и степенно зашагал к своей машине. Похоже, у него сегодня был удачный день. Машина с ревом обогнала нас.

— Так почему я должна вам верить? — спросила Марьяна.

Стекло передней дверцы она не подняла, я наклонился к нему, тихо сказал:

— Потому что вы не знаете, где этот кошмар случился, а я знаю. Лилия Георгиевна попросила меня...

— Ну и что?

— Я видел, как вас насилуют, — неосторожно сказал я и тут же получил хлесткую пощечину.

— Свинья! — крикнула Марьяна.

— Можно подумать, если б я не видел этого, вам было бы легче, — сказал я, потирая ушибленную щеку. — Это на видео, понимаете? На диске или на флешке, точно не знаю. Поверьте, мне было очень неприятно это видеть, но... я просто прове-

рял свою работу. Потом, на следующий день. За эти кадры Лилию Георгиевну убили, за мной охотятся, да и у вас проблемы, как могли убедиться только что. Может, поговорим спокойно?

— Садитесь, — она распахнула дверцу «Шкоды» с противоположной стороны. — Но смотрите... у меня газовый баллончик наготове!

— Отгоню свою машину, а то мы как-то странно смотримся, — сказал я.

Я поставил свою «Ауди» впереди ее машины, потом сел рядом с Марьяной на пассажирское сиденье. И, видя ее вопрошающий взгляд, честно рассказал, кто я такой, как оказался причастен к этой истории и о том, что было в спальне Ярмонова.

— Вы были прекрасны, Марьяна, — завершил я свой рассказ, — а он — омерзителен! Извините за такие подробности.

— Этого не может быть, Григорий Ильич на такое не способен! — решительно заявила Марьяна. — Я знаю, что он велел Геку отвезти меня домой, дома и очнулась...

— Ярмонов вообще не смотрит на красивых девушек?

— Нет... Роман, мой муж, говорил, что он бабник, даже предупреждал в шутку, чтобы я... Но...

— Я понимаю, вы ничего не помните, но ваши... простите, чисто женские ощущения ни о чем не говорят?

— Что вы хотите от меня?!

— Не нужно нервничать, постарайтесь внимательно слушать меня и понять. Вы были именно в спальне Ярмонова, в его загородном доме. В бессознательном состоянии. Туда вас принес здоровый мужик по имени Гек. Что случилось на вечеринке?

— Мне стало плохо... это все, что я помню.

— Вам подмешали в вино сильный психотропный препарат. Кто подал вам напиток? Кто сидел рядом?

— Подал? Григорий Ильич, сам. Он всем раздал бокалы с шампанским, лично. А рядом... Да коллеги сидели, все смеялись, шутили, даже Гек подсел со своим бокалом, ему Григорий Ильич позволил выпить в честь юбилея... Гек даже приглашал меня танцевать. Но он опоздал...

— Гек мог вам подмешать какую-то гадость?

— Да как? За столом было столько народу...

— Значит, она в бокале была заранее, и Ярмонов дал вам особый бокал. Потом вам стало плохо, он приказал отвезти вас домой, но отвезли не домой, а на дачу к Ярмонову.

— Господи... — с ужасом прошептала девушка. — Какой ужас...

Меня начинало раздражать ее поведение. Для нее ужас то, что это случилось на даче Ярмонова? По-моему, главный ужас в том, что случилось, неважно где.

— Я понимаю ваши чувства, разделяю их, но речь сейчас о другом. Лилия Георгиевна хотела с помощью компромата получить развод и завладеть контрольным пакетом акций «Ярнефти».

— Ой, Рома говорил об этом, смеялся... что в случае развода контрольный пакет... Она давно мечтала об этом...

— Теперь Лилия Георгиевна мертва, а мне дали двадцать четыре часа, чтобы я вернул одну из копий видеосъемки в спальне Ярмонова на даче. Ее они не нашли, мое время истекло. Но я-то ладно, а вот вы... Очень важный свидетель, рассказать, что бывает с такими?

— Не надо, я знаю... то есть видела по телевизору, читала... Но я не понимаю, кто вы, что вам от меня нужно...

Достала она меня своей непонятливостью!

— Извините. Возможно, я буду недостаточно галантен, зато честен — ничего. Вы красивая женщина, но мне от вас ничего не нужно. Я про-

сто хочу выжить и спасти вам жизнь. Можете присоединиться, вместе нам проще будет это сделать. Поодиночке нас прикончат, как слепых котят. Что было у вас с мужем сегодня?

— Рома что-то подозревает, а я не знаю, что сказать. Я ему не изменяла, но я... Просто не знала, что сказать. А он решил, что я... Стал оскорблять... Я бросила в него самовар и уехала к родителям.

Значит, самовар бросила она. Сильная девушка!

— Забудем об этом. Люди в «Жигулях» прекрасно информированы, знают адрес ваших родителей. Не получилось по дороге убрать вас, придут в квартиру. Вы хотите выжить?

Марьяна хотела, в смысле — выжить, и мы вместе стали думать, что делать дальше. Необходимо было где-то переждать эту ночь, поговорить подробнее. Но где? Домой ко мне возвращаться было опасно, в Марьино — тем более. Домой, к Артемову, Марьяна не хотела — видимо, боялась, что муж узнает о том, что случилось на даче, и тогда все будет еще хуже. После недолгих раздумий мне показалось, что выход найден. Я достал телефон и набрал номер Алины Барсковой, вдовы убитого хозяина турфирмы, которой я помог недавно. Она жила в хорошо охраняемом жилом комплексе

для элиты, и в ее квартире было до черта места, чтобы приютить нас. Вопрос в том, захочет ли? Алина помнила меня, с радостью пригласила в гости, но когда узнала, что я приеду не один, потускнела (в телефонном варианте). Пришлось напомнить ей о событиях недавнего прошлого.

— Поехали, — сказал я Марьяне. — Двигайтесь строго за мной, не отставайте.

Она согласно кивнула. Похоже, время сомнений в моей правдивости прошло, настало время страха.

Глава 9

Муж Алины Барсковой был связан с бандой, поставлявшей проституток в притоны свободного демократического мира. У нас даже статьи за это нет, но там и без торговли «живым товаром» было немало криминальных дел. Когда Барсков стал опасен для бандитов, его убили. Потом взорвали нового директора, потом... да все это неважно. В конце концов, с моей помощью они получили все, что заслужили. Я занимался этим делом по просьбе Алины и выяснил одну интересную подробность: за несколько минут до гибели мужа Алина виделась с ним, более того — оглушила электрошокером! Она знала, что он встречается с любовницей и, замученная изменами, решила таким образом наказать мужа и вернуть его в семью (ей сказали, что после электрошоковой терапии он какое-то время будет никудышным любовником, а ее это устраивало — лишь бы домой ночевать приходил). Она не знала, что после того, как убежит, бандиты убьют мужа, и могла бы сильно пострадать, если бы следствие официально установило этот факт, но я постарался избавить ее от судебных мытарств — женщину

подставили, она осталась одна, да к тому же с ребенком. Денег у нее, правда, было много, да разве они компенсируют то, что пришлось пережить Алине?

Теперь я просил у нее помощи, и Алина не отказала. А что присутствие Марьяны ее разочаровало — так это понятно. Алина предлагала мне остаться с ней на ночь, но я с клиентами в близкие отношения не вступаю, а потом — как получится. С Алиной и потом не получилось, вероятно, обижалась на меня, но это уже не важно.

Охранник на въезде в жилой комплекс «Серебряный бор» пропустил меня, не проверяя документы. Неудивительно, я не раз приезжал сюда. Марьяну тоже пропустил, разглядев номер «Шкоды». Я попросил Алину, чтобы у охраны не было никаких записей в «вахтенном» журнале о нашем визите, она выполнила просьбу. Вряд ли наши враги могут узнать, что мы прячемся в резервации для избранных, огороженной высоким забором, но осторожность никогда не помешает.

— А кто она, эта Алина? — спросила Марьяна, когда мы поднимались на лифте. — Твоя любовница, да?

Я не помнил, когда мы перешли на «ты», но возражать не стал. Мог бы сказать — такая же,

как и ты, богатая, высокомерная и важная, а на самом деле — глупая, беззащитная и одинокая. Да к чему лишние разговоры?

— Нет, у нее убили мужа, я помог найти и наказать убийц. Это все, что нас связывает. С тобой то же самое — только общие проблемы, больше ничего не будет.

Марьяне не совсем понравился мой ответ. Да и какой женщине понравится мужчина, который не пытается ее соблазнить, хотя бы поиграть в соблазнителя? Она же красивая, сексапильная, все мужики слюни пускают, увидев ее, а тут — эдакий пень!

Пень — это я, причем в глазах сразу двух женщин. Это стало ясно, как только Алина впустила меня в квартиру.

— А ты все такой же, Андрей... интересный. — И, повернувшись к Марьяне, добавила: — Если хочешь затащить его в койку — забудь. Он на работе не трахается, а, как я поняла, он сейчас на работе, верно?

Она была в черных джинсах, которые подчеркивали ее стройную фигуру, в руке дымилась неизменная длинная сигарета. Одна незадача — Марьяна тоже была в черных джинсах, а для светских женщин что может быть хуже одина-

ковой одежды? Даже если они не на светском фуршете и не на дружеской вечеринке? Но тут ситуация, похоже, была еще более напряженной — две красивые дамы и один мужик, который совершенно не обращает внимания на то, какие они красивые.

— Вот еще! — презрительно фыркнула Марьяна. — Нужен он мне! У меня, между прочим, есть муж!

— Ты хоть знаешь, кто он такой? — обиделась за меня Алина. — За ним убийцы гнались и превратились в лепешку как раз напротив морга. Его один подлец в подвале замуровать собирался, но сам нечаянно упал с высокой крыши. Это только то, что, можно сказать, почти на моих глазах было. Я уж не говорю о том, что он сын и наследник нашего строительного олигарха Корнилова, друга самого мэра! И, между прочим, капитан ФСБ!

Она сильно преувеличивала мои заслуги, простая женская месть, но Марьяна поверила и задумалась, права ли она, что полностью игнорирует такого супермена?

Мы прошли в гостиную, где Алина предложила мне то, что всегда предлагала, памятуя о моем вкусе, — двойной бурбон. Марьяна пожелала то же самое.

— Как дела фирмы? — спросил я у Алины, отдавая долг вежливости гостеприимной хозяйке.

— Уже нормально, есть прибыль. Благодаря тебе.

— Я в туристическом бизнесе профан.

— Но ты же посоветовал сделать гендиректором Юлю. Она развила такую бурную деятельность, что результаты уже есть. Кстати, она расплатилась с тобой?

Юля была менеджером при Барскове, после его гибели — менеджером при другом директоре, Постоянцеве. А когда того взорвали в собственной машине, у Юли вообще не было шансов остаться в фирме — потому что я рекомендовал ее на должность гендиректора. Тогда Алина сама хотела руководить фирмой. Но, видимо, впоследствии склонилась к моему мнению, и вот результат. Уже есть прибыль. Может, в бизнесе я и профан, но в людях немного разбираюсь.

— Я рад за тебя, рад за Юлю, — сказал я и уточнил: — Я с ней не спал и даже комплиментов не говорил.

— А ты вообще с кем-нибудь спишь? — спросила Алина. — Ходят слухи, бабник невероятный, я тут в интернете много чего нашла про твои подвиги... А на самом деле такой скромник... или

у тебя другие пристрастия?

Она не только предлагала мне остаться в этой квартире, когда расследование было в полном разгаре, но и потом хотела встретиться со мной. Теперь вот мстила за отказ.

— Пристрастия, то есть ориентация, ты это имела в виду? Нормально с этим делом. Иногда сплю с женщинами, но, как ты правильно заметила, не во время работы.

Марьяну, похоже, развеселил этот разговор, она понимала, что к чему, и чувствовала себя в выигрышном положении. Восьмилетний «Джим Бим» с содовой был, как всегда, хорош. Пожалуй, лучшая выпивка после нашей водки.

— Ну так что ты хочешь, Андрей? — спросила Алина, поставив пустой бокал на журнальный столик. — Приютить твою даму — это понятно. А сам-то как?

— Спасибо за помощь, Алина. Если не возражаешь, устрой Марьяну здесь, на диване, а я могу и в кресле переспать, в кабинете Валерия.

— Ну, зачем же? Постелю вам двоим... — издевательски усмехнулась хозяйка.

— Алина, солидные, уважаемые люди поступили с Марьяной очень плохо. Понимаешь, что я имею в виду, да? Поэтому, пожалуйста, не надо

об этом. Мне нужно поговорить с Марьяной, мы ведь впервые встретились пару часов назад.

Марьяна опустила глаза, давясь, допила свое виски. Поморщилась, стукнула пустым бокалом о журнальный столик. Как еще хрустальная ножка не отвалилась — не знаю.

— Я поняла, — сказала Алина. — Поговоришь, а потом? У меня есть свободная комната, есть кабинет мужа, есть моя спальня, есть... Ты где хочешь?

— В свободной комнате.

Алина кивнула и вышла, оставив бутылку виски и содовую на столике. Я налил себе еще, посмотрел на Марьяну, она отрицательно покачала головой. Алина принесла постельное белье, подушку, одеяло, положила на диван.

— Тебе я постелю сама, — сказала она.

— Выпьешь? — спросил я.

— Только выпью.

Когда Алина выпила двойной бурбон (так она попросила, когда я взялся за бутылку) и ушла, Марьяна тяжело вздохнула.

— Я понимаю, что ты устала, — сказал я. — Несколько вопросов, и я оставлю тебя в покое.

— Хорошо...

— Вася, глухонемой водитель Лилии Георгиев-

ны... ему можно верить?

— Так говорят, он и убил ее.

— Нет. Ярмонов послал его в аэропорт встречать несуществующих гостей. А когда он возвращался ни с чем, местные жители предупредили, что тетя убита, подозревают его.

— Откуда ты это знаешь?

— Он приезжал ко мне, сам рассказал. — Заметив недоумевающий взгляд девушки, я пояснил: — Написал на мониторе.

— Да, она его тетя, он был предан ей, насколько я понимаю... Но зачем посылать его в аэропорт? У нас машин...

— Чтобы свалить на него убийство. Послал Гек, вскоре после того, как Лилия Георгиевна выдвинула ультиматум.

— Да? Ну, тогда я не знаю...

— А что с твоим мужем? Почему он подозревает тебя?

— Рома очень ревнивый, он... он подозревает, да. Звонил мне из Крыма той ночью, говорит, что звонил, но я не подошла к телефону. А как я могла?

— Именно той ночью?

— Да. Я же сказала, он ревнивый, знал, что будет вечеринка, пьянка, беспокоился, звонил всю

ночь и на мобильник, и на домашний, а я...

— Он знает, что было?

— Нет, я же не могу... Он злится, все спрашивает, где была, с кем была...

— Не проще ли рассказать ему обо всем честно?

— Да что рассказывать? Я и сама ничего не знаю! Проснулась утром — все болит... там. А где, как это случилось — ничего не помню. Думала, напилась и... сама виновата.

Ну да, как же я раньше этого не понял? Она винила себя за то, что случилось той ночью!

— Как себя вел Ярмонов? Гек?

— Да нормально... На следующее утро я позвонила, сказала, что плохо себя чувствую, и Григорий Ильич разрешил мне остаться дома, он же видел, что я потеряла сознание. А потом... Я не верю, что это был он. Не верю!

Она заплакала. Я плеснул в ее пустой бокал виски, поднес к губам.

— Выпей, легче будет.

На сей раз она глотнула неразбавленное виски, как воду.

— Если это не он, откуда я знаю о татуировке на предплечье в виде пятиконечной звезды с лучами? О шраме на задней поверхности бедра?

Лилия Георгиевна сказала, что он был получен во время горнолыжной прогулки.

— Да? Ты об этом знаешь? Мне Рома рассказывал, они раньше часто бывали вместе в сауне...

— Я видел это, когда проверял, что там засняли видеокамеры.

— Так, значит... ты и меня видел?.. И, значит, он...

Марьяна зарыдала, спрятав лицо в ладонях. Не верилось ей в такую подлость доброго пожилого босса, но что поделаешь. Факты упрямая вещь.

— Марьяна, ты ложись, постарайся уснуть. Завтра будем думать, как выпутаться из этой ситуации. Мне кажется, нужно все рассказать твоему мужу, я могу это сделать, объясню все профессионально, он не должен винить тебя ни в чем.

— Ты?! Ты хоть знаешь Рому?

— Нет. Но если он не захочет помочь тебе — брось его к ед-рене фене, — жестко сказал я. — Ты попала в беду, тебе нужна помощь. И ты ни в чем не виновата перед ним. Это я и постараюсь объяснить твоему мужу.

Вот такой тон больше действовал на нее.

— Андрей, я тебе верю... Налей мне еще, хочу уснуть...

Я плеснул ей виски, вышел из гостиной и плотно прикрыл за собой дверь, дабы не смущать юную красавицу. И в растерянности остановился. А куда мне идти-то? Где-то Алина приготовила постель, но где?

— Андрюша! Сюда! — послышался голос Алины из другого конца нескончаемого коридора.

Видимо, слышала, как хлопнула дверь. Я пошел по коридору мимо почти антикварных светильников и аляповатых картин новых отечественных авангардистов. Наверное, дорого стоили; впрочем, в этом доме дешевых вещей не держали. Алина еще раз позвала меня, дабы не ошибся дверью. Я не ошибся, толкнул высокую белую дверь с тяжелой бронзовой ручкой и оказался в просторной спальне, где все, от кровати до обоев, было выдержано в красно-розовых тонах. Спальня гораздо красивее (на мой взгляд), нежели у Насти, и женщина в постели была тоже вполне ничего.

— Ремонт сделала, — с гордостью сказала Алина. — Тебе нравится?

Она лежала на широкой кровати под одеялом и, как я понял, совсем голая. Во всяком случае, следов ночной рубашки на плечах не было видно, а у кровати валялись трусики и лифчик. Не

заметить их было просто невозможно.

— Красиво. А кухня у тебя, если не ошибаюсь, вся коричневая. Хватит комнат на все цвета радуги?

— Еще останутся. Ну? Что ты стоишь?

Я не совсем понял, цвета радуги останутся или комнаты, но спросить об этом не решился.

— Алина, ты же знаешь...

— Знаю! — оборвала она меня. — Ты сегодня на работе с ней, с этой несчастной Марьяной. Со мной ты не на работе. Хотя как посмотреть... — она захихикала.

Я прилег рядом с ней, поцеловал ее, позволил расстегнуть ремень на джинсах. Да нет, конечно же, это не работа. Провести ночь в такой спальне, с такой женщиной — кто откажется? Тем более она помогла мне. О Насте я не думал, здесь и так было много женщин и всего такого женского.

Нет, вру, думал. В том смысле, что, может, завтра меня кончат досужие киллеры и никаких женщин уже не будет. Так чего ж отказываться, пока жив? Прости меня, Настя...

Глава 10

Проснулся я оттого, что включился музыкальный центр, известная певица со страстным придыханием забормотала о своем сложноподчиненном чувстве. Алины рядом не было, я лежал один на широченной кровати. Тяготы и лишения роскошной жизни дорогостоящих певиц меня мало интересовали, своих до черта, да и пела она плохо. Видимо, Алина поставила кассету, желая таким образом сказать мне то, что даже в постели сказать трудно. Знала бы она, что я человек скромный, к рабовладению отношусь отрицательно и люблю тех женщин, которых люблю, — наверное, поставила бы что-нибудь другое. Вспомнилась минувшая ночь, и в голове, похоже, в качестве оправдания, возник другой мотив, из которого следовало, что если женщина просит — не надо мести ей на косы. То есть злить. Не очень убедительное оправдание. А голос роскошной дамы навязчиво звучал из музыкального центра. Дабы избавиться от него, я нагнулся, взял свою кроссовку и запустил в музыкальный центр. Попал, да как удачно! Певица исчезла, возникли новости, поскольку на часах было девять утра. В

этот момент в спальню вошла Алина. Она была в коротком шелковом халатике, под которым, как ни странно, просвечивали белые трусики.

— Не нравится? — спросила она.

— Поставила бы лучше «Песню Сольвейг» Грига. Ни одного слова не понимаю, но в общем — все ясно, а как приятно слушать!

— Ну да, я и забыла, что сыщик не тупой чурбан с крепкими кулаками, а рафинированный московский интеллигент, — с обидой сказала Алина.

— А вы из мещан? — поинтересовался я.

— Мы из обычной семьи. И высшее образование получили сами, честным путем.

— Экономист? Психолог?

— Инженер-технолог, МАДИ.

— Понятно, почему наши автомобили лучшие в мире, — сказал я и засмеялся.

Алина тоже засмеялась, прыгнула на кровать, обняла меня.

— Андрей...

— Алина, все было замечательно, но сегодня мне предстоит сложный день. Ты понимаешь?

— Это опасно?

— Немного.

— Ладно, ванная там, зубную щетку найдешь на полочке. Ждем тебя на кухне, Марьяна уже

встала.

Только теперь я заметил, что в спальне была и вторая дверь, ведущая прямо в ванную. Удобно, ничего не скажешь. Сама же ванная, точнее совмещенный санузел размером с мою кухню в десять метров, была облицована малахитовой плиткой, сантехника тоже малахитовая, рычажковые краны — позолоченные. Красиво. А какая зубная щетка ждала меня на малахитовой полочке! Электрическая! Хоть я и не знал, как ею пользоваться, инструкцию тоже не нашел, но зубы сумел почистить.

Когда я, чистый, аккуратно причесанный и уже в куртке (снял ее ночью в спальне, там и надел утром) вышел в длинный коридор, чуть ли не нос к носу столкнулся с пятилетним сыном Алины.

— Привет, Антуан... как там тебя дальше?

— Можно просто — Тоша, — серьезно сказал мальчуган. — Дядя Андрей, ты уничтожил козлов, которые убили папу, спасибо тебе, — он протянул мне руку, и я пожал ее.

Видимо, парень ждал меня в коридоре, а гувернантка сидела в соседней комнате, дверь в нее была приоткрыта. Говорил, как настоящий мужик, и мне это понравилось.

— Все нормально, Тоша, — сказал я. — Жаль

только, что погиб мой лучший друг.

— Правда?

— Да, его звали Борькой. Обычный серый крыс, но был настоящим другом. Бандиты ворвались в квартиру, когда меня дома не было и покалечили Борьку. Он погиб как герой.

— Крысы — очень умные животные, — серьезно сказал мальчик. — И они очень привязаны к своим хозяевам.

Какой умный парень! Сталкиваясь с детьми, я рассказывал им о Борьке, о чем еще можно говорить? И все поначалу ужасались, хотя потом проникались симпатией к моему Борьке. А этот сразу все понял!

— Откуда ты знаешь это, Тоша?

— В садике говорили, а потом я читал в энциклопедии.

Он уже читает энциклопедию, в пять лет!

— Дядя Андрей, дай подержать настоящую «пушку», — неожиданно сказал Антуан.

Ну как тут отказать? Я достал пистолет, вынул обойму, проверил, нет ли патрона в стволе, и протянул парню. Он взял оружие двумя руками, направил в сторону пустого коридора.

— Сдохни, козел! — сказал мальчишка, нажимая на спусковой крючок.

Я понял, что он любил своего отца, хотя тот и редко ночевал дома.

— Антуан-Себастьен! — закричала Алина, появляясь в коридоре. — Ирина Петровна! Что все это значит?

Я взял у мальчишки пистолет, загнал в него обойму, сунул в кобуру.

— Это значит, что у тебя отличный сын, Алина, — сказал я. — Настоящий мужик. Но ему нужны друзья, купи крысенка.

— Ты мне все уши прожужжал про крыс... — Алина запнулась, не решаясь сказать, когда это было. — Ирина Петровна, возьмите ребенка! Андрей, а ты!.. Как можно давать оружие?

— Мне отец давал в детстве, у него именной есть, и ничего плохого из этого не вышло, — сказал я.

Алина внимательно посмотрела на меня, и я понял, что она хотела сказать. «Хорошего тоже», в смысле — не вышло. Но не сказала. На прощанье я еще раз пожал руку Антуану, как настоящему мужику. А ведь раньше я думал, что он избалованный ребенок с глупым именем. Ошибался, выходит.

На кухне меня ждали чашка овсяной каши (так ненавидимой Сырником), правда — с малиной, и

чашка горячего кофе. Марьяна уже позавтракала и теперь с напряжением смотрела на меня. На Алину она тоже смотрела с некоторым напряжением, оно и понятно — смущал полупрозрачный халатик и отсутствие лифчика под ним. Сама бы, наверное, была не прочь показаться в таком наряде, но — в своей квартире. Да только и наряды, и своя кухня были далеко отсюда, вот и приходилось сидеть в джинсах и свитере и терпеть нахальные розовые соски другой женщины, проглядывающие сквозь легкую ткань.

Не хотелось при Алине говорить о делах, но хозяйка и не думала оставлять нас одних.

— Ты что-нибудь придумал, Андрей? — спросила Марьяна.

Она догадывалась, что Алина не случайно одета так вызывающе, что Андрей думал этой ночью совсем не о ней. Хорош я был как сыщик, да?

— Для начала встретимся с твоим мужем, я ему все объясню.

— Но он...

— Он поймет. И он хорошо знает структуру... фирмы. Не будем говорить, как она называется.

— Меня боитесь? — спросила Алина.

— Не хочу впутывать тебя в это дело. Вася сказал, что одну копию они потеряли. Твой Роман

хорошо знаком с семьей, может подсказать, у кого она может быть.

— Григорий Ильич тоже знает... — сказала Марьяна.

И была права. Но что-то же надо делать? Вася тоже многое знал, не все успел я выяснить, да где ж теперь искать его? Муж — вот главный источник информации. Необходимо с ним наладить контакт. И, пока Ярмонов гоняется за мной, использовать его познания.

— У меня тоже есть служба безопасности, — сказала Алина. — Может, я могу чем-то помочь?

Все-таки она была симпатичной женщиной не только внешне. Но очень наивной. Нефтяная компания — это головка бизнеса. Под ней десятки других компаний — покупка, переработка, бензин, транспортировка, и у каждой — своя служба безопасности. Если у головки возникают проблемы из-за какого-то сыщика — они возникают у десятка компаний, которые мобилизуют своих бойцов для решения проблемы.

— Спасибо, Алина, ты и так много сделала для нас, — сказал я. — Спасибо за кофе и кашу, все было очень вкусно. И вообще, замечательно.

— Андрей, возвращайся... — сказала Алина. — Если тебе нельзя появляться дома — приезжай

без звонка, я предупрежу охрану. Я же твоя должница. И Антуану ты нравишься.

— Спасибо вам, Алина, — сказала Марьяна.

— Можете вместе приезжать, — тихо сказала Алина.

У меня в кармане зазвонил мобильник. Я подумал, что это может быть Настя, достал трубку и отошел к двери. Обе женщины внимательно смотрели на меня.

— Да, Корнилов.

— Управился со своими бабами, Корнилов? — послышался в трубке густой бас Сырника.

— Олег? Как тебе на даче? Погода вроде бы ничего.

— Какая, на хрен, погода? Звонил тебе вечером домой — никто не берет трубку, звонил в офис — тоже никого. Ну, я понял, что ты с бабой, не стал звонить на мобильник. Но теперь-то все нормально? Она ушла? Или у тебя проблемы?

— Есть немного, но тебя они не касаются.

— А я чувствовал, понял, да? Чувствовал! Не хочешь гонораром делиться?

— Могу. Четыре с половиной грамма — твои.

— Понял. Часам к двум буду дома, подъезжай, разберемся.

— Ты уверен, что тебе это нужно?

— А ты уверен, что Олег Сырников может спокойно сидеть на даче и слушать пение долбаных птичек? В то время как...

— Космические корабли бороздят просторы Большого театра. Спасибо, Олег. Через три часа перезвони, решим, где встретиться. Только вот еще что. Дело серьезное, так что пусть твои еще недельку-другую посидят на даче.

— Не учи отца... — сказал Сырник.

— Это мой напарник, — объяснил я женщинам, пряча мобильник в карман куртки.

— Он поможет нам? — спросила Марьяна.

— Так ты приедешь? — спросила Алина.

Похоже, она решала для себя, стоит ли поцеловать меня на прощанье или нет. Воздержалась, и правильно сделала. Только сказала:

— Хоть позвони, что там у вас...

Мы решили оставить «Шкоду» Марьяны в резервации, какой смысл ездить по Москве на двух известных нашим врагам машинах? Оно и неудобно, и более опасно. Роман Артемов в это время должен был находиться дома, готовиться к отъезду в офис.

У ворот КПП дежурил другой охранник, но, открывая ворота, он приветливо помахал мне рукой и улыбнулся. Помнил! Вот я уже почти что

свой тут... Марьяна сидела рядом со мной, нервно комкая в руках носовой платок.

— Да не переживай ты, все будет нормально, — сказал я, когда мы выехали за ворота элитного жилого комплекса. — Я ему подробно объясню.

— Что?! — вскрикнула Марьяна, будто я неожиданно ущипнул ее. — Что ты объяснишь? Как меня насиловали, да?!

Я понял, что сперва нужно было все объяснять ей. С самого начала.

— Слушай внимательно и не перебивай. Я понимаю, как это больно, мерзко и стыдно. Тем более обсуждать подобные вещи с незнакомым мужчиной. Так вот, скажу тебе честно, как на духу, — тебе стыдиться нечего. Ты красивая, умная женщина, а он — старый мозгляк. Ты не виновата, можешь представить, что напали в подворотне и ранили. В больнице тоже раздевают перед операцией, и никто особо не стесняется. Считай меня врачом.

— Зачем ты взялся за это...

— Я не знал, кто она такая, Лилия Георгиевна. Пришла старушка, сказала, что старик изменяет, достал уже, попросила помочь. Иногда я помогаю обиженным супругам. Но если б знал, что это супруга Ярмонова, — никогда бы...

— Она что, не представилась?

— Нет. И никакого договора — я делаю работу и получаю деньги. Вот и сделал... Черт, знать бы, где эта копия, найти ее, можно и поторговаться было б.

— Андрей, все-таки... Ты не знаешь Романа. Он же... страшно ревнивый, порой становится просто невменяем. Нет, я не могу. Он такое может устроить... нет. Поехали сперва на Дмитровское шоссе...

— А что там?

— Веня Барабулин, он лучший друг Романа, финансовый директор фирмы, сможет... ну, как бы это сказать?

— Сгладить удар?

— Да. Веня может влиять на Романа, они вместе работали в «Ярнефти». Сейчас я просто не могу, Андрей, понимаешь — не могу ему сказать! Он же звонил всю ночь, ну, ту самую, звонил из Крыма... получается — прав был, что подозревал меня? Беспокоился?

— Марьяна, тебе грозит опасность! Какие, к черту, экивоки? Да как он может злиться, если тебе грозит смертельная опасность? Он же не совсем идиот. Ему что, лучше станет, если тебя убьют?

— Может, и лучше... — одними губами произ-

несла Марьяна. — Тогда он простит меня...

Что тут можно было возразить? Но я все-таки попробовал.

— Да он же, Веня твой, наверное, уже сидит в офисе. И какой толк от нашей поездки?

— Веня «сова», он работает ночью, в офис приезжает часам к трем-четырем. Ты понимаешь, он — друг Романа, финансовый директор, ему позволено больше, чем другим!

После этой тирады у меня не было возражений.

— Ну ладно, если этот Веня и вправду поможет, поехали к нему. Ты представляешь, сколько времени мы потеряем?

— Это неважно. Веня позвонит Роману, и он приедет. Веня знает, что сказать, он убедит Романа... Извини, Андрей, но тебе Роман не поверит. А если узнает, что мы ночевали в одной квартире, то вообще...

Я потихоньку начинал ненавидеть чересчур ревнивого Романа, но что поделаешь? Иного плана, как непременный разговор с Романом у меня не было. А если путь к нему лежит через финансового директора Веню, поедем. Время есть, может, в процессе общения с новым человеком возникнут иные пути решения проблемы. И я по-

гнал свою «Ауди» в сторону Дмитровского шоссе.

Хотелось позвонить Насте на мобильник, как она там? Наверное, думает обо мне. Может быть, звонила... Как ни странно, номер своего мобильника я ей не дал. Беспокоится, станет расспрашивать... О нет, лучше позвоню позже, когда здесь хоть что-то прояснится и рядом со мной никого не будет. Ну, разве что Сырник.

— Марьяна, хватит комплексовать, лучше помогай мне, — сказал я.

— Как?

— Смотри в зеркало заднего вида, если заметишь машину, которая очень упорно держится за нами, скажи.

— А как это — упорно?

— Если заметишь — поймешь.

Марьяна согласно кивнула и уставилась в зеркало заднего вида.

Глава 11

Веня жил в большом восьмиэтажном доме. Мне он изначально не нравился (Веня, а не дом), потому что пользы от него я не видел, время объяснения с Артемовым отодвигалось. А оно будет не из легких, судя по рассказам Марьяны. Черт! Мне еще и об этом нужно думать?!

— Ну и где он живет, твой Веня? — спросил я, выходя из машины в мрачном и сильно загаженном дворе.

Марьяна не спешила выходить, сидела в «Ауди» и смотрела сквозь лобовое стекло. Нуда, в присутствии мужчины такая женщина не может себе позволить открыть дверцу машины! Пришлось самому это сделать и руку даме подать. Я вообще-то не против такого, но всему свое время.

— Вот в этом подъезде, четвертый этаж, — сказала Марьяна.

— Ты была у него?

— Конечно, не раз. То есть вместе с Ромой, дни рождения, какие-то праздники вместе отмечали.

— Марьяна! Меня не интересует твоя личная жизнь! Если была здесь — хорошо, мне проще.

Подъезд был ненамного чище, чем двор.

— Пойдем вверх по лестнице, — сказал я.

— А почему не на лифте?

— Потому что его могут остановить, или сам сломается, застрянем... И вообще, ездить в лифте с незнакомыми мужчинами не рекомендуется.

— Об этом ты беседовал с Алиной ночью?

Почему-то вспомнилась собака на сене.

— Ну ладно, хочешь — поднимайся на лифте, — сказал я и пошел вверх по лестнице.

Марьяна заторопилась следом. На четвертом этаже она уверенно подошла к двери, обитой черным кожзаменителем. Дверь, конечно же, была стальная, но видеоглазка я не заметил. Обычная желтая кнопка обычного звонка.

— Слишком все просто для богатого человека, — сказал я. — Он не боится грабителей?

— С чего ты взял, что он богатый? Дела у Ромы идут неважно, а в «Ярнефти» Веня был обычным бухгалтером. Не бедный, конечно, но... — Она уверенно нажала кнопку звонка.

Мелодичная трель звучала не умолкая, а за дверью по-прежнему было тихо. И мне это уже не нравилось.

— Веня! Хватит спать! — сказала Марьяна и в сердцах стукнула дверь ногой.

Дверь приоткрылась. Марьяна изумленно по-

смотрела на меня.

— Не двигайся! — приказал я.

Достал носовой платок, протер кнопку звонка, потом сунул пистолет за пояс, локтем толкнул дверь сильнее, распахнул ее и вошел в квартиру.

Сцена банальная даже для отечественных сериалов, но именно так оно и бывает. Потому что в дорогих стальных дверях обычно не ставят замки с защелками. А то выйдет человек за почтой или мусор вынести, дверь случайно захлопнется — потом немало нервов, и сил, и денег придется потратить, чтобы войти в квартиру. А испорченную дверь, скорее всего, придется заменить. Кому такая перспектива по душе? Никому. Вот и получается, что если в квартире побывал незваный гость, дверь остается незапертой. Вы можете себе представить убийцу или грабителя, который торчит у двери чужой квартиры, запирая ее? Бывают и такие, но, в основном, люди стараются как можно скорее уйти от места преступления. И двери, уходя, не запирают.

Марьяна на цыпочках вошла следом за мной, положила руки мне на плечи.

— Андрей... — испуганно прошептала она.

— Стой здесь, — приказал я.

Квартира, похоже, была двухкомнатная, явно

холостяцкая, оттого казалась ненамного уютнее и чище подъезда. Я обернулся к Марьяне, она молча указала пальцем на дверь. Я подошел к ней, распахнул локтем. Сразу вспомнились слова из песни великого Владимира Семеновича: «Осталось только материться...» Иными словами мое состояние не выразишь. Но материться было нельзя — за спиной стояла дама.

Веня Барабулин лежал на велюровом диване — правая рука свесилась вниз, правая нога упиралась в пол. Голова откинута назад, глаза раскрыты. Можно было не щупать пульс — Веня был мертв. Его тело давно остыло. Рядом с диваном на журнальном столике лежал шприц.

— А-а-а... — послышался сзади сдавленный стон.

Я обернулся, ладонью зажал Марьяне рот.

— Тихо! Он мертв, и, вероятно, не по своей воле. Хотя... наркотиками баловался?

— Трав-в-вку ку-у-урил... — простонала Марьяна сквозь мои пальцы, я немного ослабил их.

— Это не травка, а, судя по всему, героин. Передозировка.

Она согласно закивала, шмурыгая носом, по щекам потекли слезы. Я бегло оглядел комнату — диван, стол, гардероб, кресла, аудио- и видео-

аппаратура на месте. Никаких следов обыска, грабежа. Но чего-то здесь не хватало.

— У него был компьютер? Если он работал в основном дома, не на счетах же подсчитывал прибыль и убытки? Должен быть компьютер. Может, он в другой комнате?

— Всегда стоял на столе... ноутбук...

Я сбегал в другую комнату — там была та же мебель, но вместо стола — широкая кровать, то есть комната служила спальней, и в ней тоже не было видно следов обыска. Я вернулся в кабинет-гостиную. Марьяна стояла, прислонившись плечом к стене, и готова была потерять сознание. Я снова огляделся. Да, компьютер. Если человек работал дома, он работал на компьютере, общался с офисом через компьютер. Ну и где этот чертов ноутбук? Не прятал же его хозяин в гардеробе!

— Марьяна, он мог засунуть его куда-нибудь? В гардероб, ящик стола?

— Зачем?.. Всегда стоял на столе.

— А когда приходили гости и стол накрывали?

— На кухне...

Теперь на столе была только лампа и какие-то безделушки. Компьютер исчез, искать его было бесполезно. Вспомнились слова Васи, что после убийства Лилии Георгиевны милиция приехала

очень быстро. Сюда тоже могут приехать быстро. Я обнял Марьяну за плечи.

— Пошли отсюда.

— Мы... мы оставим его так?

— Да. Ему уже ничем не поможешь, пошли. Постарайся держаться уверенно, на нас могут смотреть. Пожалуйста, Марьяна, возьми себя в руки.

— Тебе хорошо говорить... — всхлипнула она.

Мы вышли из квартиры, я осторожно прикрыл стальную дверь и вызвал лифт. Марьяна могла и не дойти до первого этажа по лестнице. В грязном, исписанном похабными изречениями лифте я вытер ее слезы своим носовым платком, ободряюще похлопал по плечу.

— Терпи, Марьяна.

Я крепко держал ее под руку, когда выходили из подъезда, открыл дверцу машины, усадил девушку на переднее сиденье. Это была не галантность, а необходимость. Милицейские сирены еще не выли поблизости, и мы без проблем выехали на Дмитровское шоссе. Марьяна громко рыдала, закрыв лицо ладонями, я не пытался ее утешить.

— Почему, почему убили Веню? — причитала она.

Я тоже думал об этом, нисколько не сомневаясь

в том, что Барабулина действительно убили. Ничего не взяли, только компьютер. Какие тайны мог хранить компьютер финансового директора? Многие, но какое отношение они имели к нашему делу?

Имели. Компьютер — дорогая игрушка, его мог взять себе киллер, но это вряд ли. Финансовое тайны Артемова нужны Ярмонову, чтобы держать рекламщика «на крючке». Нет такой фирмы, которая бы честно работала по российским законам, а если и есть — законы позволяют и ее «прищучить» в случае необходимости. Но компьютер — не цель Ярмонова. Его люди искали у Барабулина Марьяну, не нашли и взяли компьютер. А Веню убрали потому, что он знал друзей Артемова, мог позвонить ему. Так? Похоже, что так.

Значит, Марьяну искали и у меня. Но там — темные окна и никакой видимости присутствия. Могли ворваться в квартиру. Могли... И устроить там... Могли. Но чтобы убедиться в этом, я должен был вернуться домой, а возвращаться пока нельзя...

На Бутырской, не доезжая до Савеловского вокзала, я остановил машину.

— Марьяна, ехать в офис твоего Романа опасно.

Позвони ему, встретимся где-то на дороге. Скажем, у Пушкинской площади через полчаса, — я протянул ей свой мобильник. — Но о том, что мы были у Вени, — ни слова. Ты успокоилась?

Она все еще всхлипывала. Посмотрела на меня большими голубыми глазами.

— Почему Веня, Андрей?

— Искали тебя, но не нашли.

— Какой ужас...

— Прорвемся. Ты, главное, держись. Ну давай, звони. И помни — ровно через полчаса, напротив «Лейкома».

— А если он занят?

— Не задавай глупых вопросов. Мой телефон может прослушиваться. Хочешь, чтоб нас там поджидала бригада киллеров? Это не нужно никому.

— А если он не захочет встречаться со мной?

— Пошли его подальше!

Марьяна набрала номер, напряглась, слушая длинные гудки.

— Але, Рома? Это я... У подруги. Не ори на меня! Дозвониться не можешь? Понятно... Рома, нам нужно встретиться, срочно. Через полчаса напротив «Лейкома», белая «Ауди». Чья, чья! Подруги. Через полчаса, это очень важно!..

Я протянул руку, отключил мобильник.

— Что ты себе позволяешь? — возмутилась Марьяна. — Я со своим мужем разговариваю!

— Он не может дозвониться Вене?

— А тебе какое дело?

— Никакого, — сказал я. — Остальное муж узнает при встрече. Меньше волноваться будет, приедет вовремя. До Пушкинской минут за десять доберемся, это максимум. Значит, у нас еще двадцать минут. Можешь привести себя в порядок, чтобы не напугать мужа.

— Какой ты грамотный, слушай! Достал уже своими дурацкими советами!

Похоже, Марьяна полностью пришла в себя после шока в квартире Барабулина. Она отодвинулась к правой дверце машины, демонстративно отвернулась от меня, достала из сумочки компакт-пудру, губную помаду, тушь для ресниц и даже баллончик с лаком для волос, разложила все это хозяйство на коленях и принялась наводить «марафет».

А я пытался понять, у кого могут быть диск или флешка с компроматом на Ярмонова. Кроме Васи никто не мог подсказать мне, он ведь знал подруг Лилии Георгиевны. Но Васи не было, не стреляли ведь...

Марьяна заметила мужа, едва мы остановились. Он стоял у своего джипа и смотрел в сторону Пушкинской площади, видимо, ждал ее оттуда.

— Рома! — крикнула Марьяна, махая рукой в открытое окно «Ауди». — Это я, Рома!

Артемов медленно подошел к машине, наклонился, разглядывая меня. Распахнутую супругой заднюю дверцу он демонстративно не замечал с минуту, как, впрочем, и саму супругу. Потом с мрачным видом плюхнулся на заднее сиденье.

— Это и есть твоя подруга?

— Нет, Рома, это Андрей Корнилов, он сыщик, понимаешь... Я тебе сейчас все объясню, — торопливо говорила Марьяна.

Она волновалась, более того — боялась мужа, оно и неудивительно, если он чересчур ревнивый. Реальный Артемов не нравился мне еще больше, чем виртуальный, наверное, из-за длинных усов, свисающих к подбородку. Такие усы делают лицо мужчины угрюмым и злым, хотя некоторым женщинам это нравится. Ну а если принять во внимание настроение Артемова и то, каким взглядом он смотрел на меня, — какая уж там симпатия! Но и конфликтовать нельзя, он ведь мне нужен.

— Ты у него ночевала? — спросил Артемов.

— Нет, что ты, Рома. Сейчас все расскажу... Только ты, пожалуйста, не волнуйся, я не виновата, что так получилось.

— Кончай темнить, Марьяна! Ты и так достала меня своими тайными проблемами! Без тебя их хватает! Я с утра не могу Вене дозвониться.

— И про Веню скажу, только ты не волнуйся, пожалуйста, — жалобно произнесла Марьяна.

— Ты была у Барабулина? — удивился Артемов.

— Понимаешь, когда ты был в Крыму, ну, когда у нас была вечеринка по случаю юбилея, ты звонил мне всю ночь...

— Хватит предисловий! — заорал Артемов.

— Хорошо, хорошо... Понимаешь, меня там чем-то напоили, ну, подсыпали в шампанское, я потеряла сознание и...

— Что? — Он подался вперед, сжимая кулаки.

Мне показалось, еще немного — и схватит Марьяну за горло или ударит.

— Отвезли на дачу... — всхлипнула Марьяна.

— Кто?!

— Андрей установил аппаратуру, записал это, а теперь меня хотят уби-ить... — разрыдалась девушка.

Артемов коротко взглянул на меня и махнул

кулаком. Но я ждал этого — в самом деле, нельзя же за одно и то же признание бить человека дважды! Его кулак просвистел мимо, а мой попал в глаз, в правый. Хотя какая разница — все равно придется директору рекламной компании носить темные очки и в помещении.

— Сидеть и молчать! — рявкнул я. — Послушай, в чем проблема, а потом решай, что делать. Махать кулаками не советую, кишка тонка, понял? Я спросил — понял, нет?!

Конфликтовать не следует, а поставить на место просто необходимо. Тем более такого резвого.

— Понял, — потирая ушибленное место, сказал Артемов. — Я вспомнил, ты ведь приходил ко мне, Корнилов? Но не сказал, зачем; Теперь догадываюсь...

— Больно, Рома? — шмурыгая носом, спросила Марьяна. Протянула руку, чтобы снять боль (женщины думают, что умеют это, иногда у них получается), но Артемов отвел ее руку.

— А ты как думала? — спросил он.

Я понимал, что это не относится к ушибленному глазу. И не обижался на Артемова, в конце-концов, он имел право на такую реакцию, как и я на самозащиту. Об этом и сказал ему. Артемов не стал возражать. Марьяна плакала, пришлось

самому объяснять ситуацию, и хорошо, что так. У меня получилось проще, яснее и выгоднее для Марьяны. Она слушала, закрыв лицо ладонями, он скрипел зубами и сжимал кулаки, но не махал ими. А вот рассказ о гибели финансового директора привел его в замешательство.

— Компьютер унесли? — Гримаса ярости искривила его лицо. — Сволочи! Там же вся отчетность, там же и операции с наличкой, и фактическая прибыль...

Тоже вполне естественная реакция. Друга уже не вернуть, а вот пропажа компьютера может сулить новые неприятности.

— У кого может быть еще одна копия видеосъемки? — спросил я. — Ты был знаком с Ярмоновым, с его женой, кому Лилия Георгиевна могла передать носитель с компроматом?

— А она точно не у тебя?

— Была бы у меня — отдал бы и жил спокойно.

— Да хрен тебя знает, может, смотришь втихаря, как мою жену...

— Я и обычную порнуху не люблю, а такое второй раз и под дулом пистолета не стал бы смотреть. Это мерзость. Твоя жена не виновата, что попала в руки подонков. Неважно, в подворотне ее поджидали или на юбилейном банкете.

— Не могу поверить, что он способен на такое... А ты, дура, не могла нормально рассказать все?! Нужно было темнить все эти дни, да?!

— А ты мог бы нормально реагировать на ее рассказ? — спросил я.

— Нормально? А ты?

— Да. Не будем препираться. У кого может быть компромат? Если мы найдем копию — можем обменять на собственную безопасность.

— Я не врубаюсь, хочу, но не получается... Ярмонов?! Этот старикашка? В голове не помещается! Ты уверен, что это он? Ты точно уверен?

— Лилия Георгиевна узнала его. Копия записи...

— Какая, на хрен, копия? За такие дела отвечать надо! Да я ему, падле!..

— Что ты ему сделаешь, мало кого интересует, а вот документальное подтверждение факта насилия... Так у кого?

— Не знаю... Может, у Татьяны Ефимовны? Она живет этажом ниже, подруга, собутыльница Лилии Георгиевны... Часто вместе бухали, Ярмонов рассказывал. А больше... да откуда я знаю ее подруг? Ну, бывал в доме, так с ней почти не разговаривал. Старушка-то почти из ума выжила, поэтому Ярмонов старался не приводить гостей

в дом. Коз-зел старый! Ты-то что думаешь делать дальше, сыщик? Расплодили всяких там... придурков, теперь сами же и мучаемся...

— Нужно будет встретиться с этой Татьяной Ефимовной, — сказал я, пропустив мимо ушей «придурков». — Марьяне лучше побыть у моей знакомой, там охраняемая территория, а потом... Нужно спрятать ее.

— Я на дачу отвезу, охрану поставлю.

— И сможешь защитить, если Ярмонов всерьез решит убрать твою жену? — язвительно спросил я. — А он уже решил это.

Артемов задумался. Не мог он конкурировать с Ярмоновым, понимал это лучше меня.

— Может, к ментам обратиться?

— С чем? Есть свидетельства угроз? А компьютер твой у них, тотчас же выплывет.

— И что ты предлагаешь?

— Давай вместе думать, — сказал я. — У нас есть Татьяна Ефимовна, есть бычок по кличке Гек, которого можно взять за рога и поспрашивать. Но вначале нужно отвезти Марьяну туда, где она будет в безопасности. А потом обстоятельно поговорить. Меня многое интересует, и каждая мелочь важна.

Артемов протянул руку. Дрожащие, влажные

пальцы опустились на плечо Марьяны, нервно сжали его. На лице бизнесмена появилось то же выражение, что и после пропущенного удара. Марьяна подняла лицо, обернулась. Артемов тыльной стороной пальцев коснулся щеки девушки, стирая слезы. Но я чувствовал, что он едва сдерживает себя, неосторожного взгляда жены будет достаточно, чтобы пальцы сжались в кулак, и тогда на скуле девушки появится синяк. Марьяна обеими руками стиснула его ладонь, прижала к своей щеке.

— Рома... я никогда даже не думала ни о ком, кроме тебя, — прошептала она.

— Все, малыш, все, — сказал Артемов. — Теперь это мое дело. Забудь и никогда не вспоминай. — Он посмотрел на меня. — Ну, давай толковать о деле. Но... пусть Марьяна посидит пока в моей тачке. К чему ей лишние расстройства? Потом отвезешь к этой знакомой, я не против.

— Нельзя выпускать ее из поля зрения.

— Понял. Подгоню тачку, поставлю рядом, Марьяна будет там, а мы тут, лады?

Я согласно кивнул. Когда он вышел, Марьяна вскинула на меня заплаканные глаза и впервые за время нашего знакомства улыбнулась.

Глава 12

Всю дорогу до Серебряного бора Марьяна внимательно смотрела в зеркало заднего вида. Вряд ли в таком состоянии она могла заметить «хвост», если бы он прицепился, но хоть не спрашивала, о чем мы договорились с Романом, и то хорошо.

Я обещал ему, что ни слова не скажу Марьяне, но если бы не обещание, все равно рассказывать было нечего. Разговор вышел коротким, ибо Артемов немного пришел в себя и тут же вспомнил о гибели финансового директора и пропаже компьютера. В такой ситуации ему нужно было срочно мчаться в офис, готовиться к встрече со следователями и приводить в порядок финансовые документы, которые могли использовать против него заказчики убийства. Я не возражал, ибо прекрасно понимал мужика — сказать сотрудникам о гибели Барабулина он не мог (в том, что это убийство, я не сомневался), дать команду бухгалтерам не мог, значит, нужно было самому думать, что, как и когда менять в своей бухгалтерии. И это сейчас, после такого потрясения! Досталось бедолаге, ничего не скажешь.

Он не возражал против того, что Марьяна пока

останется у моей знакомой, но потребовал ее адрес, чтобы мог приехать и лично убедиться, все ли с ней в порядке. Адрес Алины я не сказал, она тут ни при чем, и подвергать ее и ребенка даже малейшей опасности я не имел права. Мы немного поспорили, но в конце концов Артемов, кажется, понял меня. А что ему оставалось делать? Ситуация-то пиковая.

О Лилии Георгиевне он ничего нового не сказал, вспомнил водителя Васю, племянника да соседку-собутыльницу. К соседке нужно было наведаться, но когда и как, не решили. Ведь о ее существовании наверняка знали Ярмонов и его люди, побывали там и могли устроить засаду. Идти нужно было вечером, предварительно понаблюдав за квартирой соседки. Когда я спросил о Ярмонове, Артемов побледнел и сжал кулаки. В таком состоянии говорить о старом насильнике он не мог.

Вот, собственно, и весь разговор. Мы обменялись номерами мобильников, договорились созвониться часа через два. У меня тоже дел было до черта — отвезти Марьяну, встретиться с Сырником и хотя бы немного проанализировать последние события. Что-то много их случилось, пора бы сложить звенья в цепочку и посмотреть,

что получится, да все не удавалось — то Марьяна, то Алина, то гибель Барабулина, то Артемов... Я не особо рассчитывал, что получу от него важную информацию при первой встрече, особенно после гибели Барабулина. Главное — встретились, познакомились, он знает, что случилось, и понимает, откуда исходит угроза. А там немного успокоится, поговорим более конкретно и обстоятельно.

Что касается возможного «хвоста» за нами, я сам выяснил, что его пока нет — немного поманеврировал по столице нашей родины, выбирая тихие улочки с редким движением, и убедился.

Лишь когда моя «Ауди» приблизилась к железным воротам элитного жилого комплекса, Марьяна оторвала взгляд от зеркала и, глядя сквозь лобовое стекло, спросила:

— Ты думаешь, он простил меня?

— Конечно, — сказал я. — Все у вас будет нормально, только не сразу. Придется потерпеть обоим.

На самом деле я не был уверен, что Артемов простил жену. Но это уже их личное дело, захотят — все будет нормально. Если у всех нас будет возможность чего-то хотеть в ближайшем будущем. Тут я тоже не был уверен.

Алина ждала нас, приготовила кофе и бутерброды. Разумеется, она знала о нашем приезде, и хоть и предупредила охрану, чтобы пропустили меня, если появлюсь, а все же позвонил ей.

— Извини, Алина, до вечера побеспокою тебя, хорошо? — сказал я. — А там придумаем, куда нам деть Марьяну.

— Я могу прямо сейчас уйти, чтобы никому не мешать, — обиженно сказала Марьяна. — У меня есть подруги.

Она снова впала в уныние, вспоминала убитого Барабулина. Когда поднимались в лифте, размышляла вслух о том, что на Дмитровке сейчас, наверное, воют сирены милицейских машин, в квартире Вени ходят чужие люди... Может, ходят и воют, а может, и нет — так я ей и сказал. Наверное, зря, да надоело мне утешать и обнадеживать ее. Алина же, напротив, была полна энергии и довольна тем, что мы так быстро вернулись. Видимо, скучно было сидеть дома и подсчитывать прибыль своей туристической фирмы, захотелось поучаствовать в расследовании жуткого преступления, тем более что оно ее не касалось. Но я сразу после разговора с Артемовым предупредил Марьяну, чтобы не говорила об убийстве Барабулина.

— Да что ты говоришь, Марьяна! — горячо сказала хозяйка. — Куда ты пойдешь, они же всех твоих подруг, наверное, вычислили! А у меня ты в безопасности, так что не говори глупостей. Я сама такого натерпелась — врагу не пожелаю.

Знала бы она, каких врагов нажить может, — промолчала бы. Впрочем, я в этом не уверен.

— Спасибо, Алина, — сказал я. — Только до вечера, дело серьезное, я не могу подвергать риску тебя с ребенком.

— Пока ты занимаешься этим, я спокойна.

— Доброе слово и кошке приятно. Еще раз спасибо. Можно я с кофе и бутербродом посижу где-нибудь в укромном уголке?

— Хочешь, в спальне?

Я внимательно посмотрел на нее и покачал головой.

— Нет, там я буду отвлекаться.

— Ну, тогда я провожу тебя в кабинет Валеры. Это мой покойный муж, — объяснила она Марьяне.

Кабинет был просторный, метров тридцать квадратных, и очень солидный — огромный стол красного дерева с компьютером, кожаный диван и кресла, полки с книгами и много зелени — две пальмы, фикус и до черта горшочков с

вьющимися растениями. Видимо, приходящая домработница поливала их регулярно, ибо в кабинете было чисто и зелено, ни одна лиана не завяла. Я вспомнил, что и в офисе турфирмы у Барскова тоже был очень симпатичный кабинет со многими зелеными насаждениями.

Я поставил кофе и тарелку с бутербродами на стол, поцеловал Алину (не мог обидеть заботливую хозяйку отказом), сел в кожаное кресло и попытался привести в порядок свои мысли.

Не так-то просто это было сделать. Здесь, конечно, было красиво, но мне сильно не хватало моего собственного рабочего стола в моей собственной квартире, и серого шалуна, который своими проказами отвлекает от тоскливых мыслей.

Но что же мы имеем на данный момент? Предупреждение я не понял, копию видеозаписи не вернул. Более того, встретился с Васей и, следовательно, получил какую-то информацию. Марьяна стала опасной, и ее решили убрать — нет пострадавшей, меньше проблем. Всегда можно сказать, что видеозапись сфабрикована, мало у нас таких дел было в последние годы? Вся страна видит на экране голого мужика в окружении девиц, а он говорит — это не я. Убрать... Но где? По дороге домой, а она едет в сопровождении мужа. Дома?

Сложно. А вот если они поссорятся и Марьяна решит уехать к родителям — намного проще.

Несколько тихих выстрелов из пистолета с глушителем на темной улочке, и жители окрестных домов не сразу поймут, что случилось с девушкой, почему ее машина врезалась куда-то. А когда поймут или увидят, убийцы будут уже далеко. Но нужно точно знать, что они поссорятся. Могли, конечно, и сами устроить шумную разборку, а могли и под давлением извне. Достаточно телефонного звонка и анонимного предупреждения, мол, покаты в Крыму снимал клипы, твоя жена тут занималась... достаточно, чтобы ревнивый Артемов вспылил. Был ли звонок? Необходимо выяснить у Марьяны. Далее, она уезжает и... исчезает. Куда? Адреса ее подруг и родственников имеются, но там девушки нет. Друг семьи Барабулин... Наведываются к нему. Но и там нет Марьяны, однако есть компьютер финансового директора, который поможет сделать Артемова более сговорчивым в случае чего. Барабулина убирают. Но меня нет ни дома, ни в офисе, Марьяны нет ни дома, ни в офисе, проблема не решена.

Марьяны нет в офисе — то есть знает, что с ней случилось, знает, кто это сделал. Да, не позавидуешь старику Ярмонову, страшно ему сейчас,

наверное. Мне тоже вряд ли кто станет завидовать, но черт возьми, не я же заварил эту кашу?! Хотя, может, и я... Нужно было отказать старушке, и пусть они там делают что хотят. Насилие, конечно, мерзость, но если представить, сколько боссов в одной лишь Москве насилуют своих секретарш, никаких сил не хватит их защищать. Может, не так нагло и не так грубо это бывает, но кто же скажет, что молодые красотки по доброй воле ублажают начальство в роскошных спальнях и саунах?

Но это я, пожалуй, отвлекся.

Что может предпринять Ярмонов? Купить Артемова и замять дело. Хотя вряд ли тот согласится, да и Ярмонов, судя по всему, не склонен решать проблемы миром. Ничего странного в этом нет, люди, которых назначили миллионерами и миллиардерами, нередко теряют ощущение реальности и на полном серьезе считают, что им теперь все дозволено. Это я знал, когда еще в ФСБ работал. По той же причине и со мной встречаться, договариваться не хотят. Устранить меня? Да, это реально. Но и тогда проблема не решится, я ведь и под пытками не скажу, где пропавшая копия, потому что не знаю. Она ведь может вынырнуть в любой момент. Но что там они будут

думать после устранения сыщика Корнилова, меня не интересовало. Убрать Марьяну теперь более опасно, чем вчера, но по-прежнему выгодно. Тогда Ярмонову можно трубить о переделе сфер влияния, о давлении на него со стороны (да кого угодно) — жену убили, секретаршу личную... Бедный старичок!

Васю бы найти, у меня к нему много вопросов накопилось. Да где ж его искать? Пострелять, что ли, в воздух, авось объявится? Знал бы, что все так быстро закрутится, не отпустил бы его без способа связи.

Я так и не понял, что делать дальше. Марьяну можно на время поселить... хотя бы на даче отца в Лобне. Вряд ли наши враги туда сунутся. А самому что делать? Подруга-собутыльница Лилии Георгиевны... К ней нужно заглянуть, но, честно скажу, не нравился мне этот вариант. Слишком она на виду, все знают, что к ней нужно заглянуть. И тем не менее друзьям Лилии Георгиевны она может сказать то, что не скажет другим. Не исключено, что Лилия Георгиевна предупредила подругу, что сыщику Корнилову можно доверять и даже отдать копию видеозаписи. Нужно, конечно, нужно заглянуть, но — с предельной осторожностью.

Вот и весь мой план на будущее. Я посмотрел на часы — скоро должен был позвонить Сырник. Судя по времени, он уже на подъезде. Ну, пока он едет... Я достал свой сотовый, набрал служебный номер Насти.

— Привет, это я...

— Где ты, Андрей? С тобой все в порядке?! — закричала она в трубку, едва услышала мой голос.

Знала бы, в каком порядке, — послала бы.

— Да, Настя, извини, что не мог позвонить раньше. Как ты сама?

— Я нормально, работаю. Никакие бандиты меня не достают больше, так что...

— Я рад за тебя.

— О чем ты говоришь, идиот? Скажи лучше, где ты сейчас? Мы можем встретиться?

— Нет, пока нет. Хорошо, что у тебя все нормально, буду позванивать, если ты не против.

— Андрей! Черт тебя возьми! Мне нужно увидеть тебя! Неужели нельзя хоть на пять минут встретиться?

— Как Штирлиц с женой в кафе? Мы обязательно встретимся, Настюша, какие наши годы? Ну все, пока.

Я прервал связь на крике «Андрей!..». К чему дергать нервы себе и женщине? На этом все мои

раздумья закончились. Я встал из-за стола и пошел на кухню, где, по моим расчетам, были Алина и Марьяна. Расчеты оказались верными.

— Что-то придумал? — спросила Алина.

Они пили кофе с коньяком, и, похоже, не первую чашку. Бутылка настоящего французского коньяка стояла на столе. Я бы тоже выпил, да нельзя.

— Пока еще нет. Марьяна, ты вчера поссорилась с мужем и решила уехать к родителям. Почему?

— Потому что... потому! Я тебе уже говорила. Он стал привязываться ко мне, грубить...

— Пожалуйста, конкретней, если можно. Это серьезно.

— Что конкретного ты хочешь? Услышать слова, которые он мне говорил? Я не могу их повторить.

— Вы вошли в подъезд вполне спокойно. Что случилось дальше, почему он стал говорить тебе гадости?

— Откуда я знаю?

— Ему кто-то звонил?

— Да, он говорил по телефону, а потом, как с цепи сорвался. Я такое не могу терпеть.

— Понятно...

— Что тебе понятно?

— К сожалению, совсем немного. Ну что, ува-

жаемые дамы, с вами приятно, но я должен покинуть сие прекрасное жилище. Марьяна, если Роман позвонит тебе на мобильник, ни в коем случае не говори адрес, что бы там ни было.

— Я понимаю.

— Не совсем. Мне плевать на ваши личные дела, на амбиции, но адрес Алины не должен знать никто. Это приказ.

— Ты и его подозреваешь? — спросила Алина.

— Нет, но всякое может случиться.

— Ты хочешь сказать... — начала Марьяна, но я уже не мог выносить все это.

— Я сказал. Надеюсь, ты поняла. И хватит об этом. Вечером заеду. Алина, пожалуйста, проводи ее до ворот, я там встречу, хорошо?

— Не зайдешь даже?

— Там видно будет. Спасибо тебе за все. Пока.

Глава 13

Сырник выглядел так же, как и всегда, — с виду здоровый, угрюмый, натуральный громила, но внутри добрый и сентиментальный. Немного загорел, не иначе теща заставила грядки окучивать в огороде. Хорошее дело — на солнышке, на свежем воздухе, и никаких тебе нефтепромышленников поблизости, их секретарш и всяких финдиректоров рекламных компаний… Жаль, что у меня тещи нет.

— Отдохнул? — спросил я, пожимая огромную ладонь.

— Да как тебе сказать? В принципе, все нормально, воздух там обалденный, озеро неподалеку, окуни и караси клюют неплохо с утречка. Но что-то не то, понимаешь? Москва близко, там ты вляпался в очередное дерьмо, ну как я могу торчать на даче, рыбку в озере ловить? Надо куда-нибудь подальше уехать, чтоб совсем другая жизнь была. На какие-то хреновы Канары, что ли? Народ ездит, вроде как нравится.

— Да и в Турции, говорят, неплохо, я тоже думал об отпуске, и есть с кем поехать, но… Рад бы в рай, да грехи не пускают.

— Ну, так надо как-нибудь сообразить такое дело вместе. А то у меня там одни бабы, жена, теща… — Сырник задумался, видимо, сообразил, что дочерей к бабам никак нельзя отнести, а потом добавил: — Ну и девчонки. Не с кем нормально посидеть, поговорить по-мужски. С девчонками играть нужно, жене постоянно что-то подай, принеси, нарви. Ну и теще… Короче, не то.

— Позвонил бы мне, поговорили б.

— С тобой разве поговоришь? Нет, я Борисенка вспоминал, вот с кем и на даче было бы клево. И девчонки радовались бы.

— Ну так завел бы себе… — сказал я и тут же пожалел о сказанном.

Сырник засопел, нахмурился, пробурчал:

— Давай лучше о деле.

Последний раз он говорил с женой о крысенке незадолго до отбытия на дачу, но жена в очередной раз категорично заявила — только попробуй, вылетишь вместе с крысой. Она у него упрямая и очень решительная женщина.

Я рассказал о событиях последних дней, Сырник слушал внимательно, злобно щурясь и скрипя зубами. Отец двух дочерей, он готов был уничтожать насильников на месте без суда и следствия (однажды, кстати, так и сделал). Оно, конечно,

неправильно, но понять человека можно.

— Слышь, Андрюха, а может, вернемся в офис или к тебе домой, подождем, что скажут. Им без мазы тебя кончать просто так, надо ж потолковать. Ну вот и потолкуем.

— Со старушкой могли бы потолковать, да не стали. С Марьяной тоже. Барабулин вообще ни при чем тут, — сказал я. — А кончили без разговоров. Это нефтяная компания, Олег, там профессионалы похлеще нас работают, из ГРУ да наши из ТГУ[1].

— Оно понятно, да жить все равно охота, кто бы там ни был. А что Басинский? ФСБ нам поможет?

— Нет. Это грязное дело, Гену в него впутывать нельзя, ему еще служить, как медному котелку. Никто не поможет, Олег, да и ты...

— Про себя я сам знаю, так что заткнись. Знаешь, что меня настораживает? Если они там суперпрофессионалы, почему до сих пор не выследили тебя?

— Я же не дома ночевал, у Алины.

— Так это ты у нас профессионал... по части секса, оказывается! Ну и как Алина? Стерва она, как я помню, но баба ничего, сексапильная.

---

[1] Примечания: 1

Третье Главное Управление, военная контрразведка.

— Гостеприимная женщина.

— Да? Ну, тогда ладно. И чего делать будем?

— Думаю... Марьяну, возможно, отвезу на дачу к отцу, в Лобню. Там ее вряд ли станут искать. Но на всякий случай тебя оставлю с ней и кого-то из охраны Артемова. Доверием Алины не следует злоупотреблять.

— Это правильно, только на хрена мне там еще кто-то? Сам справлюсь, если что.

— Ладно, видно будет. Неизвестно еще, как Артемов к этому отнесется.

— Слушай, а этот Вася... ты веришь ему?

— Пока — да. Но все равно нужно поехать к дому Ярмонова, поговорить с людьми. Я ведь толком не знаю, что там произошло. Возможно, и ограбление... Да и с подругой Татьяной Ефимовной хорошо бы встретиться. Я хотел съездить на дачу, выяснить, с кем и когда Ярмонов вернулся вечером после банкета, но...

— Без толку. Про него никто ничего не знает, а вот тебя вспомнят — был там со старушкой, — сказал Сырник.

— Тебе дача на пользу идет, — похвалил я Сырника. — Правильно рассуждаешь. Действительно, в поселке нам делать нечего, а вот у дома побывать нужно обязательно.

— Ну и куда мы сейчас?

— Поедем пообедаем, надоели мне бутерброды.

— Так, может, ко мне? Мне тут всяких припасов насовали, луку, петрушки всякой, редиска уже есть под пленкой, у меня теща хозяйственная баба.

— Нет, для такой закуски бутылка нужна, а сейчас нельзя. Я придумал вот что. Поедем к отцу. Может, и покормят, да и машину свою оставлю на стоянке у его офиса. Она слишком заметная. И про дачу поговорим.

— Ну, поехали, — согласился Сырник.

От Шмитовского проезда до Кутузовского не так уж долго ехать, а там и до Арбата близко, где в Глинском переулке располагался офис строительной фирмы моего отца. По правде сказать, я бы с куда большим удовольствием поехал обедать в «Санта-Росу», уж больно вкусное мясо там подают, но не с Сырником же туда ехать! Он друг настоящий, об этом и говорить нечего, но «Санта-Роса» — это праздник для двоих, понятно, кто второй, вернее, вторая, да?

Из машины я позвонил отцу, он сказал, что сейчас занят, нас проводят в столовую, накормят, а потом поговорим. Строительная фирма отца — одна из крупнейших в Москве, он почти олигарх,

так что ж удивительного, что занят? Правда, почему-то хотелось, чтобы он все бросил и встретил меня, если не у входа, то хотя бы в своем кабинете, кто знает, может, и не увидимся больше?

В холле бело-голубого здания нас ждал не отец, а симпатичная девушка в белом передничке. Ну, тоже приятно.

— Добрый день, Андрей Владимирович, меня зовут Валя, — с приветливой улыбкой сказала она. — Пойдемте, провожу вас в столовую. Владимир Васильевич велел накормить вас как следует.

В другое время я бы непременно взял телефон у девчонки, но сейчас у меня и так был перебор с дамами, и я лишь холодно кивнул. А вот Сырник тут же принялся рассказывать, как они с Владимиром Васильевичем выпивали и обнимались, и вообще, можно сказать, друзья. При этом он распахнул куртку, чтобы девушка могла видеть подплечную кобуру с пистолетом (за многократную помощь ФСБ выхлопотало нам разрешение носить оружие и вне дома). Девушка Валя оказалась понятливой, раз сын босса хмур и неразговорчив, отчего ж не познакомиться с его другом, который к тому же друг самого Владимира Васильевича?

Она усадила нас за стол в пустой столовой (обеденный перерыв сотрудников давно закончился), принесла салат «Столичный» с курицей, суп харчо и лангеты с жареной картошкой. Все горячее, свежее и вкусное.

— Садись с нами, Валентина, — сказал Сырник, по-хозяйски хлопнув громадной ладонью по свободному стулу.

— Ой, нет, Олег, мне нельзя.

— Ну, хоть просто так посиди. Кофе себе сделай, поговорим. А то, понимаешь, с этим Корниловым надоело говорить. Он ужасно скучный тип. Давай!

Похоже, Сырник перепутал меня со своей тещей, но я не возражал. Даже напротив, подыграл ему, старался выглядеть действительно скучным. Это оказалось несложно, ибо я таковым и был на самом деле.

Отец размашистым шагом вошел в столовую, когда мы доедали второе. Подошел к нашему столу, пожал руки, с размаху опустился на свободный стул. Валя тут же вскочила на ноги.

— Ну что, добры молодцы? Как тут кормят? Я понимаю, Андрею нужна черная, понимаешь, икра, ложками...

— Какая икра может сравниться с такой вкусня-

тиной? — сказал Сырник, сурово глядя на нахала, то есть на меня. — Владимир Васильевич, все ну просто супер!

— Молодцом, Олег. Нужна добавка — не стесняйся, скажи. Валюша, такому орлу одной порции маловато будет, а?

— Я принесу...

— Нет, спасибо, Владимир Васильевич, — замахал руками Сырник. — Все так вкусно, что я сыт.

— Иди, Валя, — сказал отец и повернулся ко мне. — Ну, с чем пожаловал, сын? Накормить мне вас не проблема, так ведь не за этим пожаловали, а?

Сырник с вожделением смотрел вслед уходящей Вале. Попка у нее была очень даже ничего.

— Действительно, все вкусно, пап, — сказал я. — Просто хотел оставить на какое-то время свою машину у твоего офиса. Он ведь под круглосуточной охраной, верно?

— Верно.

— Ну вот и присмотрят за машиной. А еще — не возражаешь, если я пару дней, вернее, ночей, погощу на даче?

— Машину прячешь — заметная, следовательно, домой вернуться не можешь, — медленно сказал отец. — Сам хочешь на даче спрятаться. От

кого? Что с тобой опять стряслось?

Отец у меня профессиональный строитель, но в последнее время и навыками следователя овладел неплохо, благодаря мне.

— Да ничего особенного. Так не возражаешь?

— Нет. Ключи от дачи у тебя все есть, машина пусть постоит. А сам рассказывай.

— Ничего интересного, пап. Мы от кого-то бегаем, от нас кто-то бегает, нормальные дела. Кстати, а кто такой Григорий Ярмонов?

— Гриша? Почему ты спрашиваешь?

— Для общего развития.

— Интересно… Хороший мужик, солидный бизнесмен... Похож на тебя, в том смысле, что ни одной юбки не пропустит, — отец испытующе посмотрел на меня. — Ну, выкладывай. Я знаю, у него на днях жену убили, говорят, водитель убил, с целью ограбления.

— Я слышал, но не имею к этому отношения. Тут проблема с бензоколонками возникла, вот и спросил.

Отец понимающе усмехнулся, тяжело вздохнул.

— Знаю, не скажешь. Но мой тебе совет, сын: с Гришей лучше не связываться. Он, конечно, не отморозок, но и обиды не прощает. Может,

поговорить с ним?

— Зачем? — как можно беспечнее сказал я. — Он меня не знает, я с ним связываться не собираюсь. Мама нормально себя чувствует?

— А ты бы звонил почаще!

— Извини, все дела... Ну ладно, спасибо за все. Если что, я тебе звякну.

Отец попытался выяснить суть дела у Сырника, но тот, конечно, ничего не сказал, все на меня кивал. Это разозлило почти что олигарха, он обозвал нас дураками и ушел. Но это, как я понимал, не отменяло прежние договоренности, и можно было уходить из гостеприимного офиса с сознанием выполненного долга. Что я и сделал. А Сырник задержался, ему ж нужно было взять телефон у улыбчивой Валюши.

— Не понимаю, — сказал он, заводя свою дряхлую «копейку». — Если человек бабник-профессионал, у него куча денег, на хрен ему одурманивать и насиловать секретаршу? Да он и так может иметь их сколько хочешь и каких хочешь.

— Была причина, — сказал я. — Артемов.

— И все равно странно. Владимир Васильевич о нем хорошо отозвался, а ты сидел, как мудак, и меня в идиотское положение поставил!

Сырник боготворил моего отца и гордился знакомством с ним. Теперь ему казалось, что отец обиделся на него за молчание, но я так не думал и не стал успокаивать напарника.

— Можешь бросить меня и идти к нему в службу охраны, — сказал я. — Возьмет, как и обещал, я гарантирую.

— Да пошел ты! — заорал Сырник и нажал на газ.

Ржавая жестяная коробка, пропахшая потом и бензином, резво выскочила в арбатский переулок. Придется поездить в ней, моя «Ауди» осталась на охраняемой стоянке с тыльной стороны бело-голубого офиса. Да мне не привыкать к дребезжащей «копейке».

В половине шестого вечера мы встретились с Артемовым на Ломоносовском проспекте, неподалеку от дома Ярмонова. К этому времени соседи Барабулина обнаружили открытую дверь квартиры финансового директора, вызвали милицию, следователи выяснили, что погибший был финансовым директором рекламной фирмы Артемова и приехали к нему с вопросами. Уехали недавно, а он сразу отправился на Ломоносовский проспект, где мы с Сырником ждали его прибытия в машине у огромного десятиэтажного дома.

О следователях я знал из телефонного разговора с хозяином рекламной компании.

Артемов с неудовольствием забрался на заднее сиденье «копейки», рядом с ним сел коренастый длинноволосый парень с округлым лицом и большими серыми глазами навыкате. Наверное, телохранитель, и мне он не понравился, видимо, потому, что на такой «тыкве» более уместной казалась короткая стрижка. А может, по причине излишней молчаливости — по крайней мере, мог бы представиться и поздороваться, нам вместе работать. Артемову тоже не понравился мой напарник. Он с опаской посмотрел на Сырника, потом на меня.

— У тебя лучшей машины не было?

— Не было. Познакомься, это Олег, мой напарник. И передай чучелу, что рядом с тобой сидит, у нас принято здороваться и представляться. А если человек не хочет — пошел на хрен отсюда. Вопросы есть?

Слишком долго ждал я Артемова, потому и не сдержался. А с другой стороны, чем быстрее поставлю на место чересчур уверенных в себе коллег, тем проще будет работать. Артемов машинально отстранился, помнил наш утренний разговор.

— Это Влад, мой... помощник. Как Марьяна, в порядке?

— Марьяна в полной безопасности. Потом расскажу, какие у меня идеи на ее счет появились. А сейчас надо думать, как нам с Татьяной Ефимовной повидаться.

— Я знаю этот район неплохо. Давай вот за этот дом, дворами выедем во двор, встанем за кустами, посмотрим, а там решим.

В сообразительности ему трудно было отказать. И мы поехали, повинуясь указаниям Артемова. Выглядел он немного лучше, чем утром, но все же казался уставшим. Оно и понятно, столько проблем свалилось на мужика.

— Вот за этими кустами остановись, — приказал он Сырнику. — Там дальше подъезд, который нам нужен. Окна квартиры Татьяны Ефимовны, насколько я помню, выходят во двор. Пятый этаж, я попробую определить, где они.

Сырник презрительно хмыкнул, но послушался, остановил машину в указанном месте. Артемов выискивал глазами окно квартиры Татьяны Ефимовны, а меня больше интересовала ситуация у подъезда. Сквозь ветки сирени я видел небольшую толпу зевак и машину «скорой». Неужто самому Ярмонову стало плохо? Или кому-то

еще?.. Вскоре и Артемов заметил, что у подъезда многовато народу скопилось.

— Что-то стряслось... — сказал он, уставившись на меня, будто я мог объяснить, в чем там дело.

— Вижу, — сказал я, чувствуя холодок между лопатками.

Неужто Татьяна Ефимовна? Ну, это уж слишком!

— Что делать будем? — спросил Сырник.

— Придется тебе идти, Олег, — сказал я. — Прояснять ситуацию. Меня могут узнать, Романа тоже. А вот этого... Влада...

— Ярмонов не знает его, — пояснил Артемов.

— Тогда бери в помощь Влада, и вперед.

— Может, я без него лучше? — засомневался Сырник.

— Будет работать не по правилам — прибьешь на обратном пути и бросишь в кустах, — сказал я. — Иди, прикрою.

Я демонстративно достал пистолет, проверил обойму. Знал, что она полна, патроны не высыпаются от тряски, но хотел еще раз показать чересчур грамотным коллегам, «кто в доме хозяин». Провались он, этот «дом»!

— Да ладно, мужики, извините, если что. Я понимаю, что к чему, не облажаюсь.

Подействовало. А голос у парня был очень тонким, ему бы песни петь, «косить» под Преснякова-младшего, глядишь, чего-то и достиг бы. Влад и Сырник выбрались из машины и неторопливо пошли по асфальтовой дорожке вдоль дома к подъезду.

— Думаешь, Татьяна Ефимовна? — спросил Артемов. — И ее тоже грохнули?

Я уже не сомневался, что так оно и было. Одно меня тревожило — почему именно сегодня? Лилия Георгиевна погибла три дня назад. Два дня назад напали на меня, вчера — на Марьяну. Пытались напасть. Про подружку-собутыльницу знали давно, могли бы сразу спросить ее насчет копии. Почему сегодня? Если хотели убить — сделали бы это намного раньше.

Но был один шанс из тысячи, что не за ней приехала «скорая», хотя народ у подъезда так просто не собирается. И была вероятность, что Татьяна Ефимовна могла отсутствовать эти дни. На даче, в гостях, да мало ли... Сегодня вернулась и... Но что-то не верилось в это.

— Не знаю, — сказал я. — Но все это не нравится мне.

— А мне нравится?

— Ладно, подождем, что скажут наши друзья.

А пока... я хочу спрятать Марьяну на даче моего отца. У него дача в Лобне, возле Лобни, там охраняемый поселок, да и дом солидный. С ментами в Лобне у отца хорошие отношения, он все-таки — Владимир Корнилов.

— Тот самый? — вяло поинтересовался Артемов.

— Тот. Я оставлю ее под присмотром Олега, он не подведет.

— Марьяну — с этим Кинг-Конгом? На всю ночь? Не пойдет!

— Кончай выпендриваться, Роман. С Олегом она — как за каменной стеной.

— Против дачи не возражаю, но не с таким тупым бугаем. Это однозначно.

— С чего ты взял, что он тупой?

— На морде написано. Хорошо, отвезем ее туда, но с ней останется Влад. Он никому не позволит ее обидеть.

— Хорошо, — согласился я. — Твоя жена, тебе и решать, кто будет охранять ее. Владу полностью доверяешь?

— Более чем. Его женщины не интересуют вообще.

— Понятно, почему у него голос такой... — сказал я. — Ладно, отвезем вместе, но потом ты

отвечаешь за свою жену.

— Отвечу... — сквозь зубы процедил Артемов. — Ты лучше думай, как Ярмонова прищучить, падлу!

Об этом я меньше всего думал. Если тронут мою женщину, друга или родителей — тогда и подумаю, как прищучить падлу. А в этой ситуации — разбирайтесь сами, ребятки! По законам вашего параллельного мира.

— Прищучивать будешь сам, — жестко сказал я. — Мне нужно просто выпутаться из этого дерьма. Как тебя угораздило отправить жену секретаршей к такому козлу?

— Мы давно знаем друг друга, он пожилой человек... Мне казалось, это вполне надежно...

— Ты давно знаешь его и даже не подозревал, что пожилой человек — бабник?

— Кто тебе это сказал, — он с напряжением смотрел на меня, ожидая ответа. — Марьяна?

— Сорока на хвосте принесла. Такты не знал?

— Ну, бабник, с девочками попариться любит, массажи всякие обожает... Но не маньяк. И вполне порядочный человек, своих не обижает. Во всяком случае, раньше...

— Ты уверен, что ты — свой после ухода из «Ярнефти»?

— Мы расстались по-доброму... — пробормотал Артемов, опуская голову.

Может, и так. И то, что бабник и насильник разные понятия, тоже верно. Да что-то настораживало меня в его рассуждениях. Хотя... вот я ушел из ФСБ, начальство обиделось, но разве можно предположить, что полковник Алентьев изнасилует мою женщину, если устрою ее секретаршей к нему? Я себе это просто не могу представить.

Из подъезда вынесли носилки, накрытые белой простыней, погрузили в машину. Нуда, труп... Просто инфаркт не вызывает столько соглядатаев у подъезда. Хотя, возможно, умер знаменитый жилец этого дома? Допустим, но скорее всего я пытаюсь найти простые ответы на свои вопросы. А простых — нет.

Минут через десять вернулись Сырник и Влад.

— Татьяну Ефимовну задушили, — тонким голосом сказал Влад.

— Как и Лилию Георгиевну?

— Народ говорит, что скорее всего это сделал водитель твоей Лилии, — пробурчал Сырник. — Этот немой козел, говорят, на все был способен.

— Поехали отсюда! — взмолился Артемов. — Я больше дышать не могу в этой дерьмовой тачке!

— Поехали, — сказал я Сырнику.

— Нормальная тачка, — возмущенно сказал Сырник.

Глава 14

Алина «выдала» нам Марьяну в целости и сохранности, даже повеселевшую со времени моего отъезда — видимо, женские разговоры более утешают, нежели обещания грубых мужиков решить все проблемы. Если женщины не соперницы, им приятно общаться, а они и не были соперницами, так что поговорили всласть, и Марьяна воспрянула духом.

Она выехала из ворот на своей «Шкоде», остановилась у нашей «копейки», энергично помахала мне рукой и высадила... Алину. Та, видимо, решила проводить гостью до моей машины. Ну и поговорить со мной на прощанье. Я вышел из «копейки».

— Если гора не идет к Магомеду... — с грустной улыбкой сказала Алина.

— Гора не идет, потому что бульдозеры напирают со всех сторон, — сказал я. — Того и гляди сровняют гору.

— С тобой даже просто разговаривать интересно. Можешь заходить иногда на чашку кофе?

— Думаешь, это нужно?

— Не знаю... Просто хотелось бы.

— Я тебе очень благодарен, Алина. Как-нибудь загляну...

— Удачи тебе, Андрей. Тоша просил передать, что ждет тебя в гости, он в садик не пойдет в этот день... Если возникнут сложности, приезжай, ладно?

Первый раз она назвала сына Тошей. А то все Антуан да Себастьен... И это было посильнее спальни. Я обнял Алину, поцеловал и пошел к машине. Ее параллельный мир исчез со смертью мужа, и стала она просто симпатичной женщиной. Кстати, с Настей произошло что-то похожее.

Вначале мы поехали на «Сокол», где должны были встретиться с Артемовым и его «помощником», который не любит женщин. Марьяна на своей «Шкоде», мы — на своей тоже неплохой машине. На Ленинградском проспекте, неподалеку от метро «Сокол», стоял знакомый джип, а возле него нервно прохаживался Артемов в сопровождении Влада. Эта встреча супругов была куда более мирной, Артемов даже поцеловал жену, правда, в щечку. Он передал ей сумку с необходимыми вещами и продуктами и объяснил, что пока Марьяна поживет на даче моего отца, Влад будет охранять ее покой, а завтра-послезавтра он что-нибудь придумает и заберет ее. Сам в Лобню

не поедет, после гибели Барабулина в фирме дел по горло, но будет звонить на мобильник.

Марьяна кивала, вытирая платочком слезы. Видно было, что ей не хотелось никуда ехать, сейчас бы села в его джип и просто смотрела бы на мужа влюбленными глазами. Артемов обнял жену, снова чмокнул в щечку, сел в джип и уехал. Влад забрался в машину Марьяны, мы в свою — и вперед.

Я не случайно выбрал место встречи супругов на «Соколе». От Серебряного бора недалеко и до Рублевки в общем-то близко. А там чуть больше семнадцати километров до Лобни.

Как ни хотелось проехать мимо своего дома, хоть из окна машины посмотреть, все ли там нормально, я поборол искушение. За моей квартирой могли следить, машину Сырника могли знать, засекут, посмотрят, куда направляемся, и все поймут. Нельзя рисковать жизнью девушки; хоть с нею и будет Влад, да черт его знает, какой он в деле.

За кольцевой Сырник прибавил скорость, стрелка спидометра замерла около сотни, «Шкода» не отставала.

— Зря ты согласился оставить ее с этим козлом, — сказал Сырник. — Там всякие вещи

ценные, а человека толком не знаем. Ты уверен, что он ничего не сопрет там?

— Сопрет — Артемов компенсирует. И тебе спокойнее будет, ноги ночью не замерзнут, — сказал я, надеясь, что Сырник понимает, почему у мужика ноги мерзнут, когда рядом красивая, но недоступная девушка — одеяло под потолком.

Он знал этот анекдот.

— Да нужна она мне была! Я так понимаю, если что — Владимир Васильич на меня будет злиться.

— Олег, ты не о Владимире Васильевиче беспокойся, а расскажи мне еще раз, кто там был, у дома на Ломоносовском, и что говорили.

— Достал ты меня, Корнилов! Сколько можно про одно и то же, елки-палки?

— Сколько нужно, столько и можно.

— Ладно, последний раз повторяю для особо тупых. Были там нормальные люди, Ярмонов не присутствовал, из службы безопасности тоже никого не было, я их нутром чую. Мы вели себя тихо, ну, шли мимо и тормознули, вроде как интересно стало. Народ говорил, что жить стало невозможно, за пивом ночью не выскочишь, если в одном подъезде убивают старушек. Ну, в общем, недовольны были. Влад спросил одного

мужика, солидный такой, а тот — да, наверное, глухонемой маньяк грохнул обеих бабулек. Все же знают, что он со странностями, да и сбежал, до сих пор не могут поймать. То есть Вася твой. А ты ему верил.

— И сейчас верю. Вася помог мне.

— Помог? Он же тебе заливал, что народ его уважает, специально предупредили, что подозревают его, когда первую старушку грохнули. А народ думает совсем не так.

— Как он выглядел, этот народ?

— Да нормальный мужик, солидный, в том доме простые люди не живут, как я понял. Ты достаешь меня потому, что хочешь найти причину и вывести своего Васю из-под подозрения? По-моему, ты ошибаешься, Корнилов.

— По-моему, тоже, — сказал я. — Но и причин убивать обеих старушек у него не было.

— Да? А если диск у него, так условия Ярмонову диктовать будет он. Сколько захочет «лимонов» зеленых, столько и хапнет. После того, как тебя грохнут.

Тоже верно. Вопросов прибавилось, а я не получил ответов на прежние. Уже смеркалось, две машины мчались по загородному шоссе к Лобне, а я все еще ничего не понимал. Два трупа за

один день, противник жесток и беспощаден, но почему он действует так, я не мог понять. Легко сказать — у Ярмонова крыша поехала, так оно и было, но не настолько же! И потом, в каждой «поехавшей крыше» есть своя логика. Тут ее не было и в помине.

А трупы были. Уже три.

Мы проскочили Лобню, через пять километров благополучно миновали шлагбаум, отделяющий бедный подмосковный мир от дачного поселка, и остановились у железного забора дачи отца. Я мог бы сказать «нашей дачи», но почему-то язык не поворачивается, слишком долго мы с отцом не общались в прошлые годы. Я вышел из «копейки», открыл железные ворота, две машины въехали во двор.

— А у тебя тут очень мило, Андрей, — заметила Марьяна. — Просторно, зелено, и дом такой большой и красивый!

— Что тут удивительного? — солидно сказал Сырник. — Это ж дача самого Владимир Васильича. А он большой человек. Мы тут как-то шашлыки устраивали.

Влад держал в руке сумку Марьяны и ничем не выражал отношения к даче «самого Владимир Васильича». Я отпер дверь, пригласил гостей в дом.

— Тебе, Влад, лучше располагаться в холле, присматривать за дверью. Запрешь ее на засов. — Он молча кивнул. — Пойдем, Марьяна, покажу тебе спальню.

— Мне здесь нравится, здорово! — воскликнула она.

И не поверишь, что эта девушка недавно плакала, расставаясь с мужем. Мы поднялись на второй этаж, вошли в спальню, Сырник с Владом остались в холле..

— Постельное белье в этом комоде, — сказал я. — Кстати, ты полностью доверяешь Владу?

— О чем ты спрашиваешь, Андрей!

— Если что — немедленно звони мне, номер мобильника я тебе оставил.

— Хорошо. Знаешь, я уверена, что здесь я в полной безопасности. И в полном комфорте.

Насчет комфорта — кто бы спорил, а вот насчет безопасности у меня возникли сомнения. Нужно было самому остаться здесь, я же отвечал за жизнь Марьяны. Или хотя бы Сырника оставить. Но ревнивый Артемов был категорически против. Ладно, будем надеяться, что обойдется.

Внизу я показал гостям кухню, где можно было приготовить ужин, кофе сварить. Марьяна достала из сумки продукты, сунула в холодильник

красиво упакованные мясные полуфабрикаты, а что не могло испортиться за несколько часов, выставила на стол. Здесь она чувствовала себя намного увереннее, чем у Алины.

— Хорошо, что ты быстро освоилась, — сказал я. — Позвони Роману, успокой его. Часика через два можешь и мне звякнуть, не обижусь.

— Ты у Алины будешь?

— Этого я даже тебе не скажу.

— Поезжай к ней, она будет ждать. И еще... Знаешь, о чем я подумала, Андрей? Когда весь этот кошмар закончится, ты пригласишь сюда нас с Ромкой, и мы закатим такие шашлыки!.. И Олег с женой будет, и Алина, и Влад, и твои родители, ну в общем, все. Пригласишь?

— Конечно. Ну все, мы поехали. Влад, у тебя как настроение? Не проспишь Марьяну?

— Да нормальное. У меня тоже кое-что имеется на случай осложнений, — он похлопал по внутреннему карману куртки.

Там действительно что-то имелось, и я догадывался что. Но все равно тревожно было на душе. Выходя, я оставил ключи в холле, на журнальном столике. На обратном пути мы все-таки проехали по двору моего дома — окна были целы, вроде бы и квартира в порядке. Далее путь

наш лежал в Шмитовский проезд, к Сырнику. Я решил переночевать у напарника, хотя Артемов предлагал остановиться у него — хоть в квартире, хоть в офисе. У Сырника спокойнее, и можно будет поразмыслить, поговорить о том, как быть дальше. К тому же нас дожидались продукты с тещиного огорода, а что к ним нужно, мы купили по дороге.

Сырник привез не только дары огорода хозяйственной тещи, но и большой кусок парной свинины, которая в деревенском магазине стоила дешевле, нежели мороженая на Багратионовском рынке. Кусок был аппетитный, но я в своих кулинарных опытах дальше «парижского» лукового супа не продвинулся. Его-то и решил приготовить на поздний ужин. Надо ж было приобщать Сырника к европейской культуре. Но он решительно воспротивился этому.

— Пусть они в Париже такой суп жрут, — сказал. — А мы ща мясцо приготовим.

Мясо лежало в холодильнике, не в морозилке, Сырник взял нож, отрезал примерно треть от куска свинины, покромсал на мелкие куски, свалил их в большую сковороду, добавил воды, луку, зелени, посолил, поперчил основательно и поставил на газ. Знакомое блюдо, такое я и сам

вполне мог приготовить.

— Просто и бездарно, — сказал я. — Такой симпатичный кусок был, из него можно лангеты приготовить или нашпиговать чесноком и целым куском зажарить в духовке.

— Так вкуснее и быстрее, — авторитетно заявил Сырник. — Через полчаса будет классный ужин. Давай пока по маленькой, чего время зря терять?

Он был прав. Селедку мы тоже купили, зеленый лук и редиска сами в рот просились. Я наполнил хрустальные рюмки, выпили, захрустели редиской.

— Этот Влад точно сопрет что-нибудь у тебя, — сказал Сырник. — Он — темная личность, и обиделся, когда ты в машине рявкнул, что выкинешь тех, кто не здоровается. Какую-нибудь пакость тебе устроит, чует моя душа.

Вода в сковороде вскипела быстро, и по кухне распространился аппетитный запах вареного с луком мяса. Как тут не выпить еще по одной? Что и было сделано.

— Черт с ним, с Владом, — сказал я. — Что ты вообще думаешь об этом деле?

— Думаю, что ты большой мастер вляпываться во всякое дерьмо. Можно в книгу рекордов заносить.

— Занесли, а что дальше?

— Ну, если конкретно... Странно они ведут себя. Если старый хрен имеет мощную спецслужбу, почему они до сих пор не вычислили меня? Не подождали в подъезде? С ихними-то возможностями! Да и без меня могли бы вычислить тебя, если б захотели. И у Алины, в том числе.

— Зачем? Они предупредили меня.

— А ты послал их. Ну, мочить тебя рановато, а вот взять и поспрашивать — самое то. А они почему-то молчат.

— Ты прав, я думал об этом. Пока что вижу две причины. Или они заняты другими более важными делами, сам видел какими, а теперь на очереди Марьяна. Я-то никуда не денусь, а ее Артемов может за границу отправить. Или...

— Ну?

— Пропавшая копия нашлась у Татьяны Ефимовны.

— Ты сам-то веришь, что Ярмонова могла отдать диск подруге, о которой все знают? Уж если задумала такое, наверное, и диск спрятала в надежном месте. Я думаю — отдала племяннику. Ты же говорил, она и деньги ему дала. А если деньги он сам взял, когда решил сыграть свою партию и грохнул старушку?

— Зачем? По-моему, он уважал тетку.

— Нет, ну ты совсем тупой стал! Он же знал, че она затеяла, понял, ни хрена хорошего из этого не выйдет. А если прихватить компромат, там можно веревки из олигарха вить. И свалить на него убийство.

— Может быть и такое...

— Слушай, Андрюха, а что, если позвонить самому старому хрену и поговорить? Что ему надо? Копии у нас нету.

И об этом я уже думал. Но ведь не станет Ярмонов говорить со мной, ему это совсем не нужно. После такого разговора и водка под селедочку с зеленым луком не радовала. Вскоре и мясо подоспело, тут все просто: как вода в сковородке выкипит, так и готово блюдо. Сырник разложил мясо с луком по тарелкам, довольно потер ладони. В это время замурлыкал мой мобильник, я положил его на край стола.

— Думаешь, Марьяна? — быстро спросил Сырник.

Я пожал плечами.

— Андрей! — послышался в трубке голос Марьяны. — У меня все нормально, так что не беспокойся. Ромке я тоже позвонила, теперь смотрю телевизор. Ну вот и все.

Хорошо, что она говорила со мной, как с давним приятелем, но все равно меня не покидало ощущение опасности. Подумалось даже, что следовало оставить ей пистолет, но так, чтобы Влад об этом не знал. На всякий случай, хотя это чистейшей воды глупость. Я попросил ее соблюдать осторожность, из дома не выходить, и положил трубку на стол.

— Ну и как она? — спросил Сырник.

— Нормально. Утром, как проснется, еще раз позвонит.

— Кстати, я вот еще о чем подумал, Андрюха. Почему грохнули вторую старушку? Ну, если компромат у нее — могли. Видела, сделала другие копии... А если нет? Нет — и нет, какую опасность она представляла?

— Могла знать о съемке на даче, могла видеть не только запись, но и убийцу. Причин много. Кстати, если даже ничего не видела, а только знала, что существует такая запись, поняла, что за люди приходили. Черт, найти бы Васю!

— Ну, вот за это и выпьем.

Я не возражал. Мясо получилось мягким и сочным, водка была холодной, но чем больше я пил, тем острее становилось ощущение близкой опасности. Водка не затуманивала разум, не рас-

слабляла мышцы, она лишь тонизировала и то и другое. Мне этот тонус был совсем ни к чему.

— Насте, что ли, позвонить? — сказал я, скорее, подумал вслух.

— У тебя еще и Настя появилась? — спросил Сырник, качая головой. — Ну ты и бабник, Корнилов! Просто невероятный!

— Зато у тебя жена есть, — сказал я фразу, которую говорил ему по меньшей мере сто раз.

— Жена? Ха, жена!.. — хмыкнул Сырник. — Она-то есть, да чуть что — отвернулась к стенке, и никаким подъемным краном не повернешь! И так может — неделю, две, месяц даже. Уже и проблемы решены, а она — нет. Устала на работе, дом, дети — все на ней. А я сижу в офисе, баклуши бью да на машине по Москве раскатываю, и только одно у меня на уме — потрахаться. Ну работа, ну домашнее хозяйство, так что ж теперь, застрелиться и не жить? А я понимаю, в чем тут дело — наказывает меня, чтоб не спорил больше, даже рта не раскрывал, когда она задумывает очередные грандиозные покупки! То новую кухню, то мебель, то еще чего.

Я не прислушивался, о чем Сырник частенько говорил с Борькой, когда приходил ко мне, но теперь точно знал — вот об этом. Но Борька ушел

от нас, а я не мог молча слушать и сочувственно смотреть Сырнику в глаза, как он.

— Ну и какие тут проблемы? Отвернулась жена — найди себе женщину, которая повернется как надо. У тебя же были варианты, Надежда, например.

— Да знаешь, я после этого неважно себя чувствую, в душевном смысле. Вроде как предателем стал. Вернешься домой, дочки встречают, обнимают, папа, папа. Ты хоть можешь представить себе такое?

Честно говоря — нет. Дочек у меня не было, женщины не отворачивались, они просто не приходили ко мне, если уставали на работе или просто не хотели. Да и кто будет приходить и отворачиваться к стенке, жалуясь на усталость? Я себе такую подругу не мог представить. А вот другие способы противодействия стервозной жене — мог.

— У тебя же есть интернет, займись виртуальным сексом, пообщайся с какой-нибудь озабоченной дамой — легче станет.

— Да как?! — закричал Сырник. — У меня две комнаты, одна детская, другая наша. Буду общаться, а она проснется, посмотрит...

— Ну и что?

— Да то!

Случай и вправду был сложный, запущенный, даже я не знал, что посоветовать. Борька просто молчал и смотрел на Сырника внимательными глазенками, а мне же сказать что-то нужно было. Но что?

— Тогда займись онанизмом. Иногда помогает, — не совсем уверенно сказал я.

— Да пошел ты!.. — рявкнул Сырник.

— Я и пошел. Надеюсь, ты мне уступишь диван.

Я поднялся, но Сырник опустил свою громадную ладонь на мое плечо.

— Нет, постой. Сперва вмажем еще по одной, а потом — спать. Выпьем не чокаясь, в память одного... замечательного... почти человека. Он был намного умнее тебя.

— Я в этом не сомневаюсь.

— За Бориску, пусть земля будет ему пухом.

Мы выпили. И ничего странного в этом не было. Обычный серый крысенок стал для меня самым близким, родным существом. И Сырник, который поначалу и на дух не переносил его, теперь ставил Борьку выше меня, и был по-своему прав.

Что такое крыса? Наш серый враг, это знаем с детства. Правильно знаем? Точно ли знаем? Да ни

черта подобного. Так сказал кто-то с телеэкрана, с газетной полосы, с книжной страницы. Вот и живем, веря телеэкрану да печатным строчкам. А нет бы самим взять да и познакомиться ближе с серыми малышами, соседями вечными нашими. Но мало кто хочет знакомиться... Почему? Даже с виду они симпатичные, пушистые, как кошки и белочки. Хвост у них длинный и голый? А что, собак и кошек с такими хвостами нет? И все равно — не хотят люди знакомиться с ними. Так и во всем, дурак — значит, дурак, враг — значит, враг. А на самом деле — может, совсем не так обстоит дело. Да кому это важно?

Я не стал звонить Насте, что она скажет мне — понятно и без звонка, радости от этого было немного. Сырник определил мне место ночлега на семейном диване, бросил туда подушку и одеяло. Сам устроился в детской, на нижнем этаже двухъярусной кровати дочек. Помещался он там с трудом, но если поджать ноги, можно и поспать, что Сырник и сделал.

Ну а я с удовольствием вытянулся на диване. В джинсах и футболке, но — под одеялом, и голова на подушке. Хорошо-то как!

Глава 15

Проснулся я в начале девятого, телефонный звонок разбудил. Мобильник лежал на журнальном столике за диваном, нужно было только протянуть руку и взять его. Голова не болела, не так уж много мы вчера выпили, и я сразу вспомнил, что Марьяна обещала перезвонить утром.

— Привет, Марьяна, — сказал я, подавив зевоту. — Нормально ночь прошла?

— Черт тебя побери, дурака! — послышался из трубки гневный бас отца. — Ну хорошо, хоть живой! Ты где сейчас?

— Привет, пап... Я в Москве, а что?

— У тебя все в порядке?

— Ну да. А что случилось?

— Кто на даче был?

— Вечером я оставил там девушку с охранником, жену босса рекламной компании, и вернулся в Москву.

— Ну вот поезжай в Лобню и объясни все тамошним следователям! У меня своих дел по горло.

— Ты можешь объяснить, что там стряслось?

— Какие-то трупы во дворе, машины с разбитыми стеклами! Вытаскивают меня, понимаешь, из

ванной, вопросы дурацкие задают! Немедленно поезжай и разберись!

Сырник стоял в дверях, молча смотрел на меня.

— У нас мясо осталось, Олег? — спросил я.

— Что с Марьяной?

— Не знаю. Отцу звонили тамошние менты, какие-то трупы во дворе обнаружены.

— Понятно, какие...

— Так есть мясо или нет?

— Осталось, мы же не все съели, я в холодильник убрал...

— Давай разогревай, я быстро умоюсь, перекусим и двинем в Лобню.

— Только командовать и умеешь, — недовольно пробурчал Сырник. — Я ж говорил, что от этого Влада никакого толку! Если б мы остались на даче, там были б другие трупы.

— Но мы же договорились с Артемовым! Я пообещал этому ревнивцу, что кроме Влада никого больше рядом с Марьяной не будет! — заорал я. — Кому нужны эти рассуждения в пользу бедных?

— Тебе и нужны, — сказал Сырник.

Я быстро оделся и побежал в ванную, подтолкнув Сырника в сторону кухни. Новой зубной щетки никто мне не предлагал, пришлось выдав-

ливать пасту на палец. Но и таким образом зубы не сразу удалось почистить — в ванную заглянул Сырник, протянул мне мобильник.

— Не слышишь, что ли? Тебя.

Как я услышу, если вода шумит? А как отвечу, если рот полон зубной пасты? Сплошные неудобства! Звонил Артемов, переживал, что жена до сих пор не позвонила, хотя обычно встает рано. Я не стал его огорчать, сказал, что срочно выезжаем туда, если хочет, пусть присоединяется. Артемов сказал, что лучше ехать на его джипе, так быстрее, я не возражал, сказал — через полчаса на Рублевке у метро «Кунцевская», с правой стороны, если ехать из Центра. Действительно, на джипе быстрее доберемся. Эх, Марьяна, Марьяна...

Через полчаса мы с Сырником подъехали на такси к метро «Кунцевская», по подземному переходу перешли на другую сторону Рублевки. Джип Артемова, как и вчера, уже ждал нас. Я предупредил Сырника, чтобы ничего не говорил о случившемся Артемову. А то расстроится, потеряет контроль над собой, а джипы, особенно за городом, ездят быстро. Им же вроде все нипочем, а на самом деле — еще как «почем»!

— Последний раз она звонила мне ровно в полночь, — сказал Артемов. — Я как раз к дому

подъезжал. Все было нормально, собирались спать ложиться, обещала позвонить утром.

— Мне звонила один раз, пораньше.

— У Влада был пистолет, если что... Там хоть двери нормальные? Никто не ворвется по-тихому?

— Не ворвется. Территория охраняется, забор высокий, двери московские. Чтобы войти — нужно позвонить. Окна закрыты, я проверил, в форточку никто не пролезет. Туалетов два, на первом этаже и на втором, выходить не надо. Я предусмотрел все, если что — спрашивай с себя и Влада, — жестко сказал я. — Тебя предупреждали об ответственности! Олега по твоему настоянию я там не оставил.

Злость моя на этого ревнивого дурака поутихла, но не прошла. Из-за его идиотизма погибла девушка, а мы не смогли ухватить концы веревочки, которая привела бы к нужным людям, очень нужным! Веревочка сама свалилась нам в руки, а взять не смогли, черт побери!

— Если какая опасность возникла б, Влад обязан был позвонить мне, — сказал Артемов. — Да и без этого должен был утром сообщить, что все нормально. А он молчит!

— Что ты от меня хочешь? Твой человек за все

отвечает теперь!

— Может, спит этот Влад? — предположил Сырник.

— Я его не спать отправил! — нервно крикнул Артемов.

Он уже был расстроен, а джип мчался к Лобне со скоростью не меньше ста двадцати километров в час. Я крепко держался обеими руками за спинку переднего сиденья, из последних сил надеясь, что все-таки доберемся живыми и здоровыми до дачи. Когда миновали Лобню, сказал Артемову:

— Роман, давай, на всякий случай, придумаем, как объяснить присутствие Марьяны и Влада на даче отца.

— На какой случай? — нервно крикнул он и так вильнул, обгоняя бензовоз, что я повалился на Сырника.

— Сбавь скорость, мудак! — заорал я. — И слушай внимательно, что тебе говорят! Допустим... Марьяне угрожали, кто, что — не знаешь. Но в свете последних событий в твоей фирме и в «Ярнефти» — выглядит вполне реально.

— Что реально, что реально?! Так оно и есть!

— Да, но без того, что было во время твоего отъезда, понял? Ты попросил меня укрыть на пару дней жену. Вместе со своим телохранителем. Мы

друзья, давно знакомы, я согласился тебе помочь. Все. Запомнил?

— Ты думаешь, с ней что-то... ее...

— Разберемся на месте. И еще: пока тебя не спрашивают — не высовывайся из машины.

— Начнут копать, пойдут к Ярмонову... и что?

— Посмотрим, как он отреагирует.

— Смотрители, мать вашу!..

— Заткнись и помни, что я сказал. Ничего не нужно придумывать, была угроза — ты позаботился о безопасности жены. И больше ничего не знаешь.

Впереди показались ворота дачного кооператива, и Артемов сбросил скорость. Был он бледен, крупные капли пота катились по щекам. Хорошо, что я предупредил его именно сейчас, а то бы точно не доехали.

Еще до забора отцовой дачи, я велел Артемову остановиться, поскольку заметил у ворот три машины — «Жигули», «уазик» и «Вольво», а во дворе незнакомых людей. «Светиться» нам всем, не зная, что там случилось, вряд ли следовало. Артемов дернулся, намереваясь выйти из джипа.

— Сидеть! — приказал я. — Олег, присмотри за ним. Я сам все выясню, а там решим, что делать. Будет возмущаться — не стесняйся, он уже вино-

ват за свой выпендреж.

Сырник согласно кивнул и положил тяжелую ладонь на плечо Артемова. Тот подчинился, нервно сжимая кулаки и скрипя зубами. Я прошел метров десять вдоль забора, толкнул калитку, она была не заперта. Во дворе, неподалеку от ворот, рядом с кустом жасмина стояла «Шкода» Марьяны. Возле нее торчал высокий парень в кожаной куртке. Делал вид, будто осматривает машину, а на самом деле следил за мной с того момента, как я приблизился к калитке. И явно удивился, что я вошел во двор и направляюсь прямо к нему. «Шкода» выглядела в общем-то нормально, и чего отец кричал про искореженные машины? Правда, передняя левая дверца была помята, наполовину поднятое стекло разбито. Сиденье водителя залито кровью. Вероятно, это была кровь Марьяны.

— Эй, эй, ты кто такой? — спросил парень в кожаной куртке. — Чего надо?

— Да вот, ехал мимо, дай, думаю, зайду, узнаю, что тут стряслось. Аты следователь, да? Кого убили?

— Езжай дальше мимо, пока можешь, — с угрозой сказал следователь.

— Ты хоть бы представился... — вежливо ска-

зал я.

— Щас представлюсь, я тебе так представлюсь... надолго запомнишь следователя Мелкова. Миша! — крикнул он.

Из-за дома вышел боец в камуфляже, с автоматом на плече, передернул затвор и направился к нам. В доме отворилась дверь, на пороге показался начальник службы безопасности отцовой фирмы, отставной полковник Павел Иванович Копалин. Теперь понятно, чья «Вольво» стояла у ворот, отец попросил его немедленно ехать в Лобню, должен же кто-то смотреть, чтобы канделябры не пропали. И вообще, защитить честь хозяина строительной компании, если это потребуется. Павел Иванович остановился, с любопытством наблюдая за тем, как следователь пытается арестовать меня.

— Да ладно тебе, Мелков, — миролюбиво сказал я. — Лучше объясни, что тут стряслось.

— Объясню, но чуток позже и не тут, — сказал Мелков. — Миша, задержи его и тех, с кем приехал. Говорить будем после, в отделении.

— Что-то долго ты ехал, Андрей! — недовольно сказал Павел Иванович. — Может, сдать тебя этим ребятам? Устроил тут, понимаешь... У отца сегодня важная встреча, а мы вынуждены хрено-

виной всякой заниматься!

Он был давним другом отца и плохим, на мой взгляд, начальником СБ.

— Так ведь пробки на дорогах, дядь Паш, — сказал я.

— Лучше б эти пробки не дали тебе припереться сюда с такими гостями!

Следователь махнул рукой «физику», отправляя его на место временной дислокации, с усмешкой посмотрел на меня.

— Значит, Андрей Корнилов? Очень даже хорошо. На ловца и зверь бежит. Документы имеются?

— Да, оружие тоже, и разрешение на него. Я медленно достану удостоверение, а ты не пугайся, идет?

Я расстегнул куртку, достал удостоверение, протянул его Мелкову. Тот внимательно изучил его, видимо, искал, к чему бы придраться, не нашел, вернул «корочку».

— А говорили, ты ушел из органов.

— Кто говорил?

— Не важно. Должен понимать, Корнилов, теперь говорить буду я, в смысле, спрашивать. А ты — отвечать.

— Согласен, только скажи, кто пострадал?

— А кто тут был?

— Парень с девушкой, машина ее, когда ехали сюда, она была за рулем. Что с ней?

— Не знаю. В машине был труп мужчины лет двадцати пяти, документов при нем не было. Девушка поначалу тоже была в машине, а потом исчезла. Там, на полу, валялась ее сумочка. Ну, теперь давай рассказывай по порядку, что тут было.

Павел Иванович приблизился к нам, пожал мне руку, потом хлопнул по плечу.

— Ну, тогда я поехал, а ты тут разбирайся. Ключи твои лежат в холле, видать, спешили так, что и дверь запирать не стали... В доме еще один боец, смотри, не запри его. Черт-те что творится! Позвонишь отцу, когда все закончится, а я из машины позвоню.

Седой кряжистый полковник в отставке неторопливо зашагал к калитке. Дорогой костюм «с отливом», лакированные ботинки, «Вольво» за забором — важная персона! Наверное, это хотел сказать следователь, провожая взглядом Копалина. И добавить что-то непечатное. Не добавил, по крайней мере, вслух, повернулся ко мне, уставился немигающим взглядом, скрестив руки на груди. Надеялся узнать хоть что-то ин-

тересное для следствия. Я разочаровал его, ибо поведал именно ту версию, которой решил придерживаться, когда мы ехали сюда, и втолковал Артемову неподалеку от дачного поселка. Если рассказывать с умом, уточняя, что именно и в каком контексте интересует дотошного следователя, можно узнать практически все о том, что случилось на даче примерно между тремя и четырьмя часами ночи.

Марьяна и Влад стремительно выскочили из дома, бросились к машине. За руль сел Влад, Марьяна, видимо, рядом. «Шкода» направилась к воротам, до них было метра четыре, когда машина поравнялась с кустом жасмина, притормозила или совсем остановилась. И в этот момент из кустов вышел человек и нанес сильный удар палкой в полуоткрытое окно водителя. Потом еще несколько раз ударил по голове (окровавленная палка лежала у переднего колеса). Злоумышленник взял у Влада пистолет (кобура осталась под плечом) и, видимо, принудил девушку уйти вместе с ним. Они направились по улице в сторону забора, перелезли через него, а там, за рощей, стояла машина — «Жигули». На ней преступник увез девушку в неизвестном направлении. Это все, чем располагало и что предполагало следствие

на данный момент. Соседи ничего не слышали, кто-то обратил внимание на «Шкоду» лишь в семь утра и сообщил в милицию.

Итак, погиб Влад, четвертый человек за несколько дней. Хорошо, что Марьяна осталась жива. Правда, ей теперь несладко, но хоть надежда есть спасти девушку.

— Странные тут у вас бандиты, — сказал я.

— Не у нас, а у вас, — сердито возразил Мелков.

— Дом осмотрели?

— А ты как думал? Видимых признаков борьбы не обнаружено. Пойдем, посмотришь хозяйским взглядом, может, что не так?

В холле, на столике лежала связка ключей, похоже, Влад и не прикасался к ней. На диване — подушка и верблюжье одеяло без пододеяльника. На кухне порядок, посуда вымыта, на столе — пачка печенья, раскрытая упаковка с пакетиками «капучино», батон хлеба в полиэтиленовом пакете. Остальные продукты — в холодильнике. Я поднялся на второй этаж. Постель в спальне была не заправлена, сумка с одеждой Марьяны стояла на полу. Действительно, в спешке убегала, наверное, даже ночную рубашку не сняла, натянула джинсы, набросила курточку и помчалась вниз. Свитер и белье остались на пуфике...

Значит, выследили, вычислили... Но почему Влад никому не позвонил? Почему решил уехать, ведь мог же продержаться какое-то время в доме, тем более с пистолетом? Мог, но решил, что надежнее будет уехать. Очень странное решение. Особенно если учесть, что преступник был один и вооружен лишь толстой палкой, подобранной в роще. Кстати, если оба они были напуганы, почему Влад не достал пистолет, не был готов к нападению? Душа в пятки ушла? Что-то не верилось в это...

А вот насчет преступника у меня было свое мнение, и я не собирался высказывать его Мелкову. Следы кроссовок сорок четвертого размера, оставленные бандитом у жасминового куста, были мне знакомы. Я уже видел их у себя в квартире. Немой племянник Лилии Георгиевны, Вася, не разувался ведь...

Мои показания заняли половину страницы, Сырник написал и того меньше. Оба листка я положил на стол перед Мелковым, он и Артемов сидели на кухне.

— Все, начальник, мне пора, — сказал я.

— Выгоняешь?

— Да нет, можешь остаться, переночевать. Я позвоню отцу, он гувернера пришлет.

— Полчаса придется обождать, я еще не закончил. Артемов много интересного рассказал. Ты на всякий случай далеко от Москвы не уезжай.

— Может, тебе подписку о невыезде дать? — разозлился я. — Мои показания несложно проверить у охранника, который дежурил вчера на шлагбауме. Он меня знает, когда приехал, когда и с кем уехал, — все скажет. Вот и работай.

— Пожалуйста, продолжайте, — сказал Мелков Артемову, который нервно покусывал кончик авторучки, обдумывая очередное предложение. — Пойдем, Корнилов, выйдем, поговорим.

Мы вышли во двор, я махнул Сырнику, чтобы отошел в сторону и не мешал нам.

— «Выйдем, поговорим» — звучит заманчиво, — сказал я.

— Короче, Андрей, я тебе не враг. Более того... Понимаешь, Владимир Васильевич помогает нашей больнице. У моей жены камни в желчном пузыре обнаружили, операция нужна была. А это — в Москве, но там же очередь. Наш главврач попросил Владимира Васильевича, он устроил операцию. Я даже спасибо ему не сказал, бутылку не поставил, звонил, да все на секретаршу нарывался. Не пробьешься. Я что хочу сказать — судя по показаниям Артемова, у тебя могут быть

серьезные проблемы. Если чем-то могу помочь — скажи. Я, конечно, понимаю, что у тебя там, в Москве... Но все же.

Похоже, он говорил искренне, да и не мог иначе, информацию о больной жене несложно было проверить.

— Ты, Борис, и не должен благодарить за эту операцию. Имел отец возможность, ну и помог. Ничего особенного в этом нет. Если бы всех этих господ заставить оплачивать срочные операции, хотя бы женщинам, от них куда больше пользы было бы нашей дурацкой стране.

— Он мог бы и не помогать. Держи, это мой телефон. Если понадобится какая информация, скажи. Ты человек ФСБ, так что совесть моя чиста.

Ну, если так... Кое-какую услугу он мог мне оказать. Я высказал версию, что все дело в фирме Ярмонова, где работала Марьяна, у них там сейчас большие проблемы. Нужно поговорить с хозяином, спросить о врагах и вообще посмотреть, как он отреагирует на похищение секретарши. Она ведь могла знать какие-то секреты. Мелков пообещал сегодня же съездить в Москву и встретиться с Ярмоновым, а потом позвонить мне на мобильник.

Мелков вернулся в дом, где Артемов сочинял

свои показания, а мы с Сырников ждали его во дворе.

— Бред сивой кобылы! — сказал Сырник. — Служба Ярмонова с дрючком в руке! Неужели ты веришь в это?

О том, чьи следы я видел у жасминового куста, я ему не сказал, и не собирался говорить.

— Почему бы и нет? Выстрел мог зацепить Марьяну, а палкой — просто и...

— Со вкусом, да? Кончай мне лапшу на уши вешать. Если уж спугнули, так проще остановить за пределами поселка. Там пустая дорога километра три, делай что хочешь!

— Твоя версия?

— Водитель старушки, которому некоторые идиоты верят.

Он имел в виду меня, хотя я уже не верил Васе.

— Зачем ему девчонка?

— Чтобы окончательно прищучить Ярмонова! Когда на руках свидетель — ни хрена он не сделает со всей своей службой! Бандюга твой Вася, понял?

Я думал в этом направлении, но тогда ситуация становилась еще более странной, еще более запутанной. Вася мог быть главарем хорошо организованной банды, мог спланировать нападение

на меня, чтобы сообщить... об Артемове? Зачем, если собирался похитить Марьяну? Собирался, но не смог. Зачем было убивать Барабулина, если знал, что Марьяна уехала со мной? А Татьяну Ефимовну? Ведь Лилия Георгиевна ценила племянника, вряд ли могла сказать подруге что-то плохое о нем.

Но следы...

Из дома вышли Мелков и Артемов. Проводив гостей, я пробежал по дому, проверил, все ли там в порядке, не оставили где свет включенным или кофеварку на кухне, потом запер дверь. «Шкоду» оставили во дворе, только откатили поближе к дому. Сырник и Артемов ждали меня в джипе.

— Ну и что дальше? — спросил Артемов.

Он сидел, положив ладони на руль и опустив голову.

— Поехали в Москву, — сказал я.

— А Марьяна у этих... насильников, да? Лучше б...

— Ее убили?

— Ты только представь — я в Крыму снимал клип. Там тепло, море — уже купаться можно, рай. Классные телки, актрисы, между прочим... И пальцем не нужно манить, сами хотели после прогулок по берегу моря под луной. А я, как дурак,

звонил в Москву, жене... И дозвонился... А теперь что ни день, то новые проблемы. Сколько можно терпеть? Где она сейчас, с кем?

— Найдем, и все будет нормально.

— Найди ее, Корнилов, найди живой или мертвой! — закричал Артемов, потрясая кулаками. — Я заплачу тебе! Надоело все, надоело, ё!..

Не люблю ехать в машине, когда водитель отрывает ладони от баранки, можно ведь совсем в другом месте оказаться. Но в тот момент я не обратил на это внимания. Во-первых, шоссе от дачного поселка было в отличном состоянии, во-вторых, других машин поблизости не наблюдалось, а в-третьих, джип двигался со скоростью шестьдесят километров в час. После ста двадцати казалось, бегом быстрее добрались бы до Лобни. Хотелось даже поторопить Артемова, да ради чего? Нам, понятное дело, нужно было спешить, но никто не знал куда.

Глава 16

— Было уже такое, было! — заорал Сырник, стукнув кулаком по столу. — Девчонку похитили, ты нашел ее, но всех вас чуть не забетонировали в подвале магазина!

Мы сидели на кухне его квартиры, пили кофе с бутербродами и пытались понять смысл происходящего.

— Было другое, — сказал я. — Тогда мы уже знали, кто это мог сделать и где его искать. А сейчас понятия не имеем, что творится вокруг.

— Только трупы, куда ни глянь! То Барабулин, то вторая старушка, то Влад этот хренов. Надо встретиться с Ярмоновым, сказать, что никакого диска у нас нет, и все. Я отказываюсь от половины гонорара, на хрен не нужна такая радость!

На самом деле какое-то понятие о происходящем я имел, несколько версий крутились в голове, но у каждой были огромные минусы. Профессионалы так не поступают, непрофессионалам подобные действия просто не нужны, а если предположить... Это совсем уж фантастическая ситуация. Но ни одну из них нельзя было сбросить со счетов. И проверить тоже. К Ярмоно-

ву не подобраться, где Вася — неизвестно, у него, наверное, была квартира, но, во-первых, там он не живет, иначе давно был бы задержан, а во-вторых, я не знаю, где она. Самую фантастическую версию, как ни странно, можно было проверить. Одна деталь запала мне в память, сущий пустяк, но почему-то не забывалась. Я даже не знал почему, но проверить хотел.

— У тебя компьютер в порядке?

— А что ты хочешь? Выяснить в интернете, кто похитил Марьяну?

— Именно.

— Ага! Там уже написано — я, хрен моржовый, украл девчонку, потому что просто так они не дают?

— Слушай, Олег, ты хозяин, свари суп из кубиков, а я пока за компьютером посижу.

— Не хочешь звонить Ярмонову, давай возьмем кого-то из его окружения. У нас преимущество внезапности. Вот этого Гека, который притащил Марьяну на дачу. Кто бы он ни был — живет дома и вряд ли ездит с охраной. А у тебя — ксива! Возьмем и хоть что-то поймем!

Насчет Гека я и сам думал, да все времени не было решиться. Пожалуй, надо. У меня к нему много вопросов накопилось еще по тому вечеру,

когда он принес в спальню дачи Ярмонова ничего не соображающую Марьяну. Пожалуй, надо будет заняться им вплотную. Но — вечером.

Я согласно кивнул и пошел в комнату, надеясь, что Сырник поставит воду для бульона из кубиков и мы сможем по-настоящему пообедать. Если это можно назвать «обедом». Но что поделаешь, научиться хорошо готовить у меня пока что не получалось, а в «Санта-Росу» можно было ехать с Настей, если она еще не забыла меня. Так что... знакомый бульон, спасибо кубикам!

Черт! Вспомнил Настю, и захотелось увидеть ее. Похоже, у меня прежде не было такой женщины — красивой, умной, опытной и страстной. Я же их сторонился, обеспеченных и властных бизнес-леди. А вот поди ж ты, случайно, можно сказать, познакомился и почувствовал такое... Лишь с Наташей что-то похожее было, да и то, когда она была просто Наташей, а не мадам Мирзоевой.

— Слышь, Андрюха! — крикнул вслед мне Сырник. Я остановился в двери, обернулся. — Я что хочу сказать... Достали все эти дела. Если выпутаемся — махнем в Турцию? Туда виза не нужна, взял путевку — и вперед! У нас же турфирма знакомая есть. Я с женой и дочками, ты с кем хочешь, Алина, Настя, Ленка, у тебя их до черта.

Хоть там отдохнем по-человечески, а? Ты же сам предлагал!

— Решено, — сказал я. — Но вначале нужно выпутаться.

Компьютеры — они, конечно, машины, хоть и умные. Но кажется, что чужой компьютер — как чужая женщина. Кнопки одни и те же, а нажимать их нужно в определенной последовательности, которую выясняешь методом «научного тыка», грубо говоря. Грубо — по отношению к женщинам. Я долго искал нужные мне данные и наконец нашел. Оказывается, мелкая деталь не случайно запала мне в память. Однако от этого фантастичная версия стала еще более фантастичной. Прав Сырник, хватит ждать, нужно брать Гека. Пока он нас не взял.

Я сидел за столом в глубокой задумчивости, глядя на экран, где предлагались раздетые знаменитости. Они меня не интересовали, но и не отвлекали от размышлений.

— Ни хрена себе! — сказал Сырник, входя в комнату. — Я думал, он о деле думает, а он!.. Что ты хочешь увидеть там — Бритни Спирс без трусов? Так она тебе и показала свою... Я пробовал смотреть — все это лажа. В лучшем случае без лифчика покажут где-нть на пляже. — В руке

он держал мой мобильник, зажимая ладонью микрофон.

— Они помогают думать, — сказал я. — Кто-то хочет меня слышать?

— Да кто-кто! Артемов! — Сырник протянул мне трубку. — Мне не говорит, может, что важное?

Я взял трубку.

— Але? Роман?

— Андрей, что у тебя нового?

— Кое-что есть. Тебе не звонили похитители, не выдвигали условий?

— Нет. А у тебя?.. Связался со своими чекистами?

— Тоже нет и не собираюсь. Они в этом деле не помогут.

— Андрей, прошу тебя, найди мою жену! Я больше не могу так! Не могу!

— Пожалуйста, успокойся. Мы найдем их, обещаю тебе, — сказал я. — И если позвонят — немедленно перезвони. Что нового об убийстве Барабулина?

— Приходил следователь, он считает, никакого убийства, передозировка.

— А пропавший компьютер?

— Про компьютер они не спрашивали, а я не стал говорить. Там много чего интересного, пусть

кто-то один наезжает, либо враги, либо налоговики. Если все сразу навалятся — я не выдержу. У меня и так...

— Понимаю. Если кто-то позвонит, немедленно сообщи мне. И не дергайся сам, никуда и ничего без меня. Как договорились.

А договорились мы, что Артемов будет сообщать мне обо всем подозрительном, что увидит или услышит.

— Что он хотел? — спросил Сырник, когда я закончил разговор.

— Жену свою. Ты сварил бульон?

— Да скоро готов уже будет. Зелени добавлю, и порядок.

Чужой компьютер больше не интересовал меня, и мы направились на кухню. Там на газовой плите стояла большая кастрюля, в которой кипела... вторая треть вчерашнего куска свинины.

— Елки-палки, ты что натворил? — воскликнул я. — У тебя кубиков бульонных не было, что ли?!

— Так с мясом же лучше бульон получится. Надо было картошки добавить, но лень чистить, — сказал Сырник.

— Мясо! Это же вырезка свиная, парная! Из нее можно шашлыки сделать, лангеты, а ты на бульон пустил!

Хоть и не стал я пока что кулинаром-практиком, но в теории кое-что понял, читая умные кулинарные книги. И уже понимал, что варить бульон из парной свиной вырезки — это почти что преступление.

Сырник порезал зелень, лук, бросил в кастрюлю. Аромат вареного мяса был еще более ощутимым, чем вчера.

— Если все будет нормально, поеду за своими, куплю в деревне свинины, тогда и устроим шашлыки на даче. Ты обязательно Владимир Васильича пригласи. А пока будешь жрать, что дают. Я тебе не ресторан.

Пришлось придушить в себе возмущение компетентного кулинара. Тем более что бульон получился вкусным и наваристым. А вареное мясо из него — не хуже лангетов. Ну так чего ж злиться на расточительного Сырника? Нужно обедать.

Радиотелефон в квартире Сырника можно было включить на громкую связь.

— Давай, — сказал я Сырнику. — Это телефон финансового директора, Барабулина. Его, понятное дело, нет на рабочем месте, но кто-то должен замещать. Скажи то, что написано на бумажке, никаких импровизаций.

— Написано... Ты-то сам понимаешь, какую хренотень написал? Объем производства — сто двадцать пять миллионов, что это значит?

— Откуда я знаю? Нам нужен адрес съемочной группы, которая была в Крыму.

— Зачем тебе это? Я ж сказал — надо позвонить Ярмонову, объясниться.

— Потом поедем посмотрим. Звони.

Сырник набрал номер, презрительно глядя на меня. Он не сомневался, что нужно звонить Ярмонову и выкладывать карты на стол, хватит трупов. А потом искать водителя и племянника Лилии Георгиевны Васю, потому как сотрудники СБ нефтяной компании не похищают девушек при помощи палки, найденной в роще. Им и пистолеты не нужны, есть более действенные методы, более эффективная спецтехника, проходили. Может, он и прав, но я продолжал проверять свою фантастическую версию.

— Але, девушка, — сказал Сырник. — Я генеральный директор фирмы «Ключ». У нас это... объем сто двадцать пять миллионов, надо бы поднять за счет рекламы.

Я наклонился к аппарату, чтобы не пропустить ни слова из ответа «девушки». Сырник был не слишком убедителен, и его могли просто по-

слать.

— Очень хорошо, — ответила девушка. — Мы можем организовать вам наружную рекламу в пределах Садового кольца. Подъезжайте в наш офис...

— Наружную! — громко прошептал Сырник, хотя зажимал микрофон рукой. Я покачал указательным пальцем. Ну зачем нам наружная, когда нужна телевизионная. — Девушка, нам надо бы, чтоб в телевизоре показывали, вы же занимаетесь этим. Надо, чтоб на всех каналах было...

— К сожалению, в последнее время мы мало занимаемся телерекламой. Только в крайних случаях и с предоплатой сто процентов. Но можем предложить вам наружную рекламу в самых респектабельных местах города.

— Да? Это, конечно... — сказал Сырник и уставился на меня. Упрямая девушка сидела на телефоне. Я снова покачал пальцем, мол, нам нужно другое. — Девушка, нас интересует реклама на телевизоре, в смысле, телевидении. Готовы заплатить, предоплата и все такое в норме. А у вас что, проблемы с этим?

— Никаких проблем нет.

— Я слышал, вы работаете с этим... ну, который был в Крыму... Так он же никому не известен.

— Кадкин? Да, мы работаем с ним, очень приличный режиссер, зря вы так отзываетесь... Подъезжайте в офис, поговорим конкретно. Всего вам доброго.

— Ну и что? — спросил Сырник, положив трубку. — Поедем в офис или как?

— Похоже, эта фирма переживает не лучшие времена, — сказал я. — Ладно, посмотрим, что это за режиссер Кадкин.

Я включил компьютер.

— У тебя есть база данных на деятелей шоубизнеса?

— Где-то была.

— Давай, мне нужны координаты этого Кадкина, срочно! Туда и поедем.

— А на хрена? Мы должны девчонку спасать, а не каких-то там режиссеров выискивать!

— Мы должны делать то, что должны, — сказал я.

Оказывается, не совсем. Пока я занимался поиском режиссера Кадкина в базе данных, в моем мобильнике прорезался голос Артемова.

— Андрей, менты достают меня, — сказал он. — Кто-то звонил, выяснял адрес моей творческой группы. А может, и не менты, а те, кто...

Ну да, я же сам попросил его звонить, если что.

Отпираться было бессмысленно, рано или поздно Сырник окажется в офисе, девушка узнает его голос, и тогда возникнет недоверие. Если уж мы на одной стороне баррикад, в чем я начал сомневаться, то должны быть откровенны. Но девушки в его офисе знают свое дело! Сразу сообщили начальнику о звонке!

— Это не менты, Роман, и не бандиты. Олег звонил по моей просьбе.

— А что тебя интересует? Мог бы у меня спросить.

— Не хотел беспокоить. Мне хочется поговорить с людьми, которые были с тобой в Крыму. С творческой группой.

— Зачем?

— Ты сказал, что девушки хотели, а ты — нет. Обиженная женщина на многое способна, понимаешь? Мне хотелось бы самому понять, что там к чему.

— Да нет проблем, — после некоторого замешательства сказал Артемов. — Я выясню, где Кадкин, и дам тебе его координаты.

Я поблагодарил бизнесмена, на том и распрощались. А адреса режиссера в базе данных Сырника не было, видимо, и вправду не ахти какой известный. Точнее, совсем неизвестный режиссер. И

это подтверждало мою догадку, что дела фирмы «РЕКАРТ» идут далеко не блестяще. Я знал, что наружной рекламой занимаются несколько солидных фирм, и они вряд ли уступят часть своей доли. Сырник скептически поглядывал на меня, ожидая объяснений.

— Понимаешь, Олег, — сказал я. — Похищение Марьяны могли организовать девушки, отвергнутые Артемовым.

— Ага, и они же выследили, куда она поедет и когда, — мрачно хмыкнул Сырник. — Тогда это не девушки, а... черт знает что! Театральное ФСБ!

Я тоже так думал, но не стал говорить об этом Сырнику. Тогда бы пришлось объяснять, для чего он звонил в фирму и что все это значит. Я и сам всего этого не знал. Минут через пятнадцать перезвонил Артемов.

— Андрей, я нашел Кадкина, запиши номер его мобильника. Он готов встретиться с тобой и рассказать все, что нужно.

— Спасибо, Роман, — я записал номер телефона.

— Вот еще что... Андрей, ты говорил, что Гек... Нужно начинать с него. Он все знает, он должен сказать. Немедленно нужно начинать!

— Хорошо, Роман, я подумаю. Если решу взяться

за него — скажу тебе. Но это будет ближе к вечеру. Созвонимся.

Я без проблем связался с Кадкиным, неизвестный режиссер был на «Мосфильме», что он там делал — одному Богу известно, но согласился встретиться со мной у входа, чтобы не тратить лишнюю энергию, заказывая мне пропуск.

Похоже, его просто некуда было заказывать.

Через десять минут мы сели в «копейку» Сырника и поехали на Мосфильмовскую. Режиссер Кадкин ждал меня у проходной знаменитой киностудии. Был он небрит, волосат, с большим, мясистым носом и нездоровым румянцем на щеках. Ну, это, учитывая мутные глаза, вполне понятно.

— Господин Кадкин? — спросил я.

— Нуда... А вы тот самый... Кораллов, что ли?

— Корнилов, но — тот самый.

— Понятно. И что вам нужно?

Не понравилось мне выражение его лица. Спрашивал, а сам уже знал, что нам нужно, и ответы на все мои вопросы тоже знал. Почему?

— Владимир Афанасьевич, вы работали с рекламным агентством Романа Артемова, так? Снимали клип в Крыму.

— Ну, работал.

— Погода была хорошая?

— Не очень. Когда как. А в чем, собственно, дело?

— Роман Артемов присутствовал на съемках?

— Конечно.

— Вы вместе вернулись в Москву?

— А это вы у него самого спросите.

— Спрошу, обязательно. Меня интересуют девушки, которые снимались в клипе.

— Девушка была одна, и она не хочет, чтобы ее имя тиражировала «желтая пресса». Она серьезная актриса, так что...

— Не скажете?

— Извините, не могу. А в чем, собственно, дело?

— А в том, что жена Артемова похищена. И к этому может быть причастна девушка, которую вы покрываете. И значит, вы тоже. Это серьезное дело, как минимум, пять лет строгого режима вам обеспечено в случае дачи ложных показаний.

Он не слишком опечалился, напротив, оживился, с интересом взглянул на меня.

— У Романа жену сперли? Так чего он переживает?

— То есть?

— Ну... мужик молодой, богатый, их у него куча,

так и вьются вокруг.

— С той актрисой, что снималась в клипе, у него что-то было? Интимная связь?

Режиссер, только что утверждавший, что вокруг Артемова постоянно вьются женщины, мигом превратился в скромного незнайку.

— Я свечку не держал, спросите у него сами.

— Спрашивал, говорит, ничего не было.

— Значит, не было. А у меня, похоже, будет... — Кадкин заметно погрустнел.

— Что вас огорчает?

— Да что! Говорили, что у его фирмы проблемы, но я согласился работать за скромный, так сказать, аванс. Артемов обещал расплатиться, как только сдадим клип. Но теперь же у него проблемы, жену, видите ли, сперли! Поди попробуй заикнуться об оплате, злодеем окажешься!

— Кто говорил, что у него проблемы?

— А кто все это говорит? Бабки у подъезда! Все, начальник, больше ничего не знаю, И времени у меня нет.

— Если хотите, поговорю с Романом о вашем гонораре, — сказал я.

Кадкин вскинул голову, с ужасом взглянул мне в глаза.

— Вы что, совсем?.. Какой дурак со мной рабо-

тать станет, если я через органы деньги выбивать стану? Нет, ничего не надо, я сам решу свои проблемы. До свидания.

И он затрусил к проходной «Мосфильма». Что ж, невеликие режиссеры всего боятся, это верно. Однако не слишком ли он был скрытным? Хотя... утверждение, что Артемов мог не переживать по поводу пропавшей жены, поскольку вокруг него постоянно вьются дамы, весьма интересно. Вокруг примерного семьянина виться не станут.

— Ну и что? — спросил Сырник, когда я сел в его «копейку». — Ты доволен?

— Не совсем.

— А на хрена тогда ездили, бензин тратили?

— Работа у нас такая, — сказал я. — Куда-то ездить, что-то спрашивать.

Глава 17

Мы ехали в Крылатское, я решил наведаться домой. Рискованный шаг, но, во-первых, если на нас не напали у подъезда дома Сырника, вряд ли это сделают у моего подъезда, там куда многолюднее и уйти сложнее. Во-вторых, мы были готовы к нападению и отлично знали местность. Ну а в-третьих, видеокамера на карнизе в моей квартире могла сообщить много интересного, только нужно было взять кассету и поставить новую.

В дороге я напряженно обдумывал ситуацию. Итак, что мы имеем? Ярмонов изнасиловал Марьяну, это факт, я видел своими глазами, как было дело, да и Лилия Георгиевна сразу узнала мужа. Старушку убили вскоре после того, как она потребовала у него акции в обмен на молчание. Копий было несколько, одну не нашли, явились ко мне с угрозой и предупреждением — тут все понятно. Марьяна ссорится с мужем после странного телефонного звонка и уезжает, ее пытаются похитить... Допустим, хотя, как говорится, возможны варианты. Убийство Барабулина можно втиснуть в эту схему. Он знал сотрудников службы безопасности Ярмонова,

открыл им дверь, оставлять в живых опасно. Но зачем было убивать вторую старушку? По той же причине, что и Барабулина? Возможно, да только не верилось, что сотрудники солидной фирмы способны совершить такое количество убийств. Ставка, конечно, высока, Ярмонов нервничает, требует решительных действий, но можно и не убивать. Профессионалы знают, как действовать, чтобы и следов не оставить, и лишнюю кровь не пустить, тем более — невинной старушки. А там же профессионалы. Обо всем этом я думал раньше, но теперь добавились новые факты. Исчезновение Марьяны, еще одно убийство, более чем странное, и следы Васиных кроссовок на даче отца. Невнятное бормотание режиссера, из которого следует, что Артемов соврал насчет своего более чем целомудренного поведения в Крыму. Как все это сопоставить с прежней версией?

Вася работает на Ярмонова? Тогда он должен знать, где пропавшая копия, Лилия Георгиевна полностью доверяла ему и, скорее всего, через него действовала, укрывая компромат на мужа. Тогда он должен знать, что у меня ее нет. Почему Ярмонов наезжал на меня? А если это не Ярмонов? Тогда кто?

В то, что Вася главарь крупной банды, я не ве-

рил. Ярмонов бы знал об этом и вряд ли оставил водителем своей жены. Не главарь, но в одиночку шантажировать главу крупной нефтяной компании мог только дурак, а Вася таковым не являлся. Что он делал на даче? Как узнал, что Марьяна там?

«Все не так, как надо»... Что же касается моей фантастической версии — ее не подтвердила встреча с режиссером, но, как говорят журналисты, и не опровергла. Удариться в поиски актрисы, которая снималась в клипе, глупо. Найду, она скажет примерно то же, что и режиссер. А вернее, что прикажет Артемов, а того понять можно — после всего, что случилось с женой, ему совсем не нужно казаться бабником.

И никаких концов... Правда, был еще Гек, принимавший участие в изнасиловании. Он принес Марьяну в спальню Ярмонова. Отвез потом домой, и не факт, что не тронул. Девушка была в отключке, он мог видеть то, что происходило в спальне, возбудиться... Гек! Пожалуй, Артемов был прав, и нужно как-то подобраться к этому Геку.

— Приехали, — сказал Сырник, останавливая «копейку». — Значит, как договорились. Идем кругом, через сквер, детскую площадку, я — в

подъезд, ты остаешься в кустах, прикрываешь. Не думаю, что они торчат тут днем, а если торчат — им же хуже.

— Ты знаешь, где видеокамера, чистая кассета лежит в нижнем ящике стола. Заменишь, и назад, с отснятой в кармане.

— Нет, я ее в ширинку засуну, — пробурчал Сырник.

— Она маленькая, не заметят. Там же, в ящике, возьмешь кассету-переходник, ее можешь засунуть в ширинку, женщины будут рады познакомиться с суперменом. Пошли.

«Копейку» мы оставили у дома, где жил писатель Новиков. Я посмотрел вокруг, не ездит ли он где-то поблизости на своем мотоцикле «Хонда»? Не заметил. Ну и правильно, что не ездит, я ж ему говорил, что один творческий работник катался тут на мотоцикле и что из этого получилось.

Мы сделали крюк и вошли во двор моего дома, миновали детскую площадку, ничего подозрительного не заметили. Я остался в кустах сирени напротив своего подъезда, а Сырник, стиснув челюсти, пошел к подъезду. Если за железными дверями скрывался злоумышленник, я ему не завидовал. Очень хотелось, чтобы он там скрывался, иногда злоумышленники полезны бывают.

Но нет, моим мечтам в который уж раз не суждено было сбыться. Сырник спокойно (если можно назвать его состояние спокойным) поднялся в мою квартиру, сделал все, что должен был сделать, и вернулся. Он уверенно прошагал сквозь сиреневые кусты, всем своим видом предлагая мне следовать за ним. Оно и понятно — почувствовал человек уверенность!

Добраться до «копейки» не составляло труда, и мы отправились к Сырнику домой, смотреть, что там записала камера, фиксировавшая события у моего подъезда. Вопреки своему обещанию, Сырник положил отснятую кассету все-таки в карман куртки.

— Слушай, Андрюха, как ты думаешь, этот старик опять ее трахает? В смысле — девчонку? — спросил Сырник.

— Не думаю, — сказал я. — Вряд ли он сейчас вообще кого-то может трахать, а тем более Марьяну.

— Убьют?

— Но не сразу. Нужно создать видимость похищения, позвонить Артемову… Кстати, не понимаю, почему до сих пор не позвонили ему?

— Не верю я, что он в Крыму не трахал артисток. У него на морде написано — чем больше

баб, тем лучше. А что — бабок до хрена, телки на них западают, артистки всякие от него зависят, он привык к этому и каждую считает своей. А нет — ну так и гуляй, Маруся!

В душе примерный семьянин, Сырник просто ненавидел бабников. Он точно знал, что все женщины устроены одинаково, ничего особо удивительного даже у самой красивой нет, а значит, и бегать за каждой юбкой — глупо. Нужно любить жену, растить детей и все такое. Правда, собственная жена не раз доказывала ему, что жить с одной женщиной сложно, и он изменял своим принципам, но — по необходимости. А чтобы добровольно за каждой юбкой — ни-ни. Ну а те, к кому каждая юбка обязана прийти сама, — были его злейшими врагами. После насильников.

Мы внимательно просмотрели запись и поняли, что возле моего подъезда крутились те парни, которых мы с Васей побили в ночь с первого на второе июня. И однажды там появилась тяжелая фигура самого Гека. Видимо, хотел убедиться лично, что меня нет дома.

— Это он привез и отвез Марьяну? — спросил Сырник.

— Да.

— Трахнул ее потом, можешь не сомневаться.

Морда уж больно сволочная. Такой не упустит своего, если баба в отключке. Ты говорил, старик ни хрена не может? Так не старик же ее охраняет теперь?

Вполне реальная версия. Мне стало жаль Марьяну. Когда ничего не помнила — еще куда ни шло, а теперь...

— Ну что, Андрюха? Какие дела дальше?

Дальше хотелось выпить водки, закусить вареным мясом из супа. А еще лучше — поехать к Насте и остаться в ее роскошной спальне. Обнимать красивую женщину, целовать ее... Но все это было в какой-то другой жизни. В этой же — Насте не было места, пока. Звонок мобильника вывел меня из состояния глубокой задумчивости.

— Да?

— Андрей, это Борис Мелков. Я только что встречался с Ярмоновым.

— И что?

— Он весьма опечален последними событиями. Считает, что некие бандиты «наезжают» на него. Сочувствует Артемову, хотел с ним встретиться, звонил, но того нет ни дома, ни в офисе, а мобильник не отвечает.

— Сердобольный старичок, — с иронией сказал я.

— Да нет, он вполне серьезно. У него самого...

— Я знаю.

— Произвел на меня самое благоприятное впечатление. Понимаешь, что это значит? Я не первый год в органах. Заверил, что все его люди брошены на поиски секретарши.

— Понятно, спасибо, Борис, — поблагодарил я следователя. Видел бы он ту запись, мигом отказался бы от своего впечатления и задумался над своим опытом. Но ничего такого я, естественно, не стал ему говорить.

— И что? — спросил Сырник.

— Нужно посмотреть, что делает Гек, — сказал я.

Гек, или Геннадий Синицын, бывший сотрудник 3-го Отдела ГРУ, занимался своими прямыми обязанностями, то есть охранял босса. Как он его охранял — неизвестно, поскольку войти внутрь офиса на улице Академика Сахарова я не мог. Но в том, что охранял, я не сомневался. Роман сказал, что у него синий «Форд». Когда Гек сопровождает хозяина в его машине, «Форд» следует за ними, его ведет один из оперативников, а если «Форд» стоит у офиса, значит, и Гек, и хозяин там.

Синий «Форд» с соответствующим номером и вправду стоял среди других автомобилей пе-

ред офисом, поэтому я не сомневался, что Гек занимается своими прямыми обязанностями. Интересно, а какие у него обязанности в офисе? Там ведь и так все под контролем. Наверно, сидит в отдельной комнате, смотрит телевизор, пьет чай или кофе, а может, йогурт, и ждет команду «поехали». Не в космос, разумеется, а домой или на встречу с партнерами по бизнесу.

Мы с Сырником сидели в его «копейке» и посматривали в бинокль на офис. Машина стояла примерно там же, где и моя «Ауди» два дня назад, и вид из нее открывался все тот же. В офисе и во дворе кипела бурная жизнь — въезжали машины, выезжали, выбегали из здания сотрудники, вбегали, иногда — степенно входили и выходили, наверное, это были не сотрудники, а партнеры или руководители компании.

— На хрена ты сказал Артемову, что мы будем следить за Геком? — недовольно спросил Сырник.

— Он сообщил нам кое-какие сведения, без них мы бы не поняли, на месте Гек или нет.

— Тогда нужно было поручить это дело ему. Он же бизнесмен или кто, е-мое? Имеет своих людей, охранников, вот пусть и работают, ищут его жену! Какого хрена он сидит и ждет... С такими-то

бабками?

— Его люди и машины тут, скорее всего, известны. Кроме того, должен быть звонок с какими-то условиями.

— А мою тачку не знают, да?

— Будем надеяться, что ее упустили из виду. Но ты можешь в любой момент выйти из игры и поехать домой или на дачу к любимой теще.

При упоминании о теще Сырник болезненно поморщился и замолчал. Время близилось к семи, накрапывал дождь, и вечер был похож на продолжение хмурого дня. Роман сказал, что Ярмонов задерживается в офисе до девяти, значит, ждать еще и ждать. На что я надеялся? После того как Гек проводит босса домой, может заняться решением проблемы Марьяны. Он был на даче, он участвовал в этой игре самым активным образом. А если босс поручит, может и раньше поехать туда, где держат девушку, и приведет нас к ней. Но это — если мне повезет, на что я, честно говоря, не рассчитывал. Но как бы там ни было, нужно было ждать.

— «Ярнефть»... недовольно пробурчал Сырник. — Понимай — нефть Ярмонова. Слышь, Корнилов, а де наша нефть, а? В смысле — моя, твоя, тещина?

— Мне она ни к чему.

— А им нужна, да? Чтобы огромные бабки иметь? Я лично не против этого, как и ты. Ну так де наша нефть, а? Все были равные, все было народное, а теперь у одних нефть и миллионы, у других ни хрена. Это же несправедливо.

— Мир вообще устроен несправедливо, — сказал я.

— Да я это понял. Знаешь, вспомнил старый анекдот. Приезжает одессит в Ленинград, смотрит, а там, под названиями магазинов указано «Ленмясо», «Ленрыба», «Ленмолоко». Он подумал и сказал: теперь понимаю, почему в Одессе ни хрена нет. У нас же эти организации звучат, как «Одерыба», «Одемясо», «Одемолоко»? В смысле — а де молоко?

— А де твоя нефть, я не знаю, — сказал я. — Надо было бизнесом заниматься.

— Может, подскажешь, как? — ехидно спросил Сырник.

— Не подскажу. По-моему, самое время позвонить Насте, чувствую, обижается на меня, а это нехорошо.

— А может, Алине? Она тоже обижается. Ленка уже нет, но обрадуется, если звякнешь. И Наташа обрадуется, — стал перечислять Сырник.

Обиделся, что нефти не дали, а издевается надо мной. Но я не обращал на него внимания, достал мобильник, стал набирать номер салона красоты на Кутузовском, да не успел.

— Андрюха, Гек садится в свою тачку! — почему-то шепотом сказал Сырник.

Какие уж тут разговоры с Настей? Я взял бинокль, посмотрел на синий «Форд» во дворе офиса. Он медленно выезжал со стоянки, направляясь к железным воротам. Черт побери, неужели повезло? В кои-то веки говнюк приведет меня к девушке, мы освободим ее без проблем и его прихватим с поличным. А там и поторговаться можно будет! Даже нет — сразу можно Гену Басинского с опергруппой вызывать, пусть они берут!

«Форд» вырулил на проспект и рванул в сторону Садового кольца. Сырник — за ним.

— Что думаешь, Андрюха? Он едет к ней?

— Посмотрим.

— Ну, падла! Дай только добраться до тебя! — прорычал Сырник, сжимая баранку так, что пальцы побелели.

Он еще кое-что добавил, но повторить его слова не представляется возможным, как любит говорить писатель Новиков. Он так отвечал без-

дарным поэтам, работая в «Литгазете». «Форд» миновал Садовое кольцо и двинулся по прямой в сторону трех вокзалов. Я больше всего опасался, что мы потеряем его в густом потоке машин — час пик все-таки.

— Не отставай, Олег, не упусти.

— Куда он, на хрен, денется!

Действительно, чего это я беспокоюсь? Разве может какой-то задрипанный «Форд» уйти от нашей доблестной «копейки»?

Он ушел через две минуты. Быстро, уверенно, и туда, где уже никто и никогда не догонит. Оранжевое пламя взметнулось над синей иномаркой, послышался глухой удар, повалил черный дым. «Форд» вильнул в сторону обочины и, теряя скорость, перескочил бордюр, ударился носом в фонарный столб. Движение застопорилось, машины, следующие сразу за ним, рванули вперед, дабы уехать подальше на случай второго взрыва, другие тормозили, прижимаясь к обочине. Сырник тоже ударил по тормозам, выскочил из «копейки» — кстати, не он один выскочил из машины. Но если другие водители отходили подальше, то Сырник направился к «Форду».

— Назад! — заорал я. — Быстро в машину!

— Так он все-таки ушел, падла...

— Поехали, нам тут делать нечего.

«Копейка» медленно прокатилась мимо горящего «Форда». Если что-то осталось от Гека, оно горело злым, оранжевым пламенем. А я и не надеялся, что мне повезет.

Мы выехали на площадь трех вокзалов.

— Что дальше? — спросил Сырник. — Кто его убрал, падлу? Твой Вася? Но как?!

— Тот, кто убрал, был где-то рядом, но мы не можем его вычислить. Радиодетонатор. Такую машину чужие люди не могли начинить пластидом. Значит, Григорий Ильич решил избавиться от свидетеля. Я допускал такую вероятность, но не думал, что это случится на моих глазах...

— На моих тоже... Домой?

— Поехали, надо подумать, что все это значит.

Глава 18

— Я устала от всего этого! — кричала в трубку Настя. — То убита соседка Ярмонова, то похищена его секретарша, я только и делаю, что смотрю новости да криминальные передачи! Смотрю и трясусь от страха, жду, вот-вот про тебя скажут. Ты можешь приехать хоть на пять минут в мой салон?

Она еще не знала о гибели личного телохранителя Ярмонова! Но я не собирался сообщать ей об этом прискорбном известии. Узнает из новостей.

— Обязательно скажут, Настя. Может быть, орденом наградят... посмертно, — сказал я, подражая голосу Юрия Никулина. — У тебя все нормально?

— Ты считаешь, что это нормально?! Я однажды уже пережила такое и лишилась мужа! Второй раз — это уж слишком!

— Чтобы второй раз лишиться мужа, надо каким-то образом его заиметь, — напомнил я. — Так что можешь не бояться.

— Спасибо за совет, придурок несчастный, идиот! — завопила Настя. — Да я... видеть тебя не желаю, и чтоб не приезжал ко мне больше!

Я никак не мог вспомнить, грозился ли приехать туда, где меня не ждут, или еще не успел? Ну да ладно, дело не в этом.

— Придурок — согласен, ты права, идиот — в самую точку попала. А вот с тем, что несчастный, не могу согласиться. Если такая женщина переживает за меня — какой же я несчастный? Ну да, есть проблемы, так они просто мелочи по сравнению с тем, что красавица Настя думает обо мне.

— Не буду думать! — заявила она и... фыркнула в трубку. Похоже, сдерживала смех.

Уже легче стало на душе. Я специально дурачился, чтобы не объяснять ей — приехать не могу в целях ее же безопасности. Если б мог, что бы я делал у Сырника?

— Правильно, — одобрил я ее заявление. — Думай лучше о том, как я к тебе не приеду.

— Если такое случится, я тебя сама убью. Задушу своими собственными пальцами! Помнишь, ты говорил, что они ласковые и теплые? Так вот — они станут жестокими и холодными!

— Тогда я приеду. Уже собираюсь, только вот найду скафандр по размеру, проделаю отверстия в нужных местах, нарисую стрелочки, чтобы знала, куда можно свои пальцы запускать, а куда нет, — и к тебе.

— И куда же будет можно, как ты полагаешь? — язвительно поинтересовалась Настя.

Я понял, что жестокие и холодные пальцы лучше к горлу подпустить, чем куда-то еще. И призадумался.

— Андрей, хватит дурачиться! Давай уедем в Испанию месяца на два? У меня там домик есть неподалеку от Барселоны. Пошлем к е... матери твою фирму, свою передам... — Я плотнее прижал трубку к уху, дабы Сырник не услышал ее голос. Мне самому не нравится, когда женщины употребляют крепкие выражения, но что поделаешь, в деловом мире это вроде как признак состоятельности и уверенности в себе. Жаль, конечно, да исправлять ситуацию поздно, я это понимал и реагировал спокойно, а вот примерный семьянин Сырник злился, когда слышал из уст женщины непечатные выражения.

— Решено, — сказал я. — Поедем в твой домик и будем там отдыхать два месяца. Не возражаешь, если я напарника с женой приглашу? Он парень спокойный, а жена у него — просто лапочка.

— Конечно, поедем все вместе. Андрей, когда я тебя увижу?

— Как только — так сразу.

— Ты совсем ничего не понял, дурак!

— Понял, Настя, понял. Люблю тебя, все, пока.

Сырник внимательно слушал наш разговор, вернее, мой монолог, а когда он закончился, презрительно хмыкнул.

— И как им может нравиться такое трепло — не понимаю. Неужто она верит, что ты ее любишь?

— Хорошо, что ты сомневаешься в этом, а не она, — сказал я. — Продолжай в том же духе, не обижаюсь.

— Да ну? Я-то знаю, как ты другим бабам вешал лапшу на уши, и знаю, сколько их было. Вагон и маленькая тележка.

— Представляю, что с тобой бы сталось, если б ты знал обо всех моих «тележках». А кстати, кто «вагон»?

— Понятное дело — Наташа. Крутая до невозможности, но красивая баба. Я ее зауважал.

— Я тоже уважаю Наташу, а нравится мне сейчас Настя. Чем ты недоволен, дорогой напарник?

— Дуростью твоей! Нет бы жениться и быть как все, так он постоянно выпендривается. Ну расскажи, что за краля, я ж ее ни разу не видал. Блондинка?

— Просто красивая женщина, за тридцать ей, вдова, хозяйка модного салона на Кутузовском, ездит на «Мерседесе», правда, не на шестисотом,

но машина хорошая. Помнишь, я тебе рассказывал — подвезла меня?

— Ну, тогда понятно, — с тоскливой усмешкой произнес Сырник. — Если на «мерсе», тогда можно и про любовь говорить.

— Не надо ерничать, — сказал я. — Настя много пережила, понимает, что к чему. И я должен был ее успокоить.

— Алина тоже не бедная.

— Кстати, у Насти домик в Испании, приглашает нас туда. Море и апельсины гарантированы. Твоей Людке понравится.

— Настя, конечно, много пережила... — совсем затосковал Сырник, даже домик в Испании его не взбодрил. — А моя Людка ни хрена не переживает, даже позвонить не соизволит... Слушай, тебе не кажется, что мы живем в каком-то неправильном мире?

— Я об этом не думал.

— А ты подумай! Что за дерьмо кругом творится? Кто они все такие, эти правители, хотя бы наши? Барахло! Я не говорю о президенте, единственный нормальный мужик, но другие? И — правят! А нормальный, честный человек, что бы ни делал — ни хрена не получит. Почему? Смотришь телевизор, а там эти рожи, обрыдли

— дальше некуда! Почему эти говнюки вроде Ярмонова, которые нефть продают и девчонок насилуют, живут и процветают, а хорошие люди умирают в нищете? Вон, Леонов, какой был артист! Все его любили. А у него денег на вторую операцию не хватало. Да он миллионером должен быть, и я бы только радовался этому! А как же иначе? А у нас кто в миллионерах ходит?

Понесло напарника, с ним это часто бывало. Вроде живет нормально, крупные гонорары нам перепадали, мы их честно пополам делили, да и по мелочи, вроде случая с Пежо, грех жаловаться, а вот поди ж ты! Никак не может человек успокоиться после реформ товарища Гайдара. Меня эти проблемы не волновали, жил сам по себе, надеялся только на себя, а Сырник все переживал, что нефти ему не дали и миллионером не назначили.

Меньше всего мне хотелось говорить сейчас о высоких материях. Хотя его можно было понять — человек высоконравственный, а толку от этого — ноль. А говнюк Ярмонов миллиардами ворочает. Сырник прав, да толку от осознания этой правоты? Одна нервотрепка. В это время зазвонил телефон. Сырник взял трубку.

Постепенно разгладилось искаженное гневом

лицо.

— Нормально, — сказал он. — Нет, это не имеет к нам отношения. Да просто дежурим с Андреем... Слушай, Люд, а может, махнем потом в Турцию, а? Девчонок оставим у матери, им там нравится, а сами... Да, об этом и думаю. Так ты не против? Ну, отлично, договорились. Все у вас там нормально? Я тебя тоже.

Звонила, конечно же, супруга Сырника, Люда. Теперь можно надеяться, что Сырник забудет о своих глубокомысленных идеях и переживаниях и задумается о нашем деле. Иногда ему в голову умные мысли приходили.

— Кажется, ты тоже признавался в любви? — спросил я.

— Так это жена.

— Вот и позвонила, а ты дергался. Мог бы про Испанию ей сказать. Домик в испанской деревне — это тебе не Подмосковье. Там пальмы, апельсины, море...

— Ты к своей богатой бабе сам езжай, понял? У меня есть бабки на Турцию, могу себе позволить, — сурово сказал Сырник. — А быть нахлебником у этих... не хочу!

Похоже, не на шутку задело его, что Настя хозяйка модного салона и ездит на «Мерседесе».

Потому как это был явный перебор, по его мнению. Отец у меня почти олигарх — ладно, много красивых женщин — смирился, машина «Ауди» — пусть будет. Но дама на «Мерседесе» и с домиком в испанской деревне — это уж слишком, точно перебор.

— Ладно, — сказал я. — Постараюсь уговорить ее поехать в Турцию. Лучше все-таки вместе.

— Ну, так давай, хренов сыщик, думай поскорей, как нам выпутаться из этого дерьма. Я хочу в Турцию, Людка тоже. Все.

— Я сейчас не сыщик, а человек, загнанный в угол. Отбиваюсь, как могу.

— Ну и что ты можешь? Как отбиться от Ярмонова?

— Понятия не имею. Какие мы, к черту, сыщики, если не имеем доступа к данным? Кто приходил к одной старушке, кто приходил ко второй... Какие люди общались с Геком перед его поездкой, куда он направлялся... Ни черта мы не знаем.

— Ну так узнай! Ты же Корнилов!

Хоть я и был Корниловым, а ничего не мог придумать. У меня была версия, и ее подтверждали три факта. Косвенно, разумеется, подтверждали. 1, 2 и 3 — все сходится. Но я не говорил об этой версии Сырнику, ибо ее разрушали много

других, вполне достоверных фактов. А именно — в спальне был Ярмонов. Он главный мой противник. Странно, что до сих пор не предпринял никаких решительных действий против меня. На волне статей и заявлений о том, что идет передел собственности, Ярмонов умело убирал свидетелей. На кассете Гек, но его уже не спросишь. На кассете Марьяна — она, похоже, ничего не скажет. Лица Ярмонова не видно. Лилия Георгиевна сразу узнала тело мужа, голос, но и она ничего не скажет. Даже если копия записи объявится — докажут, что подделка, фальсификация. Татуировки можно свести, экспертов купить... Вот уже и недосягаем для следствия товарищ, вернее, господин Ярмонов. А я для его мести — вполне досягаем.

Но не спешит ведь мстить! И жила, жила в моем мозгу странная, почти фантастическая версия. Иногда бывает — две версии объясняют две цепи фактов, а вместе не соединяются. А если попробовать, что получится? «Коктейль Молотова»...

Нужны новые факты, нужна информация. Любая, все равно упадет либо на ту, либо на другую чашу весов, то есть упрочит одну или другую версию, и тогда нужно будет срочно определиться и действовать.

— Поехали, — сказал я Сырнику.

— Куда?

— К офису Ярмонова.

— А там что? Да и на хрена нам «светиться»? Недавно были, нас могли засечь, когда ехали за Геком.

— Возьмем любого сотрудника и поспрашиваем. Желательно высокопоставленного, который в курсе всех дел. С Геком не получилось поговорить, выберем другой объект для разговора.

— Высокопоставленного? На морде у них написано, кто начальник, а кто нет?

— На марке машины. Отсюда и будем скакать.

Сырник еще минут пять бурчал, что все уже давно разъехались по домам, у офиса полно ментов, понятно, что ему никуда не хотелось уже ехать. Мне тоже, но что поделаешь? Работа у меня такая. У Сырника тоже.

И снова мы заняли позицию неподалеку от офиса «Ярнефти». Особой суеты там не наблюдалось, однако, несмотря на позднее время (была уже половина десятого), во многих окнах горел свет, а на стоянке красовались представительные иномарки. Похоже, Ярмонов проводил экстренное совещание на тему «Как нам жить без верного Гека?». Все выступали, возмущались беспределом,

который творится в России, требовали немедленно найти и сурово наказать бандитов, а Ярмонов слушал и довольно потирал руки (под столом, чтобы никто не видел). А может, все было совсем не так, если б меня пригласили, рассказал бы точно, атак... могу лишь предполагать.

Смеркалось, мелкие капли дождя нехотя барабанили по крыше «копейки». Низкие серые тучи никак не хотели разродиться здоровым ливнем, хоть ненадолго прибить к земле тяжелую духоту, накрывшую вялый город. Толи влагу они, тучи, экономили для полей и огородов, считая, что в городе и поливальные машины могут справиться с духотой, то ли не имели этой влаги в достаточном количестве. Кто его знает, может, над Россией и тучи такие же, как экономика, где надо позарез — худосочные, а где уже не надо — невероятно толстые и щедрые.

— Самую крутую тачку будем брать? — спросил Сырник.

— Если в ней двое, нет. С охраной дела иметь не стоит. Ориентир — любая приличная тачка, в которой, кроме водителя — никого.

— Понятно. А что ты хочешь узнать? Есть какие-то определенные версии?

— Сразу две. Узнать хочу все, что можно, сейчас

любая информация на вес золота.

— Ладно, поверю тебе...

Сырник долго молчал, раздумывая о своем, наболевшем, а потом прояснил тему своих глубоких раздумий:

— Слышь, Андрюха, почему красивые девушки делают себе силиконовые груди?

— Хочется им, вот и делают, — ответил я. — Тебе-то что?

— Да нет, понимаешь, я иногда смотрю всякие там эротические передачи ночью, когда Людка спит. Там красивые девушки ходят, раздеваются...

— А ты на них смотришь?

— Что в этом такого?

— И не хочешь разбудить жену и посмотреть на нее?

— Как же ее разбудишь? Она устала, завтра вставать рано, девчонок в школу собирать, и вообще... Разозлится, орать начнет, нет, я лучше посмотрю телевизор.

Я однажды был женат и быстро развелся — не сложилось. Но второй раз не спешил жениться совсем не потому, что первая попытка была неудачной. Рассказы Сырника о семейной жизни у кого хочешь отобьют охоту обзаводиться

семьей. А кому нужна такая семья, если рядом лежит почти голая женщина, а мужик смотрит эротическое шоу и глотает слюни? И не может потревожить безмерно уставшую жену? Зачем нужна такая жена? Разумеется, я понимаю, что женщина может уставать, расстраиваться, да мало ли... Но, во-первых, постель не работа для порядочной женщины, а во-вторых, у Сырника эта проблема давно уже стала хронической. Конечно, ничего такого я не сказал напарнику.

— Ну и смотри, если нравится.

— Понимаешь, у них все в порядке — фигурки, мордашки, красивые девушки, но груди... Они ж как волдыри торчат, неестественные, а когда девчонки ложатся, становятся прямо то квадратными, то прямоугольными, уродство. Ну зачем это им?

— Потребителям эротических шоу нравятся большие груди, значит, этого требуют продюсеры, — сказал я первое, что пришло в голову.

Черт побери этого Сырника, нашел тему для разговора! Мне нужно было сосредоточиться на деле, а он о силиконовых грудях рассуждает!

— Но это же не груди, а просто неприличие! — почему-то громким шепотом сказал Сырник. Наверное, опасался, что жена может услы-

шать. — Они даже не возбуждают, потому что... ненастоящие.

— Ну так не смотри, — сказал я.

Я взял бинокль и стал разглядывать офис. Из двери вышел мужик в костюме, пошел на стоянку. Сел в «Ауди», такую же, как у меня, только серого цвета. Машина медленно двинулась к железным воротам.

— Вот с ним и поговорим, — сказал я. — Приготовься.

— Всегда готов. Но ты скажи мне, зачем красивым девушкам нужно уродовать себя, а? Даже маленькая грудь, если она настоящая, — класс.

— Тебе не нравятся, а другие мужики в восторге. Есть спрос — есть и предложение.

— В Америке, да? Уроды! — сердито сказал Сырник.

Я почему-то вспомнил сцену из фильма «Брат-2». А серая «Ауди» выехала за ворота офиса, двинулась в сторону Садового кольца. Сырник поехал за ней.

— Где брать будем козла? — спросил Сырник.

Да кто ж его знает... На проспекте не получится, если свернет на Садовое — тем более. Они сейчас все напуганы, заметит преследование — никакое удостоверение не остановит. А догонять на ста-

рой «копейке» новую «Ауди» — дохлый номер. Значит, нужно выбрать безлюдную улицу и наверняка перекрыть дорогу, то есть — «подрезать». Но и этот маневр не гарантирует успеха. Никто не знает, как поведет себя испуганный сотрудник «Яр-нефти», может и протаранить наше скромное авто или ор поднять несусветный, а то и стрельбу открыть. Держать до подъезда — а там что?

— А ты как думаешь?

Сырник никак не думал на эту тему, видимо, силиконовые груди все еще будоражили его воображение, вызывая справедливый гнев. Ему вообще не нравилась моя затея. Дважды выходить на одну и ту же операцию не рекомендуется, это все знают. Не получилось — затаись и думай, что нужно изменить в тактике, чтобы второго прокола не вышло. Но у меня и не было прокола — кто же мог предположить, что именно в этот вечер, в это время уберут самого преданного (телохранитель!) сотрудника Ярмонова и самого нужного мне? И времени для раздумий тоже не было, хватит ловить хвосты, нужно хоть раз потрогать рога, понять, насколько они крепкие. Нет, не так. Они крепкие, кто ж сомневается в этом? Куда смотрят, вот что интересно. И откуда растут. Мне нужна была информация, хоть какая-

то. Пусть этот сотрудник — самый задрипанный бухгалтер, что-то он слышал, что-то знает, все полезно.

— Скажешь, где «подрезать», — пробурчал Сырник. Чудак-человек, и зачем вопросы задавал? Он и сам все знал не хуже меня. — Сам пойдешь или я?

— Сам.

«Ауди» вырулила на Садовое, помчалась в сторону Курского вокзала. Мы не приближались, но и не теряли ее из виду. Курский проехали, в районе Таганки свернули с магистрального пути и вскоре оказались на тихой улице Сергея Никифорова.

— Кто он такой, этот Сергей Никифоров? — поинтересовался Сырник.

— Кажется, драматург, — сказал я, внимательно глядя на зад синей «Ауди». Только бы ее хозяин не заметил нас, не переполошился.

— Ты смотрел какой-то его спектакль?

— Нет.

— Я тоже. Значит, такой драматург.

— Был бы плохим — переименовали б улицу, — сказал я. — Хватит рассуждать, давай дело делать. Вперед!

«Копейка», дребезжа всеми фибрами своей

престарелой души, рванулась вперед, подрезала «Ауди» и остановилась, преграждая путь иномарке. Но еще до того, как она остановилась, я выскочил из машины и метнулся к «Ауди». Фактор внезапности был главным козырем в моей игре.

— Стоять, ФСБ, — крикнул я, вытягивая вперед удостоверение, чтобы водитель мог разобрать аббревиатуру на нем. — Руки на руль! Не двигаться!

Сработало. Водитель, хорошо упитанный мужик лет тридцати пяти с округлым лицом и коротким, мясистым носом, на котором висели очки в золотой оправе испугался, но ничего экстраординарного с перепугу не предпринял. Выполнил приказание и стал ждать, когда я сяду к нему в машину. Я обошел «Ауди», уже не опасаясь за успех операции — у левой дверцы стоял Сырник с пистолетом в руке. Только дурак мог в такой ситуации дернуть машину вперед и придавить меня к заду «копейки».

Поскольку он не возражал против разговора и не требовал удостоверение, чтобы изучить и запомнить мое имя, я не стал раскрывать его.

— Капитан Фибергласов. Пожалуйста, не бойтесь, вам ничто не грозит, я задам несколько

вопросов, постарайтесь ответить на них точно и честно.

— Александр Окопник. Так ведь были уже в конторе ваши люди, — сказал водитель. — Вроде все выяснили.

— С вами говорили?

— Со мной нет. Я менеджер по рекламе. Но с боссом говорили, с его замами тоже. А что тут можно узнать? Охотятся за нами, сам видишь, капитан. Жену босса убили, секретаршу похитили, теперь вот и Гека... И все ходят, спрашивают, а толку — ни хрена нет.

Этот толстый Александр быстро оправился от испуга и теперь вел себя спокойно, это уже хорошо.

— Александр, наш разговор не для широкой публики, и ваше начальство не обязано о нем знать, понимаете?

— Не совсем.

— Ваша фирма весьма закрытая структура, очень трудно понять, что на самом деле происходит внутри компании. Я не стану спрашивать вас о делах, выведывать производственные и финансовые секреты, меня интересует настроение руководства. Отвечайте честно, и я гарантирую, что никто не узнает о нашей беседе. Такое воз-

можно?

— Почему нет? Спрашивайте.

— Босс был очень огорчен гибелью своей жены?

— А то нет? Конечно, огорчен.

— Неприятности начались после вашего юбилея. Что там было?

— Юбилей на самом деле перенесли на день вперед. Официально фирма была образована 30 мая, но фактически вопрос был решен 29-го, эту дату и решили отпраздновать. Это выяснилось за неделю до юбилея.

— Почему на юбилей не пригласили Романа Артемова, он ведь был одним из основателей фирмы.

— Приглашали, но он был в отъезде, снимал какой-то клип. Вообще, это дурость...

— Что именно?

— Отношения Романа с боссом. Они нужны друг другу, но Роман возомнил о себе черт-те что, ушел, а в результате — и фирма с проблемами, и Роман, извините, оказался в жопе. Бизнес-то у него не заладился.

— Что было на юбилейном вечере?

— Да вы это знаете. Марьяне стало плохо, Григорий Ильич приказал Геку отвезти девчонку

домой. Остальное было нормально. Пили, веселились, Григорий Ильич танцевал с девушками, в общем, все было нормально.

— Долго он танцевал с ними?

— Я точно не знаю, но до половины двенадцатого — точно. Потом вернулся Гек и отвез его на дачу.

Этого не могло быть. В половине десятого Ярмонов был у себя на даче, с Марьяной!

— Когда Марьяне стало плохо?

— Где-то в самом начале вечера. Кажется, успели выпить всего по паре бокалов шампанского. Наверное, за мужа переживала, он у нее известный бабник.

— Вы не ошибаетесь, Александр?

Окопник пожал плечами, что можно было расценить как — время не засекал, что помню, то и говорю. Я верил ему. Не стал зацикливаться на этом и в процессе дальнейшего разговора узнал много интересного для себя. Ярмонов любил молодых девушек, Артемов тоже, вместе они не раз бывали в элитных саунах, причем подбором девчонок занимался Артемов, когда они работали вместе. Валентин Петрович, чью фамилию я не знал, но описал довольно-таки убедительно, был другом Артемова, юрисконсультом фирмы. Он и

сейчас иногда оказывает юридические услуги, но в штате не состоит. Бурда — его фамилия, Где живет — Александр не знал. Я узнаю и через Бурду выйду на тех, кто послал его ко мне. Все-таки не зря мы второй раз вышли на охоту, очень даже не зря!

— Спасибо, Александр, — сказал я. — Напоминаю, что разговор наш был деликатным, никто не узнает о нем, если и вы промолчите. Договорились?

— Вполне.

— Спасибо.

Я вышел из чужой машины, махнул Сырнику, чтобы отогнал «копейку». Но Окопник не стал ждать, сдал назад, вырулил на проезжую часть улицы и был таков.

— Хоть что-то интересное узнал? — спросил Сырник.

— Много, — ответил я. — И все очень интересное. Поехали домой, мне нужен компьютер. Но, похоже, в первой версии появился четвертый факт.

— Что за факт и что за версия?

Я коротко пересказал ему содержание своего разговора с господином Окопником.

Глава 19

Домой, то есть к Сырнику, мы не успели добраться. Я из машины позвонил Артемову, спросил, знает ли он адрес Валентина Петровича Бурды. Артемов долго сопел в трубку, а потом нехотя сказал, что знает номер его телефона, скажет, но не сейчас. Только что звонили похитители Марьяны и предложили встретиться, чтобы обсудить условия выкупа. По телефону они отказались говорить. В половине первого он должен быть на Рублевском шоссе, в лесу у развилки на Лесной. У него, конечно, есть люди, но и я должен там быть, ведь из-за меня... Ну да, конечно, все плохое в этом мире случается из-за меня. Кто же сомневается в этом? За какое дело ни возьмись, обязательно сыплются упреки — если бы не ты да если бы не ты! Но что поделаешь, такая уж работа. Я заверил встревоженного супруга, что непременно буду там даже раньше половины первого. Мы были уже неподалеку от Красной Пресни, но Сырник, повинуясь моему приказу, погнал машину дальше по Садовому кольцу, к Кутузовскому. На Рублевку мы могли выскочить и через Кутузовский, что душу травить, ехать

мимо дома Сырника на Шмитовском?

Сообщение Артемова ничуть не удивило меня — более того, я ждал чего-то похожего. Фантастическая версия становилась реальнее, только ясности в деле не прибавлялось.

— Думаешь, она еще жива, эта Марьяна? — спросил Сырник.

— Надеюсь. А думать все некогда. Черт побери, как не вовремя объявились эти похитители!

— Ты соображай прямо сейчас, пока едем, — посоветовал Сырник. — Надо помочь, девчонка симпатичная. А самое главное — груди у нее что надо, настоящие.

Дались ему эти груди!

Я пытался следовать указаниям Сырника, соображать прямо сейчас, да не очень получалось. Слова Окопника мешали сосредоточиться. Он не лгал, но мог ошибиться. Однако слишком большая и странная ошибка получалась — в два часа. Ярмонов уехал в полдвенадцатого; неважно, во сколько он уехал, важно, что не вместе с Марьяной и Геком! Ведь Гек увез Марьяну, а он остался. Ну и что все это значит? Я ведь точно знаю, что там был Ярмонов, на даче, что он насиловал девушку. Я не мог не верить Окопнику, но тогда получалось — должен был не верить себе? Не

себе, а Лилии Георгиевне, но она вполне могла ошибиться. И тогда получается...

Хотя как это может быть? Ненависть старушки была естественной, татуировка и шрам не просто знакомые метки, а каждая со своей историей. Ну допустим, все же она ошиблась или метки были воспроизведены на другом, похожем теле. Но ведь голос мужа не могла спутать с другим голосом! Не могла. А она его опознала без колебаний.

Ярмонов там был, но его там не было. А может, этого Окопника нам подсунул сам Григорий Ильич? Засекли нашу машину и выпустили подготовленного человека? Возможно, только в этом случае Окопнику нужно идти в актеры, такой талант пропадает!

Но сейчас главным было спасение девушки, если ее можно еще спасти. А если нет — я понял, как нужно действовать дальше, — быстро и решительно. Оправдается мое предположение, что встреча в лесу — ловушка для меня (не случайно же она назначена почти в Крылатском), нам придется совершить путешествие еще к одному офису. Наверное, это не понравится Сырнику, ну что ж... придется ему потерпеть.

Мы свернули с Рублевки на улицу Крылатские холмы, проехали неподалеку от моего дома. Сыр-

ник с тоской посмотрел в сторону рощицы, где упокоился мой маленький друг. Я тоже смотрел в ту сторону. Борька погиб, но он все равно был с нами, наш маленький серый друг. Который всех любил, всех понимал, всем нам помогал быть... людьми. Крыс помогал быть людьми — дурак засмеется, ну и пусть. Он же не знает, дурак, что истинные друзья могут быть маленькими серыми существами. Добрыми, дружелюбными, красивыми... Он не знает, но если и не хочет узнать это — мне его жаль.

Я уже в который раз подумал, что если уцелею в этой передряге, куплю крысенка, теперь уже — девочку. Сырник тоже хотел этого, ему нужно было с кем-то общаться после того, как чересчур усталая жена поворачивалась к нему задницей в течение двух недель. Кто еще мог так внимательно выслушать исповедь Сырника, а потом взобраться ему на плечо и потрогать розовой лапкой щеку, мол, не грусти, все образуется... Да еще и чмокнуть в щеку?..

Это мог только Борька, за это мы и любили малыша. Но может быть, другая крыска будет столь же умной и понятливой? Честно говоря, я в этом сомневался, потому и не завел себе другую крысу. Думал — а что, если Борька мой был уникальным,

невероятным крысом? Да, собственно, таким он и был, хотя я подобрал его на улице, когда мальчишки хотели забить перепуганного малыша камнями, а девчонки возражали. Взял и принес домой, просто так. И лишь спустя несколько дней понял, что у меня появился друг. Да какой! А Сырник с полгода брезгливо щурился, обзывал Борьку никчемным тунеядцем и советовал сунуть его в крысоловку. На что Борька реагировал весьма правильно — он поворачивался к Сырнику задом, когда тот оказывался вблизи клетки. Но обиды не таил, и когда Сырник решил поговорить с малышом по-доброму, внимательно выслушал его и предложил дружбу. И бывший омоновец, суровый громила с пудовыми кулаками, был потрясен этим, проникся такой любовью к малышу, что даже меня грозился прибить, если нечаянно обижу малыша. А его нельзя было обидеть...

Эх, Борька, как же ты рано погиб, маленький, серый мой дружок. Маленький, но настоящий. Теперь и квартира стала какой-то пустой без тебя, малыш.

Сырник даже не угадывал, он точно знал, о чем я думаю.

— Может, заедем, время еще есть? — спросил он.

— На обратном пути.

— Он как талисман у нас был, чего только не случалось, но если пообщались с Бориской, так все нормально заканчивалось. Надо заехать, а то удачи не будет.

— Некогда. Нужно развилку эту найти, осмотреться как следует. Откуда гостей ждать, куда убегать в случае чего.

— Идиотизм! — сказал вдруг Сырник. — То-то я думаю — странное это дело!

— То есть не дурак ли ты?

— Сам ты дурак! Ты когда-нибудь слышал, чтобы похитители звонили родственникам и говорили: приезжай через пару часов, потолкуем о наших делах? Да за эти пару часов вокруг того леса Таманскую дивизию можно расположить! Танки и БМП закопать, замаскировать — комар носа не подточит! Ты понял, что я имею в виду?

— Понял. А спецназовцам блокировать место встречи вообще проблем не составит. Что дальше?

— А это еще и правительственная трасса!

— Любую трассу можно блокировать, если захотеть. Рублевка не только правительственная трасса, но еще и неподалеку от места жительства некоего Корнилова.

Сырник затормозил, прижимая «копейку» к бордюру.

— Ты думаешь, это западня?

— Догадываюсь.

— Для Артемова или для нас?

— Зачем им Артемов?

— А он тут вообще ни при чем?

— Вот это я и пытался понять. Не могу пока, есть доводы и в пользу одной и в пользу второй версии. Но есть и главная заноза — Марьяну изнасиловал Ярмонов, я сам видел запись.

Марьяну похитил человек, близкий Лилии Георгиевне, он не мог иметь дело с насильником и с Артемовым тоже, поскольку убил его человека. Но, согласно показаниям Окопника, Ярмонов танцевал на банкете, когда Марьяну насиловали в его спальне на даче... Абсурд.

— Так, может, это и был не он? Ты точно знаешь?

— Я видел реакцию его жены. Слышал ее реплики, объяснения. Столько лет вместе — она могла не узнать его тело, наколки, шрамы, голос?

— Может, у нее склероз... Да нет, конечно, нет. Такие детали опознаются на уровне подсознания.

— Приятно слушать умные речи, тем более

от тебя.

Как ни странно, Сырник не обиделся.

— Я понял, что они задумали. Мы приедем туда, найдем труп Артемова, с этим нас и возьмут!

— Они должны быть уверены, что к моменту убийства, вокруг не будет спецназовцев и территория не будет блокирована. Полностью. У меня бы такой уверенности не было.

— У меня тоже... Ну и что ты предлагаешь?

— Тут проблем нет, я этот лес отлично знаю. И место встречи представляю себе. Мы придем туда осторожно и незаметно, и посмотрим.

— А машину куда денем?

— Решим.

По улице Крылатские холмы мы выехали на Осеннюю, которая граничила с лесным массивом.

— Заезжай во двор этого дома, там и оставим машину, — сказал я.

— Опять оставим? Ни хрена себе! Срою бы не оставил в чужом дворе без присмотра! — возмутился Сырник.

Такие споры у нас бывали частенько. В глубине души я надеялся, что когда-нибудь машину Сырника и вправду сопрут или изуродуют так, что нельзя будет восстановить, и он купит новую. Ни

черта подобного! Эта древняя «копейка» никак не хотела уходить на заслуженный отдых. Однажды ее украли, и Сырник на радостях купил себе новую «девятку», но, как ни странно, «копейку» скоро нашли, вполне жизнеспособную, и теперь на «девятке» ездит Люда, жена Сырника. А он все переживает, что его «копейку» могут спереть!

— Можешь остаться в своей развалюхе, оберегать ее от похитителей, — сказал я. — Пойду один.

— Перебьешься, — мрачно заявил Сырник. — Эта развалюха не раз выручала нас, и еще выручит. Ну что, за этот дом заезжать, что ли?

Мы не были одеты в камуфляж, и на головах не красовались каски с прикрепленными на них пальмовыми листьями. Да и вокруг были не вьетнамские джунгли, знакомые по американским фильмам, а всего лишь летний лес в районе Рублевского шоссе. Но шли мы по нему так же осторожно, как и бравые американцы во вьетнамских джунглях. А именно — короткими перебежками, страхуя друг друга и отслеживая ближайшее пространство со всех сторон. Пистолеты держали в руках.

Мелкий дождь назойливо стучал теперь уже по листьям деревьев, оно и хорошо, и шаги наши

заглушал, и довольно темно было в парке.

До предполагаемого места встречи Артемова с похитителями (я не верил, что это могли быть люди Васи, а ведь он увез Марьяну) оставалось метров сто. Сырник сделал мне знак рукой и замер на месте. Я тоже замер, поскольку и сам уловил впереди едва заметное движение.

— Это они, — шепотом сказал Сырник. — Видишь?

Я видел смутные тени у куста впереди. Похоже, два человека. Сколько их еще было поблизости — непонятно.

— Посмотрим, — прошептал я. — Кажется, они ждут, что мы подъедем со стороны Рублевки, но тем не менее...

— Понял.

Мы продвинулись еще на несколько шагов вперед, остановились. Да, два человека притаились за кустом. До приезда Артемова оставалось еще двадцать минут. Вряд ли они ждали его приезда, скорее всего — нас. Понятно, зачем — Андрей Корнилов гулял ночью в лесу не очень далеко от своего дома и был убит неизвестными хулиганами. И никто не свяжет это преступление с серией убийств и похищений, свалившихся на «Ярнефть». Сырник? Его могут пощадить, пригро-

зить здоровьем жены и дочерей, и... ничего он не скажет. И правильно сделает.

Наша безопасность — мы сами.

Еще десяток метров мы выиграли у наших противников. Да, пока двое, и поблизости никого. Но кустов тут было черт-те сколько, и дорога на Лесной не проглядывалась, а там вполне могла стоять машина, и не одна.

— Андрюха, а если взять их? — шепотом спросил Сырник.

И я думал о том же. Взять — отлично, можно будет понять, кто, да что, да на кого работает. Но — двое! И — вооружены. Подойти бесшумно вплотную — практически невозможно. Разве что устранить одного и ранить другого... Но сколько их там еще? И потом, я не убийца и просто так стрелять в человека, даже если он поджидает меня с пистолетом в руке, не могу.

— Пока просто смотри, — приказал я.

Ждал приезда Артемова. Интересно, как они отнесутся к нему? Артемов не один приедет, наверняка с охраной. Как минимум, «три пишем, и два на ум пошло» (два — это мы).

Сырник шагнул вперед, глухо заматерился, падая набок. Увлекся и не заметил яму под ногой, в нее и угодил. Я быстро встал за толстую березу,

поскольку грохот падения Сырника мог бы разбудить людей в домах на улице Осенней. А уж насторожить наших противников просто обязан был. Хорошо, когда напарник сильный, могучий мужик, но когда он падает в тихом ночном лесу, звук получается тоже могучим.

Противники среагировали мгновенно. Защелкали выстрелы пистолетов с глушителями — щелк-щелк, будто детские пистолеты с пистонами. Засвистели пули вблизи — вжик-вжик, их уже трудно сравнить с чем-то игрушечным, мягко планируя, упала срезанная пулей ветка.

— Стоять, ФСБ! — громко крикнул я.

Не послушались, палили как оглашенные, медленно отступая к дороге. Я выстрелил. Целил в ногу и попал. Один из противников споткнулся, вскочил, снова упал. Другой подхватил его под руку, потащил вперед. Они уже не стреляли, они уходили, прячась за кустами. Я еще несколько раз выстрелил, но результата не увидел. Сырник наконец вскочил на ноги, тоже выстрелил. Уже не видно было, попал или нет. Мы замерли, ожидая развязки. Бежать вперед нельзя, если есть сообщники — будем как на ладони, их глаза тоже привыкли к темноте. Сырник, правда, сделал несколько шагов вперед, намереваясь настичь

киллеров, но я приказал ему стоять. Для его же блага.

Вскоре на дороге взревел двигатель машины, а потом все стихло.

— Пошли отсюда, — сказал я.

— А Артемов? — с досадой спросил Сырник.

— А менты, которые приедут на выстрелы? У меня-то пистолет без глушителя.

— Так они хотели просто убрать нас? — возмутился Сырник.

— Похоже, что так.

Обратно мы двигались, не соблюдая мер предосторожности. Просто бежали, ломились сквозь ветки по едва видимой дорожке. В этой ситуации получилась ничья. Но все-таки, я что-то выиграл и теперь намеревался воспользоваться этим!

Мы прибежали к «копейке», которую, к счастью, никто не угнал и не изуродовал.

— Домой? — спросил Сырник.

— Нет, на Мясницкую. Я должен поговорить с Артемовым, и немедленно.

— Думаешь, он у себя в офисе?

— Думаю, да. Если жив еще, дурак.

— Сам ты дурак, — сказал Сырник. Он почему-то решил, что последнее слово относится к нему.

По Рублевке, навстречу нам мчались милицей-

ские машины с включенными сиренами. Засекли перестрелку и довольно-таки оперативно отреагировали. Интересно, что они там найдут?

— А на хрена нас затаскивать в этот парк, чтобы убрать? — спросил Сырник. — Можно это сделать у подъезда.

— Для пущей убедительности, — сказал я. — Но теперь они, возможно, послушаются твоего совета. А мы им не дадим шанса.

Несколько раз я пытался связаться с Артемовым по телефону, но его мобильник не отвечал. Не исключено, что люди, назначившие ему встречу, предупредили, чтобы выключил мобильник на подъезде к лесу. Но, скорее всего, он и не думал ехать туда. Просто не хотел разговаривать со мной. С покойниками ведь неинтересно говорить.

Глава 20

Впору было повторять знаменитые строки: «И вечный бой, покой нам только снится». И бой имелся в наличии, невидимый и реальный, каковой только что случился неподалеку от правительственной трассы, и покой мог присниться, если уснуть в машине, потому как в действительности его не предвиделось. Мы могли бы поговорить с Геком, упрятать его в железный гараж писателя Новикова (я надеялся, что он не станет возражать) до лучших времен и немного расслабиться, имея на руках козыри. Не получилось. Вернулись к Сырнику взбудораженные, единственное приятное воспоминание — разговор с Настей. Могли бы немного отдохнуть после разговора с Окопником (в конце концов юрисконсульта Бурду несложно и завтра отловить) — опять не получилось. Казалось, уж после перестрелки в парке ничто не помешает нам запереть стальную дверь на засовы и спокойно обсудить перспективы за рюмкой водки и смачным куском мяса под зеленью с огорода тещи Сырника, дело за малым — приехать на Шмитовский и добраться до двери квартиры.

Но мы ехали на Мясницкую, в офис рекламной компании «РЕКАРТ». Где нас явно не ждал Роман Артемов, где я должен узнать много интересного. Если успею.

Сырник остановил «копейку» во дворе большого дома, напротив подъезда, над которым светилась неоновая вывеска «РЕ-КАРТ». Я вышел из машины, однако успел сделать лишь пару шагов, как вдруг откуда-то сбоку вышел немой Вася с белым пластиковым квадратом в руке, на котором было написано крупными буквами «Андрей, нам нужно поговорить. Пожалуйста». Сырник выскочил из машины, шагнул ко мне, сжимая в руке пистолет.

— Немой? — спросил он меня. — Это он, падла?

— Спокойно, Олег, не дергайся. — Я повернулся к племяннику: — Вася, зачем тебе Марьяна, что с ней?

— Да что ты базаришь с ним! — возмутился Сырник и вознамерился смешать Васю с пылью, едва прибитой занудливым дождиком, который к тому времени прекратился. Я остановил напарника.

— Просил же тебя, не дергайся! — рявкнул я, иногда это действовало на Сырника. — Не видишь, он что-то хочет сказать.

Вася достал черный фломастер, стер рукавом фразу на пластике и написал «Марьяна в порядке, она благодарна тебе. Нужно поговорить».

— Ладно, садись в машину, — сказал я.

Он покачал головой и снова стер надпись, склонился над белой пластинкой.

«Марьяна тоже хочет поговорить с тобой. Она устала, не хочет никуда идти».

Я посмотрел на Сырника, он смотрел на меня. Мы могли бы до утра смотреть друг на друга и гадать, что все это может значить? А нужно было решать.

— Ладно, веди к Марьяне, — сказал я и тоже вытащил пистолет из кармана куртки. И снял с предохранителя.

Вася довольно кивнул и махнул рукой, приглашая следовать за ним. Мы и последовали, делать было нечего. Сырник так сосредоточенно сопел, что, наверное, разбудил жителей первых трех этажей сонного дома. Мы зашли за угол, там стоял микроавтобус «Мерседес» с тонированными стеклами. Напряжение возрастало с каждым шагом и достигло кульминации (если пользоваться терминологией писателя Новикова), когда дверца микроавтобуса распахнулась. И я, и Сырник вскинули пистолеты, но из машины вышла

Марьяна. Мы с напарником разом облегченно вздохнули, я сунул пистолет в карман. Выглядела она вполне нормально, только глаза были грустные, насколько я сумел разглядеть их.

— Марьяна, ты в порядке? — спросил я.

Да, все хорошо, Андрей, — с грустной улыбкой сказала она. — Я-то в порядке, а вот...

Она всхлипнула, но причину ее грусти я так и не понял, даже спросить не успел. Из микроавтобуса, оттолкнув девушку, выскочили два мужика с пистолетами, и сзади в спину мне и Сырнику уткнулись стволы. Ну вот и они, профессионалы из нефтяной компании, мать их за ногу! Сработали классно, ничего не скажешь, но как не вовремя!

— Идиот! — сквозь зубы процедил Сырник.

Похоже, эта реплика предназначалась мне.

Наше оружие исчезло в карманах решительных мужиков, руки сковали стальные «браслеты». Мобильники тоже изъяли. Под дулами пистолетов мы забрались в микроавтобус, сели на заднем сиденье. На переднем устроились два мужика с пистолетами в руках. Куда подевались Марьяна и Вася, мы не знали — наверное, их ждала другая машина, поскольку с нами они не ехали. Микроавтобус рванул вперед, я понял, почему нам

не завязали глаза — стекла только казались тонированными, на самом деле сквозь них ничего нельзя было разглядеть. И сделать тоже ничего нельзя было — мы сидели на заднем сиденье, любые наши движения контролировались вооруженными людьми. Подобраться к ним можно было только прыжком, но чтобы прыгнуть, нужно было встать на ноги. А кто же это позволит? Профессионалы!

— Какой же ты придурок, Корнилов! — сказал Сырник. — Надо было размазать этого Васю и затащить в офис. А там еще посмотрели бы, кто кого! Мы тоже не раком шиты...

— Не переживай, — сказал я. — Они и в офисе были. Ты же видел, как все тихо и аккуратно сделали. Это люди Ярмонова, и теперь я понимаю, что... ничего не понимаю. Только-только склонился в пользу одной версии — а торжествует другая.

— Это всегда бывает, когда сыщик дурак, — сказал Сырник. — Только и умеешь командовать. А теперь что будет? Они хотят кончить нас?

— Меня — вполне вероятно, я свидетель, более того, участник. А тебя, может, и пощадят, по крайней мере, хочется верить. Ты не видел запись, не можешь выступить в суде, не можешь дать

интервью... Да и запугать тебя несложно.

— Меня запугать? — набычился Сырник. — Че такое мелешь, Андрюха?

Я не стал объяснять, что имел в виду. Мы куда-то ехали, не знаю, куда именно, но почему-то думалось, скоро встретимся с самим Григорием Ильичем. Вряд ли он откажет себе в удовольствии пообщаться со мной и сообщить, что напрасно «бодался теленок с дубом». Я и сам это знал, да что оставалось делать?

— Вы кто такие? — перенес свою ярость на мужиков с пистолетами (своими и нашими) Сырник. — Вы козлы, понятно? Мои кореша в ОМОНе так это не оставят! А Андрюха — кэп ФСБ, вам кранты, козлы, можете не сомневаться!

Мужики никак не отреагировали на его гневную тираду. Очень скоро машина заскользила (так мне показалось) вниз и остановилась. Мы вышли, повинуясь приказу, и оказались в подземном гараже. Если судить по времени поездки, это офис «Ярнефти», и значит, Ярмонов крупно просчитался. Дискету с описанием всех событий до того, как погибла Лилия Георгиевна, я передал знакомому следователю, чтобы он, если со мной что случится, переслал текст в ФСБ Гене Басинскому и в центральную газету. А там ясно

было сказано, что в моей смерти заинтересован Григорий Ярмонов. Такие публикации пойдут — хочешь не хочешь, придется шевелиться спецслужбам. Я надеялся, что отец не останется в стороне и пустит свои капиталы на раскрутку тайны гибели сына. И погорит Ярмонов, каким бы психопатом он ни был. Следы нашего пребывания в офисе несложно будет обнаружить.

Нас загнали в бетонное помещение со следами стеллажей вдоль стен. Видимо, их убрали специально к нашему приезду. И то приятно, готовились, значит!

— Ну что, доволен, идиот? — спросил Сырник, когда мы остались одни. — Все доверял этому Васе, козлу немому, а теперь что? Хоть бы наручники, суки, сняли... И мобильники забрали... Людка, наверное, волнуется.

— Она же звонила вечером, ты ее успокоил.

— Так то было вечером! Она волнуется, понял? Я это чувствую. Звонит, а никто не отвечает. И дочки не спят...

— Ну, так это хорошо. Ты же всегда мечтал о том, чтобы жена волновалась за тебя.

— Какой, на хрен, хорошо? Не надо за меня волноваться, у них своих проблем хватает. У старшей дочери уже какие-то отношения с кавалером, у

младшей музыкальная школа... правда, и там теперь каникулы... Но все равно, я же должен всех обеспечивать! Как же они без меня?

— Да все будет нормально, я попрошу Ярмонова отпустить тебя. Обещаю.

— А Людка... Она ж дура. Без меня — куда? Все командует, строит планы, так это ж при мне. А если меня не будет — она ж ни хрена сама не сможет.

— Так ты, оказывается, жену любишь, она тебя тоже. Чего ж тогда Борьке мозги компостировал? Рассказывал, какой ты несчастный?

— Рассказывал... А ты Борьку не трогай! Тебе до него — как свинье до неба. Он был больше, чем человек, понял? Кто еще может выслушать тебя, а потом залезть на плечо и потрогать лапкой щеку? Да я ж все понимаю, что он хотел сказать... Те, кто мог сказать, вроде тебя — промолчали бы. А он сказал, и я понял... Он вообще был...

— Ладно, не злись, Олег. Для меня он тоже был другом. Но у тебя все же есть жена, дочери, думай о них.

— > Жена — да... Кто-то сказал — убить много раз был готов, а развестись — не могу. Так и я. Достает баба — сил нет больше терпеть, а переспишь с другой и думаешь — нет, это не то. Она, жена,

хоть и дура, а вроде как родной уже человек.

— Только «девятку» тебе не доверяет.

— Да какая разница, на чем ездить! Главное, чтоб у нее все было в порядке. А иначе — зачем мы, мужики, живем?

Мы, то есть я, жили для того, чтобы радовать женщин своим присутствием и печалить своим отсутствием. У Сырника все было куда проще — жена и две дочери, три дамы, ради которых стараться и стараться... Что-то задерживается Григорий Ильич, не изволит появиться. Я не думал о своих женщинах и о том, что будет с ними без меня. Найдут других мужиков, может, более надежных и ласковых, тут и сомневаться не приходится. Мне хотелось встретиться с Ярмоновым, посмотреть на него, послушать, чтобы окончательно понять, подлец ли он, который не только своих секретарш использует, не спросив разрешения, но и уничтожает всех, кто к этому причастен, без лишних сомнений, или же нет? Или прав был я в своей фантастической версии и Ярмонов тут вовсе ни при чем?

Интересно было, да, вот об этом я и думал. А Сырник рассуждал о своей жене, какая она замечательная у него. Слышал бы это Борька, недовольно поморщился бы, он же привык слу-

шать совсем другие речи.

Бетонная клетка — два на три метра. Дело далеко за полночь, наверное, скоро рассветет. Если хотят кого-то из нас, а может, и обоих, кончить, должны спешить. А нет никого. Они что, издеваются? Зачем, ведь профессионалы, должны хотя бы чуть уважать коллег!

На этом мои мысли прервались, ибо в бетонную конуру вошли Вася и два охранника с автоматами, а за ними... Ну, я это предполагал в своих размышлениях, но все-таки удивился. За Васей в конуру вошел сам Григорий Ильич. Я наблюдал его только издали, но вблизи он усилил мои худшие впечатления — низкий лоб, обильная лысина, клочья седых волос над ушами. Хоть и не видел я его лица на пленке, но сейчас хотелось думать, что именно он — насильник, несмотря на свой дорогой костюм и галстук от Пердена. Последним вошел высокий седой мужик с густыми черными усами и в кожаной куртке. Кажется, я его где-то видел.

— Ну что, свинья, доволен тем, что натворил?! — закричал Ярмонов, шагнув ко мне. — Ты доволен этим?! Скольким людям насолил, сколько погибло... Дурак!

Вася замычал, дернул дядю за рукав.

— А ты заткнись, тебя никто не спрашивает! — Ярмонов оттолкнул его, снова повернулся ко мне. — Кто тебе дал право устанавливать наблюдение за мной, щенок?!

— Козел! — мрачно сказал Сырник, готовясь принять мученическую, но достойную смерть.

— Помолчи, Олег, — сказал я. — Извините, Григорий Ильич, я не знал, что это ваша супруга. Когда понял, сто раз пожалел, да уже поздно было.

— Ха! Он, видите ли, пожалел! Она что, не сказала? — Ярмонов снова повернулся к Васе.

Тот тяжело вздохнул, развел руками, словно он был виноват в том, что Лилия Георгиевна не назвала себя, когда обратилась ко мне с деловым предложением. А у меня появилась смутная надежда. Какой-то странный разговор получался...

— Вот дура, вот дура! — еще более разъярился Ярмонов. — Пить нужно было меньше! Вязанием заняться, вышиванием, понимаешь, а она!.. Кончил бы тебя, сволочь, да отец звонил, отца твоего уважаю! Так что поклонись ему в ноги.

— Марьяну отпустите, Григорий Ильич. Она ни в чем не виновата, и так пережила многое.

— Пережила?! А кто виноват в этом?! — Ярмонов поднял руку, хотел меня ударить, но Вася

довольно-таки уверенно перехватил ее. И упрямо держал за рукав.

— Заткнись, я сказал! — взвизгнул Ярмонов, но руку опустил, дернул в сторону, освобождаясь от цепких пальцев Васи. — Руслан, объясни дураку, в чем тут дело.

Я вспомнил! Руслан Вахидов, подполковник 3-го Главного Управления ФСБ! Бывший коллега!

— Григорий Ильич, вы тоже успокойтесь. Андрей, понимаешь, не знал, не понимал, что получилось.

— А где копия записи? — спросил я.

Вася обрадованно закивал, мол, у нас. Вот и ответ на первую загадку. Диск или флешку Лилия Георгиевна передала Васе, чтобы он в случае чего... Понятно.

Руслан вышел из конуры и через минуту снова вошел, толкая перед собой невысокого пожилого мужчину с длинным носом и лицом старого пьяницы — темная кожа, «мешки» под глазами. Ростом он был с Ярмонова, но нисколько не похож на розовощекого, с округлым лицом и коротким, мясистым носом нефтепромышленника. Разве что лысина была такая же.

— Андрей, Григорий Ильич не трогал Марьяну, это сделал человек, которого ты видишь.

Я и сам склонен был думать так в последнее время, но голос! Его ведь безошибочно узнала Лилия Георгиевна, да и сам я теперь знал, кому он принадлежит. Интересно, как они это объяснят?

— Ты бы снял с нас «браслеты», а потом говорил бы, — сказал я.

Руслан согласно кивнул, один из автоматчиков молча снял с нас наручники и тотчас же отошел на безопасное расстояние, заметив, как Сырник разминает затекшие пальцы.

— Ты ему все подробно объясни! — уже не так нервно сказал Ярмонов. — Отец уважаемый человек, а он... и в кого только пошел, придурок!

Я понял, что нас не убьют. И Сырник, похоже, понял.

— Григорий Ильич был на юбилее, — продолжал Руслан. — А Марьяну отвозил домой Гек. Но не домой, понимаешь, а на дачу, и с этим человеком. Гек — предатель.

— Что ты мне сказки рассказываешь, Руслан? Лилия Георгиевна узнала мужа, его голос. Если отпустишь, я промолчу, хрен с вами, против лома нет приема, но здесь-то не надо юлить!

— Юлить?! Она меня узнала?! — снова завопил Ярмонов. — А это ты видел?!

Он сбросил пиджак, ловкий охранник едва

успел подхватить его, расстегнул рукав рубашки, поднял его до плеча.

— А это ты видел?! Травма, она бывает и на пользу! Ты это видел на пленке, идиот?!

Я этого не видел. Татуировка в виде звезды с лучами была стерта наполовину. Нижняя часть была содрана вместе с кожей, и случилось это гораздо раньше, чем я записал сцену насилия. Вот и ответ на еще один вопрос — как мог Ярмонов одновременно быть на юбилее и на даче. Он не был в то время на даче. А голос?

— Григорий Ильич упал с лошади два месяца назад, содрал кожу, понимаешь? Лилия Георгиевна не знала об этом... — объяснил Руслан то, что и дураку было понятно.

— О личном не надо! — жестко сказал Ярмонов.

— А голос? В спальне звучал его ведь голос, — спросил я. — И Лилия Георгиевна его узнала.

— Запись, не понимаешь, да?

— У тебя есть злые «голубые», Руслан? — спросил Ярмонов, надевая пиджак.

— Нет, но я знаю место, где их много.

— Отправь этого говнюка туда, — Ярмонов кивнул в сторону лысоватого пьяницы. — Пусть заплатит за мою секретаршу. И объясни придур-

ку Корнилову, вот не думал, что такое можно сказать, ситуацию. Лишние проблемы нам ни к чему. Все!

Ярмонов вышел, его «двойника» увели. Наверное, он и вправду надолго запомнит минуты блаженства с красивой девушкой, если сможет что-то помнить. Теперь я все понял, все знал. Но интересно было — почему? Почему Артемов подложил свою жену, красавицу Марьяну, под пьяницу-актера? Как тот решился на такое — другой вопрос, бедный человек, ради бабок готов на все.

— Я все знаю, Руслан. Теперь — все. Но мне непонятно, почему Артемов решился на этот шаг и как он смог купить Гека.

— У Ярмонова дела шли неважно после ухода Артемова, — сказал Руслан. — Но и у Артемова проблемы возникли. Рекламный рынок поделен, там свои хозяева, чужих, даже с большими бабками не пускают. Короче, Артемов попал под влияние преступной группировки, а нас хотела группа «МП Петролеум ньюс», есть такой Миша Поликарпов. Но так просто не возьмешь, они и подъехали к Роману, он согласился. А что ему оставалось делать? Как ни странно, Гек был его человеком, Роман привел его, Григорий Ильич

тогда всецело доверял своему менеджеру, даже свою безопасность. Роман «подкармливал» Гека, и тот пристрастился к рулетке. А когда у нас дела пошли туго, оказался в долгах и согласился подыграть. Я, конечно, виноват, но мы в замоте были, кто только не пытался наехать. Короче, Роман уговорил Лилию Георгиевну собрать компромат на мужа, пообещал ей контрольный пакет акций, юридическую поддержку. Она согласилась: и отомстить хотела, и независимость получить... Да много чего там было. Кстати, Роман же порекомендовал тебя. Он дружил с Темновым и был на плаву, но когда ты разогнал эту шайку, обиделся на тебя, понимаешь?

— Как это было конкретно?

— Очень просто. Лилия Георгиевна, ты, видеокамеры на даче. Мужика подобрал заранее, он же, когда работал у нас, часто парился с Григорием Ильичом, знал его шрамы и все такое отлично. Дал этому артисту три тыщи баксов, тот согласился. Гек записал нужные реплики. После тебя на даче был Гек с артистом, все нашли, проверили, отрепетировали. Когда все случилось, Гек отвез Марьяну домой и вернулся в офис. Артиста высадил у метро.

— То есть вся видеозапись была подстроена?

— Какой «подстроена», слушай? Это был спектакль, режиссер — Артемов. Он же снимал клипы, все время, говорят, вмешивался, сам хотел быть режиссером. Вот и стал.

— Хорошо, он сделал компромат, имел возможность давить на Ярмонова. А убивать старушек зачем нужно было?

— Лилия Георгиевна устроила скандал Григорию Ильичу, требовала свои акции, намекала, что, если не отдаст по-хорошему, посадит его. Но запись не показала, испугалась. Надеялась, что он и так поймет, понимаешь... А Роману сказала по телефону, что Григорий Ильич трясется от страха и скоро все ее условия выполнит. Пьяная была, так думала. Но Гек сказал Роману совсем другое. Григорий Ильич был расстроен скандалом, не более того. Считал ее угрозы пьяным бредом.

— И тогда Артемов решил подогреть интригу? Убить нерешительную старушку и прищучить Ярмонова по полной программе?

— Да, так и сделал. Не сам, понятно. Глазастый задушил ее, погоняло такое. Но открыла она дверь Артемову. Они забрали все копии записи, посмотрели внимательно, и Гек вспомнил о травме Григория Ильича, тогда и сообразили, что лопухнулись с компроматом, а третьей записи

не нашли. Роман знал, что было две копии и оригинал. Тогда стали искать, чтобы следы замести. Думали, она у тебя.

Черт побери! А я-то опасался мести со стороны всесильного магната! Он в то время и не подозревал о моем существовании и о видеозаписи ничего не знал!

— И нарвались на проблему, — брякнул Сырник. — Не трогали бы Андрюху, так никто бы ничего не узнал.

— Ай молодец, дорогой, — похвалил его Руслан. — Правильно рассуждаешь. Андрей не только защищался, он еще и Марьяну спас, и стал совсем опасный.

— Зачем убили Татьяну Ефимовну, мне понятно, — сказал я. — Артемов хотел, чтобы я пошел к ней, да там и остался. А я не спешил к ней наведываться, вот он и не вытерпел. Копии у меня не было, но я видел оригинал и слишком глубоко влез в это дело. Ну а финдиректор Барабулин?

— Финдиректор? Так он был слишком принципиальным человеком. Занес в свой компьютер, что Артемов вернулся со съемок раньше всей группы. Если бы не перенесли юбилей, он бы приехал вместе со всеми. Атак — сдернул сам. Барабулин занес это в компьютер, для отчета, дал

команду бухгалтерам, чтобы отметили — экономия вышла. А Роману это нельзя афишировать, и так очень сильно боялся. Просить, чтобы убрал, — тоже нельзя. Станут спрашивать — финдиректор скажет, он человек слабый. Что делать с таким? Пришел с Глазастым — и все.

А я думал — Марьяну искали...

С!ырник слушал с явным интересом. Да и мне было интересно, выстраивать цепь событий в реальном исполнении. Многое я понял давно, и если б не реакция Лилии Георгиевны, разобрался бы в ситуации раньше Руслана. Но кое-что узнал впервые. Оказалось, что Вася засек появление Артемова с киллером в доме на Ломоносовском, после чего погибла Татьяна Ефимовна. Он решил явиться к Руслану и рассказать, вернее, написать все, что знает об этом деле. И диск с записью показал. Тогда-то в дело включилась служба безопасности компании. Роман уже понял, что дело провалилось, и, чтобы обезопасить себя, решил устранить супругу. До этого он лишь пугал ее, пытаясь понять, что она помнит (и дома, и в дороге — я тому свидетель). Ко времени нашего отъезда на дачу Артемов был уже под «колпаком». За нами не было «хвоста», но дачный поселок взяли под наблюдение. Вася больше других беспокоил-

ся за судьбу Марьяны, пробрался во двор. И когда ночью Влад вывел девушку, посадил в машину, чтобы увезти и прикончить, решил действовать. Ударил подобранным в лесу сучком и нечаянно убил Влада. Но спас Марьяну. Потом ее отвезли на дачу Григория Ильича, где и объяснили, что было на самом деле. Она не верила, пришлось даже психологов приглашать. Разумеется, эта информация не для ушей следователя.

— А где она сейчас?

— Дома, наверно. Отвезли домой, слушай. Объяснили, что сказать ментам, — и домой. Пусть отдыхает. Наверно, плачет сейчас, она же любила Артемова. А он застрелился пару часов назад у себя в офисе. Переживет.

Застрелился... А может, и нет, теперь уже не так важно. Моя фантастическая версия оказалась реальной. Если б не реакция Лилии Георгиевны на видеозапись, была бы эта версия основной, но... Кто же мог подумать, что он такой способный режиссер, этот Артемов? И голос, и татуировки, все предусмотрел, только о недавнем падении Ярмонова с лошади не знал.

— А убийца Глазастый?

Руслан объяснил, что киллер покоится в морге, это он пытался уничтожить меня в лесу у Руб-

левки, он приказал Артемову послать меня туда. Руслан решил, что хватит терпеть этого наглого типа, пора кончать. И кончил. Как и Гека?

— Гека, Гека! Зачем звонил Артемову, слушай, когда на Гека выходил? Артемов срочно назначил ему встречу у себя. Тот приехал. Пока встречался, Глазастый сделал свое дело. Потом только кнопку нажать надо было. Я знал про это, тебя тоже засек, поэтому решил отправить Гека пораньше, одного. А ты не знал, что сзади едет человек Артемова и снимает на видеокамеру? Теперь будешь знать. Особенно хорошо получилось, как твой напарник выскочил из машины после взрыва Гека. Понимаешь?

Если учесть, что мы поджидали Гека, проблемы возникнут нешуточные. У нас, разумеется, со следователями. Но Руслан, заверил, что кассета последней съемки у него, и человек, который следил за нами, тоже у него. Если мы будем помалкивать, он тоже никому ничего не скажет.

Вот оно как было на самом деле. Артист этот Артемов, более того — режиссер неплохой, ему бы не клипы, а сериалы снимать! Пропал талант... Ну ладно, что хоть так все закончилось. Могло быть намного хуже. Если бы Ярмонов и вправду оказался насильником, посадили бы его, кто б у

нас добывал, перерабатывал и продавал нефть? Я это делать не умею, Сырник тоже, Настя тем более. Даже отец мой, почти что олигарх, не умеет. Прямо-таки трагедия для государства случилась бы. Но не случилась, и слава Богу.

Глава 21

Дело закрыто, мы остались живы, и это хорошо. Конечно, никто из нас не собирался распространяться о том, что было. Ничего не было, кто-то пытался «наехать» на «Ярнефть», пусть люди в погонах ищут. Немой Вася получил должность личного водителя дяди, Ярмонов не таил злобы на покойную жену, скорее, жалел ее, и племянника не оставил без работы и денег. Сырник, когда ему вернули мобильник, сразу позвонил жене и суровым тоном велел ей ехать домой. Судя по разговору, Люда тотчас же села за руль и помчалась в Москву, несмотря на глухую ночь. Я порадовался за напарника. Микроавтобус с темными стеклами доставил меня к подъезду дома Насти и повез Сырника на Шмитовский, куда из Подмосковья мчалась сонная Люда. Кажется, начинаю понимать, зачем он передал ей новую «девятку». А я побрел к лифту, понимая, что являться без звонка, да еще и под утро, неприлично, но надеялся, что меня тут все же примут.

Не прогадал, приняли.

— Скотина! — сказала Настя. — Я уже не знала, что и думать.

— Скотина, — согласился я. — Может, лучше мне уйти?

— Попробуй только!

Эта угроза была посильнее того, что я испытал в подземном гараже Ярмонова. Пришлось согласиться на все условия, которые предлагались. Да и кто же откажется от таких условий? Джакузи с пузырьками, красивая женщина рядом и рюмка с хорошим виски в руке... Жаль, я шляпу не захватил, а то и без сигары выглядел бы истинным американским сыщиком.

В общем, все у меня было хорошо. Отцу только не позвонил, а надо было, он все же волновался за меня, звонил Ярмонову. Но сил уже не было.

Настя понимала мое состояние и позволила быстро уснуть в своих объятиях. Тем более что за окном уже стало светать.

Интересный сон мне приснился — как будто я участвовал в одной популярной телеигре. Ведущая сурово посмотрела на меня и спросила:

— Андрей, почему вы убираете из игры Романа?

— Я против него ничего не имею, бросил жребий, и получилось — что он должен уйти.

— Может, расскажете, какой жребий вы бросили? — язвительно спросила ведущая.

— Обыкновенный, на пальцах.

— Можно подробнее?

— Конечно. Нужно взять в правую руку пальцы левой ноги, а в левую — правой, тщательно перемешать, посолить, поперчить и бросить. На кого укажет мизинец левой ноги, тот и должен покинуть игру.

— Значит, вы стоите без пальцев на ногах? — озадаченно спросила ведущая.

— Так я же не свои пальцы перемешивал, — сказал я и посмотрел на ее симпатичные ноги.

Она тоже опустила взгляд. Все засмеялись, понимая, что это шутка. И я тоже. Засмеялся и проснулся. Настя сладко посапывала рядом, обнимая меня. Я крепче обнял ее и поцеловал в сладкие сонные губы. Жить стало лучше, жить стало веселей, товарищи!

Павел МИХНЕНКО
ЭЛЬГА

Павел МИХНЕНКО
ЭЛЬГА

Моей жене Елене

1

На второй день блуждания по тайге Данила понял, что окончательно заблудился. Отстав от группы еще у ручья, он сверился с картой и решил пройти напрямик у подножия сопки, минуя запланированный поворот к черной скале. Но то ли карта оказалась неверной, то ли он ошибся с определением сторон света — компас потерялся еще в прошлый выход, — так или иначе, он заблудился. Как школьник... Будто и не было за его плечами нескольких многодневных походов и двух сплавов по бурным сибирским рекам.

Он взбирался на пологий склон сопки, рассчитывая разглядеть за ней потерянную дорогу. Под ногами скользили влажные сочные травы, корявые корни цеплялись за кроссовки, норовя порвать и без того разлохмаченные шнурки. Тощий рюкзак с единственной банкой тушенки и пакетиком сухарей болтался на плече. Были, конечно же, еще и охотничьи спички, небольшой нож — козья ножка — и полупустая фляжка воды. Минимальный набор для выживания. Уж лучше бы он не понадобился, набор этот!.. Карту он держал в кулаке, все еще пытаясь сверять по

ней свой маршрут. Путаница какая-то! Ни черта не поймешь!

Пряно пахло травами, сосновой смолой и сырой землей. Сильно докучали комары. Солнце спряталось за вершину сопки и погрузило восточный склон в сероватую тень.

Даниле показалось — что-то белое мелькнуло за деревьями. Пропало. Он смахнул со лба липкий пот, остановился, переводя дух. Светлая ткань всколыхнулась легким облачком и скрылась в зарослях багульника. Хрустнула ветка, зашелестели листья.

— Эй! Кто там?! — позвал он. — Ау!

— Ау! — донесся из кустов звонкий девичий голос, в нем слышались игривые нотки.

Снова зашуршало, посыпалась хвоя — рыжая белка, зацокав, перескочила с дерева на дерево. Данила вздрогнул, рюкзак сполз с плеча и повис на согнутом локте. Послышался тихий смех, словно, вспорхнув, зашелестела крыльями стайка испуганных бабочек.

— Ну кто там? Покажись! — позвал Данила. По спине пробежал холодок. Про здешние места всякое рассказывают. Сказки, конечно, но все же...

Закачались ветви багульника, будто кто-то стремительно пробежал, стараясь быть незаме-

ченным. Из-за молодой сосны показалась тонкая женская рука. Легкий рукав скользнул вниз, оголив острый локоток.

— Смешной какой...

— Эй, хватит уже играть! — недовольно крикнул Данила и сделал шаг.

— Играть? — засмеялась девушка. — Давай играть!

Сосновая лапа пригнулась к земле. Из сырого мрака показалось женское лицо. Красивое. Рыжие волосы падают на лоб из-под большого цветочного венка. Нос — весь в ярких веснушках.

Данила прокашлялся, неуверенно переступил с ноги на ногу.

— Добрый день, девушка.

Она закинула голову и весело засмеялась:

— Какой же день? Вечер уж... Смешной!

Не спуская с него глаз, она осторожно переступила босой ногой через низкую ветку и остановилась. Рукой держалась за сосновую лапу, готовая в любой момент, как испуганный зверек, ускользнуть в глубь зарослей.

— Ну, вечер так вечер, — согласился Данила. — Я тут заблудился немного.

— Заплутал, Данилушка? — засмеялась незна-

комка.

Он вздрогнул:

— Откуда вы меня знаете?

Девушка по-детски всплеснула руками, голубые цветы в ее венке затрепетали, роняя лепестки.

— Да как же мне не знать-то тебя, Данилушка?..

— Мы где-то встречались? Не припомню, — мучился он, морща лоб.

— Не встречались, Данилушка. Только вот нынче взяли да и встретились.

Он почувствовал, как горячая кровь приливает к голове. Твердо сказал, вкладывая в голос остатки уверенности и здравого смысла:

— В общем, так! Не знаю, как вас зовут, только...

— Эльга, — серебряным колокольчиком прозвенел ее голосок. В нем слышалось едва заметное удивление, и даже легкое сожаление — «Неужели не узнал?»

Она приблизилась еще на два шага. Ее нежная девичья грудь выступала из-под тонкой ткани.

— Очень приятно, — кивнул он. — Вы же мне поможете? Если я правильно понял, вы — местная?

— Местная, местная! — еще веселей защебетала

девушка. — Места у нас красивые, хорошие места. Хоть весь свет обойди, таких не найдешь.

— Эльга, вы мне дорогу покажете? — хмуро спросил Данила.

— Какую дорогу? В тайге дорог много.

— Мне бы одну! — не без сарказма произнес он. — «Похоже, у девчонки с головой не все в порядке. Жаль. Красивая такая». — К ближайшему населенному пункту.

Серое облачко скользнуло по лицу девушки. Она взмахнула руками, будто теряя равновесие, и воскликнула жалобно:

— Уйти от меня хочешь?!

Все происходящее вдруг показалось Даниле сном — тайга, чудная девушка в белом платье, ее странные слова.

«Вот сейчас проснусь в домике на турбазе, — подумал он, — и все будет в порядке».

Он крепко зажмурился, открыл глаза, поморгал, словно отгоняя морок. Девушка стояла, держа руки на стройных бедрах.

— Вот ведь ерунда какая! — прошептал Данила, потом сказал громче: — Почему же уйти? Пойдемте вместе. Проводите меня до поселка. Я на турбазе живу, знаете? — Она быстро перемигнула глазами. — Там ребята веселые, девушки.

Захотите — с нами останетесь, я вас с друзьями познакомлю. Идет?

Она подалась вперед, напряглась всем телом. Испуганно покачала головой:

— Нет, нет, нельзя мне туда! И тебе нельзя!

— Вот те раз! — развел руками Данила. — Мне-то почему нельзя?

— Ко мне ты шел. Со мной и остаться должен.

«Да что же это такое, — думал Данила. — Ведьма она, что ли, какая-то? Старики говорят, много этого добра здесь водится — лешие, русалки озерные, кикиморы болотные. Вот тебе и сказочки. Уходить отсюда надо, пока не поздно».

— Хорошая вы девушка, Эльга, — сказал он, потупив взгляд, — только мне все же идти надо. К людям.

Девушка грустно улыбнулась:

— Никуда ты не уйдешь. Мой ты...

Он тяжело вздохнул, закинул на плечо рюкзак, усмехнулся:

— Ты мне тоже нравишься, Эльга. Да видно, в другой раз.

Данила поднялся на вершину холма, когда уже совсем стемнело. Из веток и больших сосновых лап соорудил себе просторный шалаш...

Потянуло холодом. Черноту неба прорезали

две косматые молнии — одна за другой. Деревья отбросили длинные тени. Отдаленной канонадой докатился гром. Начался настоящий ураган.

Снова сверкнула молния, в ее свете Данила отчетливо разглядел стоящую у дерева девушку. Мокрые волосы облепили ей лицо, платье пристало к стройному телу, проявив женственные формы.

— Данилушка! — помахала она ему рукой. — Иди сюда!

— Эльга?! — Он встал и, стараясь удержаться на размокшем дерне, побежал к ней. — Что ты здесь делаешь? Кто ты? — задыхаясь, прокричал он.

Она прижалась к нему всем телом, обхватила за плечи. Даже сквозь ледяную пелену дождя он почувствовал тепло ее тела и трепет сердца.

— Данилушка, — прошептала она одними губами, — пойдем, я укрою тебя от непогоды. Все будет хорошо.

Она взяла его за руку и повела через лес, увлекая все дальше и дальше.

Очередная молния сверкнула прямо над головой, оглушающе ударило. Застонало раздираемое на части дерево. С вершины огромного кедра посыпались искры, гигантским факелом запылала крона. Данила отшатнулся назад, поскользнулся

на мокром дерне...

Мир перевернулся вверх дном, чем-то больно ударило в затылок. Перед глазами вспыхнул оранжевый пузырь.

Тепло... Это было первое, что он почувствовал, очнувшись. Открыл глаза. Вместо черного неба над головой нависали бревенчатые балки, на них — связки сушеных трав. Он приподнялся на локтях, осмотрелся. Бревенчатая изба, меж бревен торчат обрывки гнилой пакли. В комнате чисто прибрано, в печке весело потрескивает огонь. Вдоль стен — длинные деревянные лавки, посреди комнаты — грубый стол, на нем — туесок, полный красных ягод. Сквозь закопченные стекла крошечного окна пробивается утренний свет.

Данила встал. Голова слегка кружилась. Он сделал шаг и почувствовал, что ноги путаются в одежде. На нем была длинная, до самых пят, полотняная рубаха. Вышел на порог. Прямо перед домом расстилалась большая поляна, огороженная, как частоколом, зарослями багульника, дальше — густой лес. Утреннее солнце золотило листву деревьев, промытые сосновые хвоинки сверкали нежной зеленью. От урагана не осталось и следа — в голубом безоблачном небе кружили птицы.

— Проснулся, милый?

Данила вздрогнул. Эльга держала в руках ворох его одежды.

— Доброго тебе утра, Данилушка.

— Спасибо, — ответил он, смущенно подбирая полы своей нелепой рубахи. — И тебе доброго утра.

— Смешной какой, стесняется, — засмеялась она. — А я вот одежду твою просушила.

— Где это мы? — спросил он.

— Дома, — ответила Эльга и запрыгала, закружила по поляне в веселом и беззаботном танце. — Дома, Данилушка!

— У кого дома? У тебя? — крикнул он ей вдогонку.

— У нас, Данилушка, у нас! — не переставая танцевать, пропела она и засмеялась, закидывая голову. Розовые лепестки разлетались с ее нового венка.

— «У нас»... Вот тебе новости! — покачал головой Данила и пошел в дом переодеваться.

Когда он снова вышел на порог, Эльги нигде не было видно. Он обошел вокруг избы, вернулся, сел на порожек. Стал ждать. Белое платье замелькало за деревьями — Эльга, весело щебеча, подбежала к нему, опустилась на колени и высыпала из

подола десятка два розовых волнушек.

— Вот, грибочков тебе собрала, Данилушка. Тайга богатая, добрая, все есть — и грибочки, и ягодки.

— Послушай, Эльга, как же ты дотащила меня сюда? — спросил он.

— Да разве ж могла я суженого своего бросить? — ответила она.

— Вот те раз... Прямо-таки — суженого?

— Да, ты ведь ко мне шел.

Он удивленно посмотрел на нее:

— Странная ты девушка...

— Тот странный, кто странствует, — улыбнулась она, ничуть не обидевшись. — Ты вот всю жизнь странствуешь, ищешь чего-то. Никак не найдешь. А может быть, нашел уже? Может быть, ты меня искал?

— Может быть, — криво улыбнулся он. — Пойдем, что ли, грибы жарить?

Пьянящий аромат жареных грибов приятно щекотал нос. Золотистые волнушки весело шкворчали на большой чугунной сковородке. Данила только сейчас понял, как он проголодался. Эльга сидела напротив и, подперев голову, с интересом смотрела, как он ест.

— Аты? — пододвинул он сковородку.

Она улыбнулась, покачала головой.

— Одна живешь? — спросил он.

— Тайга большая... — ответила она.

Данила пожал плечами — «Не хочешь — не говори». Бросил в рот пригоршню алой морошки. Вкусно! Отложил деревянную ложку, отодвинул сковороду. По-походному, ладонью, вытер усы и бороду. Вздохнул, глядя на Эльгу. Она склонила голову к плечу, любуясь гостем. Через распахнутую дверь слышалось ровное дыхание тайги, птичий щебет.

— Спасибо тебе, Эльга, — сказал Данила. На душе у него почему-то было тяжело. — «Бросить все, остаться с ней, — подумал он. — Вон красавица какая. Чудная немного, дикая».

— На доброе здоровьице, Данилушка, — ответила она с легким поклоном.

Он встал, расправил под поясом рубаху.

— Пора мне. Пойду... — произнес он немного извиняющимся тоном. — Спасибо тебе за все.

Она встрепенулась, заморгала быстро-быстро.

— Шутишь, Данилушка? Играешься?

— Да нет, не шучу. Мне и правда — пора. Покажешь дорогу?

В ее огромных глазах засверкали солнечные лучики. Она обошла стол, привстала на цыпочки

и коснулась его губ своими мягкими, теплыми губами. Поцеловала осторожно и как-то неумело. От нее исходил едва уловимый аромат лесных ягод и хвои. Данила почувствовал, как по телу пробежала сладкая истома, закружилась голова. «Как мальчишка...» — подумал он. Обнял ее за талию, привлек к себе, поцеловал в губы. Крепко-крепко. Она чуть слышно застонала. Он отпустил ее, отошел.

Она смотрела на него и ласково улыбалась:

— Останешься?

Он снова вздохнул. «Вот так они и заманивают нашего брата в лесные дебри, — думал он. — Они? Кто они? Кто же она такая?»

— Не могу, — решительно покачал он головой. — Прости!

Он был готов к тому, что она начнет уговаривать, возможно — заплачет. Даже мысленно подготовил какие-то слова, объяснения. Но она вдруг взмахнула руками, так что легкие рукава ее платья белыми крыльями взлетели вверх, и закружила по комнате. На ее лице застыла блаженная улыбка. Она кружила и кружила, и Даниле начало казаться, что он слышит тихую, волшебную музыку. Тонкие аккорды манили его, заставляя сердце биться в такт чарующей

мелодии.

Мир поплыл перед глазами, под потолком запрыгали зеленые искорки. Воздух стал густым и упругим, повел, затягивая, словно в омут. Данила ухватился рукой за край стола, удержался на ногах. Мистика какая-то! Тряхнул головой, набрал полную грудь воздуха. Схватил лежащий на лавке рюкзак и вышел вон из избы. На пороге обернулся; не глядя, бросил через плечо, решительно и резко:

— Прощай, Эльга!

И быстро пошел на юг, продираясь через густые заросли багульника и жимолости.

Он шел, надеясь выйти к своему последнему лагерю. Места были незнакомыми, очевидно Эльга долго тащила его бесчувственного. «Чудеса, — думал он, — такая хрупкая на вид девушка». Высоченные кедры подпирали небо своими лохматыми кронами. Далекая кукушка привычно вела отсчет чьим-то годам. В сочной траве стрекотали насекомые, легкие комариные рои выжидающе подрагивали в тенистых местах. Где-то за кустами прыснул заяц, тревожно застрекотала сорока. Меж стволов мелькнула длинная тень...

Данила остановился, вглядываясь в лесной

сумрак. Большой бурый волк будто вырос из-под земли. Замер на месте, глядя человеку прямо в глаза.

— Ух ты, черт! — выдохнул Данила и машинально схватился за висящие на поясе ножны — пусто. Ножа не было. Под правым глазом затрепетала нервная жилка. Не проявляя агрессии, волк поводил блестящим носом, втянул воздух и грузно лег на землю, по-собачьи поджав под себя передние лапы. Казалось, он всем своим видом показывал человеку, что не намерен нападать первым, но и уступать дорогу тоже не собирается.

— Ладно, ладно, хороший волчок, — прошептал Данила, сворачивая влево. Не становясь спиной к хищнику, он сделал несколько осторожных шагов. Острые волчьи зрачки неотрывно следили за каждым его движением. Страх ударил неожиданно и резко...

Данила сделал большой прыжок и что было сил побежал прочь. Он время от времени оборачивался, ожидая погони или внезапного броска из кустов. Но волка не было, возможно, он просто не хотел пускать человека на свою территорию и не собирался преследовать его.

Данила остановился, перевел дух. Пошел вперед, забирая вправо по большой дуге. Потянуло

сыростью. Почва под ногами стала податливой, мягкой. Где-то впереди верещали лягушки. Болото? Брызги алой клюквы на мшистых кочках, острые перышки осоки. Нога провалилась сквозь дерн и увязла в черной липкой жиже. Нос уловил запах сероводорода. Болото, чтоб его!

— Что, рыжая, не выпускаешь меня?! — закричал Данила.

— Не выпускает, не выпускает!.. — разнеслись по болоту противные писклявые голоса. Загоготало, завыло, затрещало. Липкий туман поднялся с болота, длинными щупальцами потянулся меж кочек, завертелся воронками. Звуки неслись со всех сторон, блуждали, метались. Данила закрутился на месте, пытаясь разглядеть в болотном мареве гогочущее бесовское племя. Мелко перекрестился...

Вдруг все стихло. Только лягушки нестройным хором тянули свою унылую песню да ныли над ухом жадные до человеческой крови комары. Туман рваными лоскутами колыхался, тая над болотом. Данила выбрался на сухое место, потоптался, тщетно пытаясь сбить с кроссовок липкую болотную грязь. Махнул рукой и пошел в обход.

Он долго плутал по лесу, натыкаясь то на болото, то на непроходимый бурелом. Небо быстро

темнело, над верхушками старых кедров заблестел тонкий серпик, проклюнулись ранние звезды.

Вечерний сумрак уже перекрасил лес в серые тона, когда Данила наконец-то разглядел за ветвями деревьев бледный огонек.

— Ну, вот и все! — устало прошептал он, выбираясь на открытый участок.

Бревенчатая избушка приветливо светилась крошечным окошком, из покосившейся трубы тянуло теплым дымком...

На пороге, смешно скрестив ноги, сидела Эльга и сосредоточенно плела новый венок.

Данила остановился как вкопанный. Эльга подняла голову, всматриваясь в сумрак, увидела, помахала рукой:

— Ужин готов, Данилушка!

2

Первый снег весело поскрипывал под ногами, дышалось легко и свободно. Данила возвращался с утренней рыбалки, неся в мешке двух больших омулей.

«Подмораживает. Скоро — на подледную...» — думал он, с удовольствием вдыхая ароматы осеннего леса. Грибов, ягод, кедровых орехов, че-

ремши запасли вдоволь. Рыба ловилась чуть ли не голыми руками. Жаль, охотиться Эльга не разрешала, не позволяла зверей убивать. Чудная!

Данила жил у Эльги уже третий месяц. Надежду выбраться из этого заколдованного места он оставил, наверное, лишь после двадцатой попытки. Уходя рано утром, полный решимости одолеть Эльгины колдовские препоны и дойти, наконец, до людей, он возвращался поздно вечером, весь измотанный и разбитый. В том, что непроходимые болота, буреломы, лешие да мороки были делом рук его суженой, Данила уже не сомневался. Какой бы путь он ни выбирал, в какую бы сторону ни шел, он всегда возвращался на ее поляну, к ее дому. К их дому...

Поначалу он злился, раскидывал по избе вещи, кричал. Выпустив пар, затихал на полу у печки и молча скрипел зубами. Но со временем он свыкся с мыслью, что все именно так и должно быть, что это и есть его судьба. Постепенно понял... нет, не понял — почувствовал, всем сердцем ощутил, как дорога ему эта странная девушка. Внушила ли она ему любовь своими колдовскими чарами или и вправду была его суженой? Не знал он этого и не пытался понять.

Однажды Эльга прибежала из леса, загадочно

сверкая глазами. Данила засмеялся, глядя на ее растрепанные от быстрого бега волосы. Она опустилась на траву у его ног и протянула руку. На ее узкой ладошке лежали два берестяных колечка — одно побольше, другое поменьше.

— Вот, — переведя дух, сказала она.

— Что это? — удивился он.

— Колечки, — по-детски растягивая гласные, ответила она. — Тебе и мне...

Он улыбнулся, взял маленькое и надел ей на безымянный палец. Она вспыхнула, покраснела, расцвела счастливой улыбкой. Потом, заметно волнуясь, взяла второе кольцо и аккуратно надела ему. Он поднес руку к глазам, полюбовался. Причмокнул языком.

— Вот мы и повенчаны, — тихо сказала она.

— Выходит, так, — согласился он и поцеловал ее в губы.

Прошло еще три месяца. Зима подходила к концу, но крепкие сибирские морозы, казалось, не собирались уступать место весенней оттепели.

Данила вернулся из леса с охапкой дров, высыпал в углу. Эльга стояла у печки, что-то помешивая в котелке. Он обнял ее за плечи, она повернула к нему лицо, грустно улыбнулась.

— Что с тобой, Элька? — спросил он, прикоснув-

шись носом к ее щеке.

Она молча положила ложку, повернулась к нему.

— Садись!

Он сел на лавку, положил руки на стол. Выжидающе посмотрел на нее. Она тихо села напротив.

— Поговорить нам с тобой надо, Данилушка.

— Надо, значит, поговорим, — стараясь казаться бодрым, ответил он, но в душу уже закрадывались нехорошие предчувствия.

Эльга долго молчала, казалось, что она борется с собой, не решаясь произнести что-то важное, может быть — страшное.

— Домой тебе надо, Данилушка, — еле слышно сказала она. Ее глаза заблестели, став похожими на два огромных изумруда.

— Домой? — все еще игриво переспросил он. — Так я вроде бы дома.

— К родителям тебе надо... — Слезы двумя тонкими ручейками полились из ее глаз. Он впервые видел ее слезы.

— Почему? — только и смог спросить он, почувствовав беду.

— Твой отец...

— Что с ним?

— Болен он, Данилушка. Иди, я отпускаю тебя.

У реки найдешь тропинку, она выведет тебя к людям.

Он собрал рюкзак. Подошел к ней, обнял. Она запрокинула голову, в глазах застыла печаль.

— Эля, — сказал он, голос дрогнул. — Я вернусь к тебе.

— Прости меня, — прошептала она.

— Я вернусь к тебе! — повторил он. — Обещаю!

Он успел...

— Ничего, Данила, не грусти, — шептал отец, борясь с приступами кашля. — Все правильно, всему свое время. Главное — с тобой успел повидаться. Слава Богу, нашелся...

Данила сжал руку старика.

Отца похоронили в начале апреля...

После поминок были визиты старых друзей, нескончаемые просьбы об интервью от назойливых газетчиков. Один уважаемый телеканал даже предлагал снять фильм. Данила от всего отказывался.

Московская жизнь казалась ему неестественной и странной. Потеря отца надломила его, он стал неразговорчивым и угрюмым. Мать, как могла, успокаивала, сама мужественно борясь с потерей. Она изменилась, постарела. Исчезнове-

ние сына, болезнь, а затем и потеря мужа сильно подорвали ее здоровье.

— Ты вернулся... — часто повторяла она, вкладывая в эту простую фразу все переживания, обрушившиеся на нее за последние полгода. Казалось, этими словами она пыталась подвести итог, найти какой-то баланс между горем и радостью, потерей и необходимостью жить дальше.

В мае Данила вышел на работу. Постепенно забывались былые тревоги и страхи. Эльга оставалась в памяти как удивительное, необъяснимое и немного пугающее приключение. Сохранилось ли чувство? Вряд ли он смог бы однозначно ответить на этот, казалось бы, простой вопрос. Все так перемешалось, наложилось одно на другое. Осталась какая-то невысказанная, щемящая сердце тоска. Тоска по зеленым, будто изумруды, глазам. По задорному, тревожащему своей легкостью смеху. По теплым прикосновениям ласковых рук. Да еще — берестяное колечко, которое словно приросло к безымянному пальцу, не желая сниматься.

Нет, он не забыл Эльгу, просто ее образ исподволь слился с чем-то нереальным, мистическим. Как сказочный сон, который вспоминаешь все утро, стремясь вновь и вновь испытать те вол-

шебные эмоции, которые владели тобой во сне. Днем краски тускнеют, чувства притупляются. А к вечеру сон и вовсе растворяется в яви, оставляя в сознании лишь тусклые образы да смущение от своей прежней восторженности.

Ирина вошла в его жизнь стремительно и просто, без излишней романтики. Ему — тридцать четыре, ей... немного меньше. У него — квартира и приличная зарплата, у нее — карьера и все еще великолепная внешность. Они встретились случайно, на какой-то вечеринке, разговорились, он попросил ее телефон. Через неделю он уже не представлял себе без нее жизни.

Для Данилы Ирина была олицетворением всего реального и объяснимого, всего того, чего ему так недоставало в Эльге.

В сентябре сыграли свадьбу. Берестяное колечко не поддалось ни мыльной воде, ни ножу, ни кусачкам. И золотой символ мирского брака обиженно скользнул на средний палец его руки...

Прошел год...

Как-то вечером после рабочего дня Данила с женой сидели на диване в их маленькой гостиной. Ирина, как всегда, щелкала клавишами ноутбука, выискивая что-то в интернете. Данила отрешенно переключал каналы телевизора.

— Надо же... — покачала головой Ирина.

Он вопросительно поднял глаза.

— Смотри! — она повернула к нему ноутбук. — Тайга горит. Как раз в том месте, где ты тогда... пропал.

— Поселок там большой, — встревожился Данила.

— Поселок вроде бы не затронуло. Уже три дня горит в одном месте, дальше огонь не распространяется. Ученых понаехало...

— Карту выведи! — схватил он ее за руку.

— Данила, напугал! — вздрогнула Ирина.

— Карту выведи, пожалуйста! — повторил он.

Ира пожала плечами, пощелкала по ссылкам. На экране возникла спутниковая карта района бедствия. Вот речка (омуль там прямо в руки прыгает), вот болота (хохочущие на разные голоса), вот поселок, похоже, он в безопасности... Выжженный участок тайги, пятном с копеечную монету, чернел в десяти километрах к северу.

— Эльга! — выкрикнул он. Ирина вздрогнула, ноутбук выпал из ее рук и упал на пол.

— Данила, что с тобой!

Он обхватил голову руками. Его бил озноб.

— Данила, Данила! — трясла его жена.

Он поднял на нее глаза, она отшатнулась, про-

читав в его взгляде признаки безумия.

— Мне надо... Ирина, мне туда нужно!

— Куда туда? — недоуменно спросила она.

— Это ненадолго. Я должен... Прости!

Даже не позвонив матери и не предупредив начальство, он выехал в аэропорт. Дорога заняла почти целые сутки: самолетом из Москвы, потом — вертолетом до районного центра, дальше — попуткой до поселка. Потом пешком. Вокруг очага стояли посты МЧС, но пройти незамеченным было легко — желающих проникнуть в аномальную зону (именно так уже стали называть это место). было не много.

Данила вышел рано утром и уже к середине дня подошел к границе пожара. В лицо ударило жаром. Зрелище действительно было странным. Огонь сплошной стеной стоял на одном месте, не распространяясь дальше какой-то невидимой границы. Там, внутри зоны, за языками пламени виднелись искореженные головешки деревьев, черная земля.

Данила сбросил с плеча рюкзак, снял куртку. Подошел вплотную к границе огня. Задымилась рубаха, по усам и бороде пробежали предупреждающие искорки. Он набрал полные легкие воздуха и сделал шаг...

Нога еще не успела коснуться прожженной земли, как огонь отступил, образовав коридор. Данила кивнул — «Вот так...» — и пошел вперед. Огонь отступал все дальше и дальше. Под ногами хрустели, рассыпаясь, черные угли.

— Эльга! — позвал он. — Эля!

Порыв ветра пронесся над горящей тайгой, вздрогнул горячий воздух. Огонь начал слабеть прямо на глазах и скоро совсем потух. Только струйки белого дыма напоминали о былой трагедии.

— Эльга, — тихо сказал Данила.

— Вернулся... — прозвенел за спиной знакомый голос. Сердце сжалось. Он обернулся.

Эльга стояла посреди выжженной поляны, склонив голову к плечу. В ее огромных глазах читалась тоска, перемешанная с радостью.

— Элька, ты зачем безобразничаешь? — спросил он...

Они сидели у реки, опустив в воду ноги. В голубом небе щебетали птицы.

— Ты сдержал обещание, вернулся, — сказала она.

— Эля... — он замолчал, не зная, как продолжить.

Она быстро повернулась и приложила ладонь

к его губам:

— Не надо! Молчи. Поезжай домой, теперь все будет хорошо...

3

Данила сидел с удочкой на берегу тихой подмосковной речушки. Вокруг шумел густой рукотворный лес. На поплавок села большая стрекоза, засверкала золотистыми глазками.

За спиной послышались шаги. Подошел парень и сел рядом с Данилой.

— Ну что, порыбачишь еще, дед? — спросил он.

Данила кивнул, не сводя глаз с поплавка.

— Ладно, тогда я вечером за тобой заеду, часов в пять. Идет?

— В семь, — сказал Данила.

Молодой человек засмеялся:

— Ну, в семь так в семь. Только деда Паша опять ругаться будет. Он все о твоем здоровье беспокоится.

— Пусть о своем здоровье беспокоится, — заворчал Данила.

— Но, деда Паша сказал...

— Так, слушай, Егор, — прервал его Данила. — Тебе деда Паша кто? Дед. Вот ты его и слушай. А мне он внук — пацан сопливый! Так что пусть

помалкивает. Доживет до моих лет, тогда и будет советы давать.

— Да уж, до твоих лет доживешь... — снова засмеялся молодой человек. — Удачной рыбалки. До вечера, деда Данила!

Молодой человек ушел.

Желтогрудая птичка села на ветку. Поплавок дернулся, Данила подсек... Эх, пусто! Снова забросил.

За деревом мелькнуло белое платье, послышались легкие шажки. Эльга села рядом с Данилой, обхватила за руку. Прижалась щекой.

— Все рыбачишь, Данилушка?

— Рыбачу, Элька, — ласково ответил старик и поцеловал девушку в щеку. — Опять прибежала?

— Куда же я без тебя? Ты же — суженый мой, — ответила она.

Данила посмотрел на берестяное колечко на своем пальце.

— Точно, суженый... Вот уж сто двадцатый год. Давай, что ли, рыбу ловить?

— Давай, — засмеялась она и крепче прижалась к нему.

По небу плыли белые облака, похожие на пряди овечьей шерсти.

Ирина КОМИССАРОВА
ДОРОЖНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

На родной стороне, говорят, и камушек знаком, а на чужбинке — словно в домовинке. И солнце светит не так, и деревья шумят по-другому, и ветер дует незнакомый. И спится беспокойно, и на душе нерадостно, и у кушаний вкус неприятный... Есть такие люди, которым на одном месте не сидится, все-то их куда-то вдаль влечет; иные в заграницах времени проводят больше, чем в собственном отечестве. Таковым-то людям, должно быть, везде хорошо, а обычному человеку — где свое, там и мило.

Будь на то воля Петра Налимова, он бы ногой не ступил на чужую землю. Но в жизни приходится поступать не токмо сообразно желаниям. Следуя долгу, отправишься не то что за пределы самых дальних рубежей, а и вовсе за край света.

Укрепляясь этой благонравной мыслью, Петр держал путь в тридевятый саксонский град Ляйпциг для обучения инженерному делу. Открывать кладезь наук было послано трое; поначалу и ехали втроем — но под Гродно Налимова свалила лихорадка. Призванный лекарь, вислоусый лях, заявил, что двигаться дальше в такой кондиции ему никак «не вольно», а у попутчиков, конечно, не было возможности дожидаться, пока товарищ поправится. Петр остался на попечении хозяйки постоялого двора, у каковой, понятное дело, и без того забот хватало с излишком. Налимов из семейства был небогатого, так что ни дядьки, ни лакея при нем не имелось, и добираться дальше предстояло ему в полном одиночестве. Оттого пребывал он некоторое время в унынии, и даже затянул на несколько дней с отъездом, хоть ощущал себя совершенно уже здоровым. В один из этих последних дней разговорился от скуки с одним проезжим — в постояльцах гостиный дом недостатку не чувствовал, но побеседовать было считай что и не с кем: иной не выказывал должного дружелюбия, иной не изъяснялся ни по-французски, ни по-немецки; а все другие наречия — будьте польский, будьте мадьярский, тосканский или ютландский — Петрову уху слышались

одной неразличимой китайской грамотой.

Проезжий по-немецки говорил чище, чем сам немец, а по-французски чесал бойчей галла. Знал он и по-польски, и по-шпански, и даже по-русски умел произнести «злава богу» и «это нитшего». Собой был смуглолиц, кучеряв и на диво низкорослм — не боле двух с половиной аршин. Назвался Гвидой, отрекомендовался торговцем. Узнав, что Налимов следует в Ляйпциг, обрадовался и тут же предложил ехать вместе. Одному нехорошо, сказал он, сдвинув черной гусеницей косматые брови; времена злые, лихоимцев на дорогах премного развелось; тот, кто сам по себе, для них легкая добыча, а двое — дело другое. И то правда, подумал Петр, один-то в поле не воин, а двое — уже отряд. Однако же все равно замялся с ответом, гадая про себя, не меньше ли все же опасности самому по себе, чем в неизвестной компании. Уж больно новый знакомец был быстроглаз и повадкой скользок. Ежели так страшно в пути без сотоварища, отчего же Гвидоша с самого начала себе его подыскать не потрудился? Разве что ему-то бояться как раз и некого...

От этаких размышлений Петр затревожился. Гвидаже ничего не замечал, разливался соловьем, обещал сводить в Варшаве в превосходнейшую

австерию; после заказал у хозяйки бургоньского и принялся угощать. Петр отговорился оставшимся после болезни головокружением и объявил о намерении отправиться спать. Гвида распрощался с ним в самых дружеских выражениях, пожелав крепкого сна и покойной ночи и призвав завтра же и выехать, словно бы совместное отправление было уже делом решенным.

«Ну уж, дудки, — сказал себе Петр, подозрения которого в отношении говорливого негоцианта всё укреплялись. — Стоит отъехать подальше, он небось сам и приставит ножик к горлу. А то, может, и дружки где-нибудь поджидают — так и подавно не унести ноги. Выеду и точно завтра, да только без него».

Чем больше он думал, тем тверже становилось его решение. Некоторое время спустя он попросил к себе хозяйку и сполна рассчитался за постой, наказав никого об его отъезде не оповещать. После чего и в самом деле лег спать, собираясь встать с рассветом, убив одной пулей двух зайцев: и отбыть пораньше, и отвязаться от непрошеного спутника.

Прошло как по маслу. Пробудился еще затемно, спустился вниз, где еще догуливали самые неуемные из гуляк, велел было подать себе завтрак,

да передумал, боясь наткнуться ненароком на назойливого Гвиду. Кобыла на конюшне была, конечно, расседлана, несмотря на вечерние распоряжения, но Петр не стал браниться, так не терпелось ему поскорее выбраться с опостылевшего заезжего двора.

Утро выдалось холодное, и Петр поначалу крепко промерз, но мало-помалу разогрелся, развеселился и взбодрился. Недомогания или слабости он совсем не ощущал; противу того, давно уже не чувствовал он в себе подобной крепости. Теперь все ему представлялось пустяком — все прошлые опасения и страхи.

Мерно стучали лошадиные копыта. На деревьях вдоль дороги сонно вскрикивали галки. Утренний туман еще не рассеялся до конца, и звуки словно проходили сквозь ватный слой, размывались и приглушались, прежде чем быть уловленными слухом.

Уноша скакал уже второй час, временами свистая себе под нос, временами принимаясь отчаянно зевать, так что выворачивалась челюсть. Вспомнилось ему вдруг, как в детстве папаша одного из приятелей пугал их, ребетят, историями про разную нечисть. И любопытно было, и боязно — не поймешь, что сильнее. Ежели кто пужался

больше меры и принимался плакать, рассказчик успокаивал: «У нас-то таких нет, всех повывели. Перебрались они в дальние земли — моравские да силезские, голштинские да баварские. Неспехи — к валахам, а лихо к ляхам. Вот там-то они кишмя кишат, по лесам бродят и гостей поджидают».

Петруша усмехнулся тогдашнему своему легковерию. Не так много в мире чудес, как в детстве представляется. Не анчутки в лесах надо беречься, а разбойников или еще каких душегубов, а спасаться не молитвой и крестным знамением, а седельным пистолетом да шпагой.

Словно в ответ на эти мысли, неожиданно почудился Петру за спиной цокот подков — словно тихое эхо, вторившее стуку копыт его собственной лошади. Налимов натянул поводья — отзвук стих. Тронул коня — эхо зазвучало снова. Сердце у Петра ворохнулось. «Это, видать, Гвидка проклятый за мной увязался, — подумал он. — Не иначе как верно я про него угадал».

Он пустил кобылу в галоп. Весь давешний боевой задор как рукой сняло. Туман не давал видеть далеко вперед, и казалось, не осталось на свете ничего, кроме пустынной дороги и леса, высившегося с обеих сторон мрачной стеной. Хоть себя Петр числил молодцом не робкого десятка, одна-

ко же безрассудство было ему не свойственно, и приключений он не искал. «Прирежет меня за кошель и поминай как звали», — хмуро подумал он, ругая себя за то, что разболтался накануне с первым встречным.

Вдалеке послышался ему собачий лай, и он размыслил, что, верно, где псы, там и хозяева. Должно быть, поблизости расположилась деревня. Будто в подтверждение догадки дорога тут же выпустила влево неширокий росток, и Петр свернул без дальнейших размышлений.

Через десяток минут и впрямь показалась деревня. Проступили из тумана треугольные крыши домов и шпиль небольшой часовенки.

«Постучусь куда-нибудь, попрошу подать молока и хлеба», — решил Петр, с вечера не имевший во рту маковой росинки. Он спешился и повел кобылу в поводу.

Кроме птичьего перещебетывания никаких прочих звуков слышно не было. Тишина стояла полнейшая, даже псы, которые своим брёхом привлекли внимание Петра, сейчас словно воды набрали в рот. По счастью, смолк и стук копыт невидимого преследователя, верно, не захотевшего обнаружить себя в людном месте — а может, и вовсе упустившего свою цель на развилке.

«Ишь как пусто», — подумал Петр, поглядывая на темные окна, за которыми не видно было никаких признаков жизни. Двери были закрыты, на улицах ни души. Он постучался в ближайший дом, но никто не отворил. Меж тем заброшенным селение не выглядело. Ставни были распахнуты, дворы прибраны, на срубе колодезя стояло ведро, полное воды. Петр шел, крутя головой во все стороны, но не встретил ни единого живого существа. То и дело мерещилось ему то куриное квохтанье, то свиное похрюкиванье, то человеческий оклик — но всякий раз оказывалось, что это распаленное воображение играет над ним очередную шутку. Непонятно было, что и думать. Точно все жители вдруг ушли куда-то разом, притаились где-то неподалеку, скрывшись от глаз постороннего, а собственных взглядов при этом с него не сводя.

Чудно́. А чуднее всего, что ни с того ни с сего все сильнее казалось Петру, что про это самое место, не то что расположения, но даже и названия которого он знать не знал и знать не хотел, он запамятовал что-то. Что-то важное да непростое. Увивалось это что-то вкруг головы, как муха, а стоило потянуться, чтобы ухватить, ускользало прочь, как вода сквозь пальцы. Словно бы вот

только что кто-то говорил ему — а что говорил, забылось напрочь.

«Черт с ним со всем, — сказал себе Петр. — Угодно им в прятки играть, пусть другого водящего ищут. Мне недосуг».

Порядком рассердившись, он опять взобрался в седло. Сейчас, пожалуй, он был бы рад, если бы ему под руку подвернулся какой-нибудь разбойник. «Если снова пристроится в хвост, поверну лошадь и поскачу ему навстречу, — объявил Налимов мысленно. — Поглядим, кто от кого в ретираду пустится».

И опять померещилось, что вот только что держалось в голове что-то нужное, да тут же снова потонуло бесследно в памяти.

«Туман еще этот окаянный все никак не разойдется, — подосадовал он. — Уж все время вышло, а ни зги не разглядеть».

И в самом деле, утро уж кончилось давно, а туман не только не редел, но, пожалуй, становился гуще. Кобыла понуро трусила по безлюдной улице, а та будто вытягивалась и вытягивалась вперед, словно вознамерившись длиться вечно.

— Да кругом же хожу! воскликнул вдруг Петр, натягивая поводья.

И точно. Вот и колодезь с ведром; и дом с пе-

рекошенной печной трубой, в который давеча стучался; и шпиль часовенки, еле различимый сквозь молочную пелену.

Что за бесовщина, подумал Налимов. Он тронул бока лошади каблуками, но та вдруг принялась упираться и фырчать и никак не желала успокаиваться. Спереди вдруг донесся хриплый басовый вой, от которого у Петра вздыбились волосы на руках и шее. Вой повторился — низкий, утробный, не похожий ни на что прежде в жизни слышанное — и мгновение спустя раздался ответный, уже не спереди, а из-за спины. Кобыла всхрапнула и испуганно заплясала на месте. И еще один откликнулся — совсем уж близко: глухое голодное ворчание, не звериное, не человеческое, а вовсе уж какое-то несообразное.

Кто хочешь оледенел бы от ужаса, но Петр и тут не поддался страху. Он спрыгнул на землю и, крепко ухватив лошадь под уздцы, провел ее за калитку дома с кривой трубой, ставшего почти что знакомым. Лошадь привязал к дальнему дереву, а сам без церемоний растворил незапертую дверь и вошел внутрь. С хозяевами, если они объявятся, уж как-нибудь можно будет объясниться — не до политесу, когда по пятам идет не пойми что, которое так воет, что кровь стынет в жилах.

Комнаты выглядели так же, как и улицы, — словно их только что оставили; бросили, недоделав, все дела и растаяли в воздухе, как по волшебству. Полы были чисто выметены, кровати застелены, печь растоплена. Скамья сдвинута, словно на ней только что кто-то сидел. Петр встал коленом на скамью и придвинулся к окну, собираясь рассмотреть, что за твари вышли на охоту посреди бела дня.

За невысокой оградой в тумане, и верно, кто-то двигался — какие-то высокие скрюченные фигуры. Петр вглядывался, затаив дыхание, словно опасаясь, как бы его не услышали с улицы. И было чего опасаться. Таких созданий, какие представились его глазам, не видывал он прежде даже и в страшном сне. Одни передвигались на четырех ногах, как звери, другие ковыляли на двух, низко свесив вдоль тулова две другие длинные лапищи, так что они почти касались земли. Одна из тварей подошла вплотную к распахнутой настежь калитке и встала, поводя мордой, словно принюхиваясь. Петр отпрянул было от окна, но любопытство пересилило, и он снова осторожно придвинулся к стеклу. Туман расступился, и странная животина была видна как на ладони. Тело у нее было худое, изможденное, покрытое

клоками свалявшейся шерсти, сквозь которую просвечивала светлая, почти белая кожа. Морда узкая, длинная, на манер волчьей, с глубоко сидящими глазами и носом, будто вывороченным наружу, так что осталась лишь впадина, едва прикрытая тонкой подрагивающей перепонкой. Зрачки светились, как полуостывшие угли. Если б задался какой живописец изобразить черта из пекла, то и он не смог бы придумать страшней образины.

«Учует конский дух, враз сожрет кобылу», — подумал Петр, завороженно наблюдая, как чудище водит рылом вправо и влево. Вдруг показалось ему, что в сенях скрипнула дверь, и он обмер, заледенел, не в силах пошевельнуться. «Неужто не запер?» — подумал он, чувствуя, как кровь отливает от сердца. Вот и снова скрипнула, уж точно теперь. Петр схватился за шпагу, но даже вытащить ее не смог — руки были словно чужие, пальцы отказывались повиноваться. Никто, однако, не входил, и шагов ничьих не было слышно. Петр бросил взгляд в окно — зверюга стояла на прежнем месте, наклонив уродливую башку к плечу, словно ожидая чего-то. Выхватив наконец застрявшую в ножнах шпагу, Петр бросился в сени. Никого там, по счастию, не обнаружив,

трясущимися руками он накинул крюк и привалился к стене, тяжело отдуваясь.

«Ничего нет на свете подлее страха, — сказал он себе. — От страха скорее сгинешь, чем от любой беды. Сколько ни готовься, сколько заранее ни крепись, а столкнешься с настоящим лихом и обомлеешь».

«...Неспехи — к валахам, а лихо — к ляхам...»

Жутко, жутко. Вот тебе и сказки, вот тебе и Юрьев день.

Из огня попал да в полымя.

Уж теперь ясно стало, что и туман неспроста, и дома пустые, и улица, в кольцо свитая. Угодил в ловушку колдовскую, как кур в ощип.

Петр зажмурился, призывая все свое мужество.

«Не пристало мне, как цуцику, под лавкой жаться. Звери или бесы, колдовство или морок — какой толк праздновать труса? Кто устрашился — тот без боя проиграл. Что будет, то будет, а доблесть при любом обороте должна остаться при мне».

Сдвинув брови, Петр прошел в комнату и снова приник к окну. Несмотря на всю решимость, по коже его пробежал озноб. Широкий двор был полон тварей. Десятка два, не меньше, расселись прямо на земле, нетерпеливо царапая ее когти-

стыми лапищами. С длинных морд капала слюна, щетинилась на загривках лохматая шерсть. Туман выгнулся над собранием высоким куполом: видно было все до мельчайшей подробности, и невозможно было глаз оторвать от зрелища — словно занавес поднялся над театральной сценой.

Совсем стало беспокойно и тоскливо от этого терпеливого выжидания. Сердце сжалось томительным, тягостным предчувствием, застучало глухо и сильно. И снова, снова перехватило горло от сознания чего-то упущенного, позабытого — как будто щекотал ухо чей-то неразличимый тревожный шепот, настойчивый, но бессильный, твердящий на все лады о какой-то только что позабытой вещи, какую забывать ни в коем случае нельзя...

Точно завороженный, глядел он на двор, ожидая заодно с богомерзкими созданиями чего-то неминуемого и неотвратимого, что вот-вот должно было произойти.

В раскрытую калитку вошел новый зверь — выше и мощней всех сидящих. Серая его шерсть отливала серебром, а шел он прямо, как человек, не сгибая спины и не касаясь, как прочие, земли передними лапами. За собою он вел рас-

трепанную девчонку лет двунадесяти, в простом крестьянском платье и расшитой душегрейке. Девчонка следовала за ним послушно, не крича и не упираясь, стек-лянно тараща круглые глаза и обмякнув, как тряпичная кукла.

Убегай, хотел крикнуть ей Петр, но, конечно, не крикнул, только медленно пошевелил губами, точно снулая рыба. Он крепко сжал эфес шпаги, чувствуя щекой, как воздух вкруг его становится горячим и душным, словно сама комната вместе с ним закипала гневом и негодованием.

Чудище вывело девчонку в центр круга и подтолкнуло в спину, так что та покачнулась и жалобно скривила бледное личико. Как по команде, сидевшие звери поднялись и стали медленно приближаться, смыкаясь кольцом вокруг тощенькой фигурки.

«Прочь! — мысленно прокричал Петр. — Убирайтесь к дьяволу, гнусное отродье!»

Он вскочил, с грохотом опрокинул скамью. Твари оборотились на шум, и Петр отпрыгнул за стену, чуть не споткнувшись о собственную шпагу.

Он хотел немедленно выбежать наружу. «Будь что будет, — выстукивало сердце, — будь что будет». «Смелость города берет! — воскликнул

громко внутренний голос. — Кто устрашился, тот без боя проиграл!» И тут же другой голос, тонкий и повелительный, возгласил: «Что тебе до девчонки, дурак! Ей уж все одно не спастись, а так и сам сгинешь. Разве разгонишь ты этакую стаищу? Доблесть в том, чтобы голову на плечах сохранить, а не в том, чтобы с плеч обронить».

А ведь и верно, сказал он себе. Что ж я могу один, один в поле не воин, вот если б хотя бы двое. Жалко христианскую душу, но а меня-то кто пожалеет. Ведь и похоронить-то будет некому, и не узнает никто. И девчонку не отобью, и сам пропаду.

Может, и не наяву это все, мелькнула мысль.

Может, ежели не думать ни о чем, то и окажется, что нет ничего. И страшиться нечего, и мучиться не о чем, и решать ничего не надо...

Он опять зажмурился, отворотился совсем от окна, и тогда послышался новый голос, тихий и горестный; и звучал он не в голове, а раздавался в самой комнате. И хоть слова были не русские, не немецкие и даже не французские, Петр понял каждое, будто так и было положено.

— Сотню лет назад это случилось. Сотню лет от этого дня загрызли скарбецкие волкодлаки дочку кузнеца. Сам кузнец напился пьяным и спал мерт-

вецким сном, знать не зная, что вокруг творится, а остальные все по домам сидели, запершись на все запоры. Молодую Каролинку прямо посреди деревни волки пожрали, и никто даже носа за калитку не высунул. Никто не отпер двери, каждый за свою шкуру дрожал. С тех пор проклятье легло на деревню. Как от Каролинки в тот день отвернулись, словно не было ее, так мир от нас отвернулся, словно и нас в нем не жило никогда. Растаяли мы все, будто снег по весне. Смотрят на нас и не видят; говорим мы — не слышат; самая память о нас исчезла, как страница, из книги выдранная. Есть мы — и нету нас. Точно рябь на воде. И каждый день все повторяется сызнова: наползает туман, приходят волки, снова и снова гибнет страшной смертью призрак Кузнецовой Карол инки. И сколько ни кричи, ни отгоняй и ни пали из ружей, поменять ничего нельзя. Наши пули проходят насквозь, не причиняя никакого вреда; наши крики в одно ухо влетают, чтобы тут же в другое вылететь; а Каролинка мертва давно. Сделанного не воротишь, а бездонного не вычерпаешь. Вся надежда наша, что случайный проезжий завернет ненароком в нашу деревню, о которой никто не знает и которой ни на одной карте нет. Редко такое бывает, и всякий раз зами-

раем мы в уповании, что, может быть, на этот раз заклятье будет поломано. Но никто не может совершить того, чего не смогли мы. Каждого страх сковывает по рукам и ногам, каждый прячется за запертыми дверями. Снова и снова умирает призрак Каролинки, снова и снова гаснет наша надежда. Никогда не избавиться нам от наказания. Хлеб наш застревает в горле, как камень, и вода жжет, как огонь. Нет ничего острее на вкус, чем страх; нет ничего горше, чем сожаление.

Петр жмурился все крепче, словно желая отгородиться от тихого голоса, который теперь наконец-то перестал быть неразличимым. Веки были крепко сомкнуты, но и перед мысленным взором скалилась, словно застыв в издевательской усмешке, жуткая морда волкодлачьего главаря, вдруг показавшаяся как две капли воды похожей на гадкую рожу Гвидки с постоялого двора. Точно та же зверья повадка, точно тот же несытый блеск в глазах...

Глухой сдавленный стон слетел с губ Петра. Он хотел выбежать наружу, хотел так отчаянно, как ничего еще не хотел на свете — огорошить тварей истошным криком, вонзить клинок в сердце вожаку и вырвать у него из когтей бедную Каролинку — да только понимал уже, что шпага

его пройдет насквозь, не причинив никакого вреда, а самый громкий крик бесследно растает в воздухе, как снег по весне...

INFO

(391)

2011

Главный редактор
Евгений КУЗЬМИН
Художник
Андрей СИМАНЧУК

Адрес редакции
127015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, офис 607
Телефон редакции (495) 685-47-06
E-mail real@iskatel.net
office@iskatel.net
info@iskatel.net
art@iskatel.net
Сайт www.iskatel.net
Телефоны для размещения рекламы
(495) 685-47-06, (495) 685-39-27
Служба распространения
(495) 685-59-01, (495) 685-66-87
E-mail mir_isk@orc.ru

Учредитель журнала

ООО «Книги «Искателя»
Издатель
ООО «Искательпресс»
© «Искательпресс»
ISSN 0130-66-34

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-35888 от 31 марта 2009 г.

Распространяется во всех регионах России,
на территории СНГ и в др. странах.

Подписано в печать 14.07.2011. Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная. Бумага газетная.
Усл печ. л. 8,4. Лицензия № 06095. Заказ № К-6188
Отпечатано в ГУП «ИПК «Чувашия»,
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.

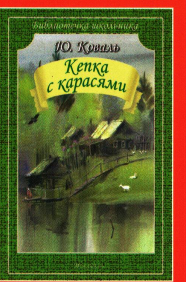
.....

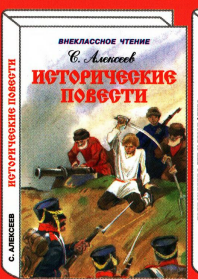
Сканирование
и обработка CRAZY_BOTAN
FB2 — mefysto, 2026

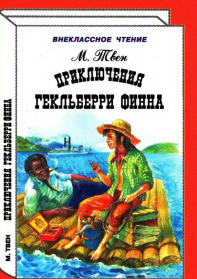
детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

НАШИ НОВИНКИ







Книги можно заказать в редакции или через сайт www.iskatel.net

ISSN 0130-6634